

ISSN 2409-336X

ВЕСНІК

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

$\frac{1(53)}{2019}$

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р гіст. навук прафесар Д.С. Лаўрыновіч (галоўны рэдактар);
д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (нам. галоўнага рэдактара);
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А);
Л.І. Будкова (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р. гіст. навук прафесар Д.У. Дук (Магілёў)
д-р. гіст. навук прафесар К.М. Бандарэнка (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар І.А. Марзалюк (Мінск)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар П.С. Карака (Мінск)
д-р філас. навук прафесар А.П. Пунчанка (Адэса, Украіна)
д-р філас. навук М.С. Конах (Каменскае, Украіна)
канд. філас. навук дацэнт В.У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А.В. Дзячэнка (Магілёў)

Філалогія:

д-р філал. навук дацэнт А.М. Макарэвіч (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Т.М. Валынец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т.Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт М.М. Караткоў (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.С. Лаўшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.В. Доўгаль (Магілёў)

*Навукова-метадычны часопіс “Веснік Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта імя А.А. Куляшова” ўключаны ў РІНЦ
(Расійскі індэкс навуковага цытавання),
ліцэнзійны дагавор № 811–12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:

212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
пакой 223, т. (8-0222) 28-31-51

ЗМЕСТ

БОНДАРЕНКО К. М. Отделы общероссийских правых партий на территории Белостокского уезда Гродненской губернии в начале XX века: возникновение и деятельность.....	4
СТРЕЛЕЦ М. В., БИЛЕВИЧ А. В. Деятельность общественных организаций в 1926–1939 гг. на территории Полесского воеводства во Второй Речи Посполитой ...	14
ТАБУНОВ В. В. Белорусская церковная уния в памяти населения белорусских земель конца XIX – начала XX ст.	24
БЕЛОЗОРОВИЧ В. А. Концепция белорусской истории М. В. Довнар-Запольского	29
ЧАЙКИН С. Н. Развитие системы управления тюрьмами на белорусских землях во второй половине XIX – начале XX в.	39
СПАРТАК А. А. Зарождение культа обелисков в Древнем Египте	47
ШЕМПЛЕХОВА Н. А. Выборы в Государственный Совет Российской империи на территории белорусских губерний: социальные и национальные аспекты.....	53
ПОПОВ А.В. Информационно-политическая коммуникация на территории белорусских губерний в феврале – апреле 1917 г.	59
ВИШНЕВСКИЙ М. И. Цивилизационный сдвиг и новые мировоззренческие ориентиры образования	69
ЛЮКЕВИЧ У. П. Філасофія алімпізму: феномен Старажытнай Грэцыі	77
ЧАЛОВА О. Н. Интеррогативная составляющая научной дискуссии	86
ГАПАНОВИЧ Е. А. Французская и белорусская семья в контексте кросс-культурной коммуникации.....	92
ГАРАНОВИЧ Т. И. О непереводимости в переводе, или Можно ли перевести непереводимое	99
ШАРАПАВА А. В. Беларуская апавядальная гісторыя 20–30-х гг. XX ст.: асаблівасці формы і стылю	105
ЮАНЬ СУНЬ. Лексико-семантические группы существительных, содержащих эмоционально-оценочные коннотации в русском и китайском языках	113
ЛАВЫШ М. А. Глаголы-отадъективы со значением 'приобретение полной меры нового признака' в русском языке	118
ЮБІЛЕЙНЫЯ ДАТЫ	
АЛЕНЬКОВА Ю. В. Юбилей Михаила Ивановича Вишневого.....	126

ІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 94(438)+329.21

ОТДЕЛЫ ОБЩЕРОССИЙСКИХ ПРАВЫХ ПАРТИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОСТОКСКОГО УЕЗДА ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

К. М. Бондаренко

доктор исторических наук, профессор
Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова

В статье впервые в отечественной и зарубежной литературе исследуется история возникновения правомонархических партий в Белостокском уезде Гродненской губернии, территория которой в начале XX в. входила в состав Российской империи. Анализируя архивные документы и периодические издания правых партий, автор приводит малоизвестные факты о внутрипартийной борьбе в правомонархическом лагере, участии белостокских монархических организаций в общественно-политической жизни региона.

Ключевые слова: монархическое движение, монархические партии, Союз Русского Народа, Союз Русского народа – обновленческий, Всероссийский Дубровинский Союз Русского Народа, Союз имени Михаила Архангела, правые партии, центристы, умеренно-правые, отделы правых партий.

Введение

Современные российские и отечественные историки, исследующие правомонархическое движение в России начала XX в., основное внимание, как правило, уделяли процессу станов-

ления, идеологии, стратегии и тактике крупнейших общероссийских партий и союзов, их деятельности в центральных губерниях империи [1–5].

Местные организации этих партий, в том числе и на российских окраинах, в лучшем случае перечислялись с указанием времени их создания, количественных характеристик, социального состава и персоналий руководящих органов. Подробный же анализ истории периферийных отделов общероссийских правомонархических партий (таких как: Русское Собрание (РС), Союз Русского Народа (СРН), Союз Русского Народа – обновленческий (СРН-обн.), Всероссийский национальный союз (ВНС), Отечественный патриотический союз (ОПС)), в этих работах фактически отсутствовал или носил фрагментарный характер. Только в последнее время в отечественной историографии стали появляться специальные статьи, полностью посвященные истории местных отделов общероссийских правых союзов [6–9]. Вместе с тем более обстоятельное изучение истории периферийных образований правых партий, анализ и обобщение опыта их практической деятельности дают возможность всестороннего и более глубокого исследования монархического движения в целом. В этой связи знакомство с процессом возникновения и практикой отделов правых партий в Белостокском уезде Гродненской губернии начала XX в. представляет несомненный интерес, тем более, что абсолютное большинство архивного материала, использованного автором в данной работе, впервые вводится в научный оборот.

Основная часть

Ведущие общероссийские правомонархические партии были созданы сторонниками самодержавия в ходе

первой российской революции. В марте-апреле 1905 г. в Москве вокруг газеты “Московские ведомости” образовалась Русская монархическая партия, которая сразу же выступила в защиту самодержавия, привилегированного положения Русской православной церкви и великорусской народности. Свою деятельность Русская монархическая партия концентрировала в основном вокруг Москвы, в центральных губерниях России. Почти одновременно с ней, на базе “кружка московских дворян, верных присяге” (созданного еще до революции братьями-близнецами Павлом и Петром Шереметьевыми и объединившим правое крыло земцев. – *К.Б.*), возникла монархическая организация под названием “Союз русских людей”, отличавшаяся от Русской монархической партии тем, что она признавала возможность существования законосовещательного Земского собора для установления и укрепления единства царя с народом. Союз русских людей вел активную пропагандистскую деятельность и пользовался известностью на окраинах империи, в том числе и в белорусских губерниях. По данным Департамента полиции, Союзы русских людей были образованы в г. Гомеле Могилевской губернии, г. Пинске Минской губернии и Режицком уезде Витебской губернии, в г. Могилеве – “Партия русских людей” [9, с. 13]. Однако все эти организации, как самостоятельные образования, просуществовали недолго и вскоре слились добровольно или были поглощены более сильными отделами Союза Русского Народа (СРН) – массовой политической организацией сторонников традиционной идеологии правого консерватизма, возникшей в Петербурге 8 ноября 1905 г.

Возникнув на подъеме революции, Союз Русского Народа быстро завоевал популярность и вышел за

пределы Петербурга и крупных губернских городов. Его отделы широко распространились и на территории тогдашних белорусских земель. Первые организации СРН в Беларуси датируются серединой 1906 г. [10, л. 31, 68]. Их создание стало регламентироваться Законом от 4 марта 1906 г., в котором были определены условия возникновения союзов и обществ, а также правила их регистрации [11, л. 19]. Однако в силу разных причин губернаторы и местные полицейские чины не спешили с регистрацией вновь открывающихся отделов СРН, что лишало последних права на легитимное, легальное существование и сдерживало количественный рост всей партии, а следовательно, и ее влияние на общественные процессы. В связи с этим Главный Совет СРН обратился за разъяснением положения закона в Министерство внутренних дел. В ответ на запрос МВД циркуляром № 222104 от 11 октября 1906 г. направило в Главный Совет Союза Русского Народа следующее уведомление: “По приказанию т. Министра Департамента Общих Дел уведомляет Совет Союза Русского Народа, что 23-го минувшего сентября Департаментом циркулярно разъяснено Губернаторам о порядке открытия отделений зарегистрированными обществами на основании ст. 32 отд. 1 закона 4 марта сего года о союзах и обществах, по смыслу которой зарегистрированное общество свободно открывает отделения, заявляя лишь немедленно Губернатору, градоначальнику или начальнику местной полиции по месту регистрации самого общества” [11, с. 19]. Наличие законодательной базы и упрощенная система создания и регистрации новых отделов и подотделов СРН и местных организаций других монархических партий привели к их быстрому росту на окраинах России в течение второй

половины 1906 и всего 1907 гг., а также способствовали расширению географии правомонархических образований.

Пытаясь выяснить истинную картину количественного состава своих организаций, руководство союза неоднократно обращалось с соответствующими запросами на места, однако получить достоверную информацию о реальном положении дел, по различным причинам, практически никогда не удавалось, тем более, что относительно постоянный и достоверный учет местных отделов и подотделов СРН его Главным Советом был налажен только к концу 1907 – началу 1908 г. Вопрос о количественном составе местных организаций правых партий интересовал и правительственные круги, которым необходимо было точно знать, какими силами в лице правых партий они располагают. В связи с этим Департамент полиции МВД в 1906 г., 1907–1908 и в 1915–1916 гг. через губернаторов, градоначальников и губернские жандармейские управления попытался собрать соответствующие данные о существующих на местах монархических организациях. Так, 26 июня 1906 г. всем губернаторам было разослано предписание за № 26 “О доставлении сведений о существующих партиях и союзах” [12, л. 71]. Не сталкиваясь ранее с подобной практикой, губернские власти по-видимому не придали этому предписанию должного внимания, а может быть, и не совсем полностью владели сложившейся обстановкой на местах в условиях революционного хаоса. Скорее всего, только этим можно объяснить краткую и туманную информацию Гродненского губернатора от 15.10.1906 г. о том, что в губернии “основная масса дворян, помещиков и городской интеллигенции правых взглядов, но монархических партий нет” [13, л. 2]. Примерно такие

же сведения были представлены им в Департамент общих дел МВД в донесении от 22.09.1906 г. [14, л. 92].

После роспуска II Государственной думы 3 июня 1907 г. и в связи с подготовкой к выборам в Думу третьего созыва руководство МВД, не удовлетворившись крайне скудными и отрывочными сведениями о правых партиях, которые рассматривались правящими кругами в качестве своей политической опоры, с 7 по 13 сентября 1907 г. направило второй запрос об имеющихся в губерниях монархических партиях, их отделах и подотделах [15, л. 110]. В ответ на запрос гродненский губернатор уже 9 октября 1907 г. доносил в Департамент полиции: “Вследствие отношения от 11 сентября с.г. за № 74700 имею честь уведомить..., что во вверенной мне губернии имеются два отдела СРН, а именно: в с. Красностоке Сокольского уезда и в пасаде Старосельцах Белостокского уезда. За сим в г. Гродно имеется Православное Софийское братство, преследующее религиозно-патриотические идеи и цели” [13, л. 49–49 об.].

Вместе с тем в Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно хранится документ, содержащий переписку о Белостокском отделе СРН с помощником начальника Гродненского губернского жандармского управления по Белостокскому и Сокольскому уездам, в которой имеются сведения о наличии в г. Белостоке первоначально двух отделов СРН [16, л. 10–12]. Один из них был открыт 23 ноября 1906 г. (в справке есть и другая дата – 28 ноября. – *К.Б.*) под председательством А.И. Ничипорука. Этот отдел, как и все другие в это время, был подчинен Главному Совету СРН, возглавляемому первым Председателем СРН А.И. Дубровиным. Однако вскоре после поражения Первой российской революции (осень 1907 г. – *К.Б.*) в связи с расколом единого

СРН, к власти в Главном Совете приходят “обновленцы” во главе с Э.И. Коновницыным и Н.Е. Марковым II. В г. Белостоке 15 января 1909 г. “обновленцы” создают второй отдел СРН (уже обновленческий. – *К.Б.*), а 9 июня 1909 г. обновленческий Главный Совет СРН своим решением закрывает первый отдел (созданный 23 ноября 1906 г. – *К.Б.*), а второй отдел переименовывает в Белостокский отдел Союза Русского Народа–обновленческий [16, л. 10 об., 11 об.].

Одновременно с этими событиями из рядов белостокских монархистов выделяется группа лиц во главе с Семеном Семеновичем Филипповичем. 28 ноября 1912 г. он обращается в Главный Совет созданного в ноябре 1911 г. в г. Москве сторонниками А.И. Дубровина Всероссийского Дубровинского Союза Русского Народа (ВДСРН) с просьбой прислать в Белосток председателя Гродненского губернского отдела СРН, стоящего на стороне А.И. Дубровина, полковника Ивана Ивановича Беллекало для открытия в Белостоке отдела ВДСРН [17, л. 9]. Просьба была удовлетворена, и 14 января 1913 г. С.С. Филиппович отсылает в Главный Совет ВДСРН копии протоколов общего собрания отдела от 13 января 1913 г. с просьбой “принять под покровительство младшего брата” (Белостокский отдел. – *К.Б.*). В протоколах отмечалось, что под председательством И.И. Беллекало собрание постановило закрыть Белостокский отдел СРН, а все имущество передать Белостокскому уездному отделу ВДСРН под председательством С.С. Филипповича [16, л. 10 об.; 17, л. 13–13 об.]. С этого момента вокруг имущества бывшего первого отдела СРН, перешедшего 9 июня 1909 г. в собственность созданного в это же время Белостокского отдела СРН обновленческого, между “обновленцами” и “дубровинцами”

начались судебные тяжбы, которые продолжались в течение нескольких месяцев. Руководители отделов СРН–обновленческого и ВДСРН неоднократно обращались с претензиями и кляузами друг на друга в различные государственные инстанции, в том числе к гродненскому губернатору с просьбой разрешить спор в пользу той или другой стороны [16, л. 11–12; 17, л. 13–13 об.]. Главным объектом спора стало здание отдела СРН, построенное в свое время на паях членами первого отдела СРН для открытия общества потребителей в целях развития русской торговли. В конечном счете дело по дому удалось выиграть дубровинцам, суд отсудил здание им [17, л. 17–18, 36–37].

Кроме отделов правомонархических партий, созданных в посаде Старосельцы (октябрь 1907 г. – отдел СРН) и г. Белостоке (ноябрь 1908 г. – отдел СРН на станции Белосток Северо-Западной железной дороги, в январе 1909 г. – 2-й отдел СРН–обновленческого, а в конце 1912 г. – уездный отдел ВДСРН), в одноименном уезде были открыты: в 1910 г. Лапский отдел СРН обновленческого, в 1907 г. Хорощанский отдел СРН, принявший в 1912 г. сторону СРН обновленческого и в феврале 1908 г. – отдел СРН в местечке Городок [5, с. 115, 173, 186–189; 16, л. 10–12; 17, л. 1–4 об., 9–13, 23 об., 26–27, 31–32, 37–38; 18, л. 1–1 об.; 19, л. 1; 20, с. 11; 21, с. 4]. Таким образом, начиная с 1906 по 1913 г. включительно, в Белостокском уезде Гродненской губернии в разное время были созданы и действовали 8 отделов СРН, СРН–обновленческого и ВДСРН.

Численность всех отделов общероссийских правомонархических партий по Белостокскому уезду установить, к сожалению, не представляется возможным. Выявленные архивные документы и материалы периодиче-

ской печати того времени содержат сведения только по отделу СРН посада Старосельцы – 464 чел., отделу СРН местечка Городок – 50 чел. и Белостокскому уездному отделу ВДСРН – 67 чел. [13, с. 7–8; 15, л. 49–49 об.; 17, л. 10–11].

Более обстоятельной представляется информация о социальном составе местных отделов правых партий. Ее содержание показывает, что это были всесословные организации, но большинство их членов составляли выходцы из крестьян и мещан. Полные списки Белостокских отделов СРН–обновленческого, по причине пропажи архива Союза, не сохранились, поэтому в качестве примера возьмем Белостокский уездный отдел ВДСРН. Анализ его списочного состава свидетельствует о том, что из 67 членов отдела на 28 ноября 1912 г. 47 чел. (70%) были крестьянами, затем идут мещане, представители духовенства, отставные чины полиции, учителя, чиновники и служащие [17, л. 10–12]. В архиве канцелярии Главного Совета СРН сохранился также полный список членов и кандидатов в члены Совета ВДСРН с указанием социальной принадлежности его персоналий. Председателем Совета был избран крестьянин Семен Семенович Филиппович, товарищами председателя – служащий Государственного банка Владимир Павлович Балабушович, отставной жандарм, унтер-офицер Виктор Иванович Белецкий, казначеем – мещанин, кассир железнодорожной станции Николай Пантелеймонович Егоров, секретарем – крестьянин Юлиан Иванович Поплавский, членами – священник Михаил Николаевич Пешковский, крестьянин Исидор Иванович Димитрук, крестьянин Осип Осипович Матовицкий, крестьянин Викентий Федорович Амброжей, мещанин Михаил Иванович Купринович, крестьянин Михаил Наумович

Дец. Кандидатами в члены Совета являлись: крестьянин Кирилл Наумович Дец, крестьянин Константин Михайлович Назарко, крестьянин Никифор Иванович Иванов, мещанин Александр Васильевич Крицкий, крестьянин Козьма Павлович Юзвюк, крестьянин Прохор Тимофеевич Лемеш, мещанин Игнатий Викентьевич Базыленко, крестьянин Василий Михайлович Климов, учитель церковной школы Стефан Фомич Концевич, крестьянин Никифор Павлович Жвалин, дворянин Владимир Игнатьевич Павлов, крестьянин Филипп Иванович Негодин [17, л. 11–11 об.]. Таким образом, простые подсчеты показывают, что из 12 членов и 12 кандидатов в члены Совета Белостокского уездного отдела ВДСРН 14 чел. (58%) – крестьяне, 5 – мещане, среди остальных пяти – дворянин, священник, отставной жандарм, служащий банка и учитель церковноприходской школы. Эти показатели еще раз подтверждают выводы отечественных и российских историков о том, что важнейшей особенностью социального состава белорусских отделов общероссийских крайне правых монархических партий является численное преобладание в них крестьян и мещан [2, с. 111–112; 5, с. 215–217]. Причин подобного явления было несколько, и каждая из них имела под собой веские основания. Однако, как нам представляется, необходимо, прежде всего, отметить тот факт, что участие в деятельности легально существующей политической организации давало тому же крестьянину возможность (в крайнем случае, надежду) обратиться к ней за помощью в решении своих самых насущных житейских проблем (будь то выход из общины в связи со Столыпинской реформой или получение кредита, аренда земли и т. д.). С другой стороны, для белорусского крестьянина членство в монархической

организации должно было обеспечить защиту от польских дворян-землевладельцев и шляхты, а также от евреев, выступавших в роли посредников при реализации сельхозпродукции, особенно хлеба. Крестьянин терял при этом часть своей прибыли и часто попадал в экономическую зависимость к еврейскому торговцу-ростовщику. Городские жители, большинство из которых были мещанами, также страдали от экономически более сильных поляков и евреев. Важным фактором, во многом определяющим преобладание в монархических организациях крестьян и мещан, являлась традиционная вера этих слоев населения в особое предназначение самодержавного строя, призванного выполнять роль своеобразного гаранта сохранения в стране привычных норм общежития, православных обычаев и традиций, подвергающихся постоянным нападкам со стороны леворадикальных сил. В защите самодержавия, православной веры и интересов русского населения от посягательств инородцев и иноверцев они видели свой гражданский долг и свое предназначение, по крайней мере, в годы революционного лихолетья. Следует также отметить, что одной из причин широкого представительства в монархических организациях крестьян и мещан являлось их численное преобладание в составе населения белорусских губерний [5, с. 215–217].

Особенностями социального состава отделов правомонархических партий Белостокского уезда во многом объясняется их внимание к созданию различного рода заведений и учреждений, предназначенных для оказания материальной помощи своим членам и сочувствующим монархическому движению. Эта деятельность отделов Союза Русского Народа четко регламентировалась уставными документами. Так, в § 10 третьего разде-

ла “Устава общества под названием “Союз Русского Народа” подчеркивалось, что “Союзу представляется право строить церкви, открывать больницы, приюты, дома трудолюбия и т. п. общепользные учреждения, а для более прочного объединения и поднятия материального благосостояния своих членов учреждать для них кассы взаимопомощи и другие промышленно-сберегательные товарищества” [22, с. 6]. Так, благодаря Белостокскому отделу СРН в одноименном городе были открыты начальное училище и бакалейная лавка, а также на деньги 56 пайщиков, членов отдела, был построен дом для открытия магазина общества потребителей в целях развития русской торговли [17, л. 1 об., 18–18 об., 23]. При Лапском отделе СРН на средства его членов была открыта публичная библиотека, в которой, по словам председателя отдела К.Н. Оборина, имелись “сочинения всех первоклассных русских писателей, начиная с Ломоносова, и иностранных корифеев литературы: Байрона, Шекспира, Гёте, Мольера и др. Я [К.Н. Оборин. – К.Б.] с удовольствием скажу, что те сочинения, которые проходят в средних школах по конспектам, (так называю я сборники теорий литературы и словесности, преподаваемые в гимназиях и реальных училищах), вы можете прочесть в библиотеке Лапского отдела полностью”. Кроме этого, в целях оказания материальной помощи своим малоимущим членам предполагалось открытие “касс взаимопомощи” [21, с. 5].

Важным мероприятием, служившим единению организации, укреплению ее рядов, а также пропаганде монархической идеи, являлось празднование отделами СРН очередной годовщины своего образования, которое, как правило, проходило широко и торжественно. При этом сценарий его проведения был практически оди-

наковым для всех отделов и подотделов, как в центре империи, так и на ее окраинах. Подобным примером может служить торжество годовщины образования Лапского отдела СРН Белостокского уезда, проходившее в декабре 1911 г. и подробно описанное в «Вестнике Союза Русского Народа». Отчет об этом мероприятии был подготовлен и отправлен в центральный печатный орган СРН–обновленческого товарищем председателя отдела Р. Горбачевичем и секретарем Глинским. В начале торжественного заседания, как следует из отчета, шло краткое изложение истории создания отдела, где, в частности, сообщалось, что он был открыт «6 декабря 1910 г. в день Тезоименитства Его Императорского Величества Государя Императора благодаря стараниям К.Н. Оборина [21, с. 4]. 6 декабря 1911 г. в день годовщины открытия отдела после литургии в местном храме духовенство и союзники собрались в помещении отдела, где был совершен молебен «о здравии Государя Императора и всего Царствующего Дома» настоятелем Лапской Св.-Николаевской церкви, отцом Яковом Карасевым, вместе с настоятелем Суражской церкви, отцом Иоанном Сосновским, и диаконом Лапской церкви – о. Ереминым [21, с. 5]. По окончании молебна и провозглашения многолетия императору всему Царствующему Дому и краткой речи о. Карасева о пользе, которую должен принести Отечеству Союз Русского Народа, прошло окропление святой водой портрета Государя Императора и всех присутствующих. Затем под портретом царя в роскошной золотой раме, украшенной бархатным балдахинном, установили стол, вокруг которого уселись священники и члены Совета Отдела, а остальные участники мероприятия разместились в портере зала. По приглашению председателя отдела К.Н. Оборина все

присутствующие стоя исполнили гимн «Боже царя храни!». Собрание объявляется открытым и председатель произносит горячую речь по случаю первой годовщины образования отдела. В своем пространном выступлении К.Н. Оборин подробно остановился на роли союзников в спасении российского трона в лихие годы Первой российской революции и задачах отдела, которые в мирное время, по его утверждению, сводятся в основном к пропаганде среди народных масс традиционных христианских ценностей и любви к Родине, своему государю, к противостоянию врагам Отечества в лице явных и тайных революционеров и людей, подстрекающих доверчивых жителей к антигосударственным выступлениям и беспорядкам. Как подчеркнул в своей речи К.Н. Оборин: «Народ темный – ребенок. Не штука выбить у него почву из-под ног и не хитро обмануть его, но что вы сделаете с народом, когда разбудите в нем зверя, когда разрушите в нем то, что вело его по пути законности, и взамен всего того не дадите ничего? Ведь тогда кровь человеческая затопит улицы и Французская революция в сравнении с русской резней покажется игрушкой. Злодеи те, которые ведут народ по руслу гибели» [21, с. 4–5]. Подобные предвидения жутких итогов падения традиционных устоев бытия, в результате грядущей русской революции, лидеры правых высказывали неоднократно. После своего выступления К.Н. Оборин огласил текст телеграммы с выражением верноподданнических чувств, «подвергаемых к стопам Его Величества, а также и приветственной телеграммы в Главный Совет», в которой говорилось: «В день годовщины открытия Отдела приветствуем Главный Совет и пьем за здоровье его уважаемых членов». В ответной телеграмме отмечалось: «Главный Совет Союза Русского Народа»

да благодарит Отдел за выраженные чувства и от души желает процветания его на благо и преуспевание Родины” [21, с. 4–5]. Телеграмму подписали исполняющий обязанности Председателя Главного Совета Союза Русского Народа В.П. Соколов и исполняющий делами секретаря Главного Совета Л. Бобров. На заключительном этапе торжественного застолья звучали тосты и здравицы в честь Государя Императора и его семьи, за процветание Союза Русского Народа и его Главного Совета, постоянно сопровождавшиеся громкими криками “ура!”. По словам товарища председателя Лапского отдела Р. Горбачевича: “Так отмечалось торжество первой годовщины существования Лапского отдела Союза Русского Народа” [21, с. 4].

Знаменательным событием в жизнедеятельности отделов СРН Белостокского уезда стала их встреча с Николаем II. 3 сентября 1912 г. депутация из 14 чел. от Белостокского уездного, Лапского, Хорощанского сельских и Гродненского губернского отделов СРН в составе председателя первых трех К.Н. Оборина, председателя гродненского губернского, подполковника И.И. Белекало, товарищей председателя Р.В. Горбачевича и Я.Д. Деркачева, а также членов упомянутых отделов В.П. Марцыновского, А.О. Апановича, Р.М. Нахтмана, М.А. Богуша, П.О. Севощко, Ф.Ф. Иванова, М.Ф. Иванова, П.Л. Пушкаревича, Ф.У. Ульянова и Рейхмана прибыла утром на станцию Чижев Северо-Западной железной дороги поездом № 17. В половине десятого утра этого же дня депутация отделов во главе с ломжинским губернатором действительным статским советником Папудогло и председателями отделов направилась к месту стоянки царского поезда, находящегося недалеко от пассажирского здания станции Чижев на специально проложенном пути

рядом с шоссе, ведущим в местечко Чижев. В отчете товарища председателя Белостокского, Лапского и Хорощанского отделов Р. Горбачевича от 17 сентября 1912 г. за № 425 в Главный Совет Союза Русского Народа процессия к царскому поезду описана следующим образом: “Впереди депутации несли два знамени Союза Русского Народа и один из депутатов нес хлеб-соль на деревянном резном блюде, покрытом русским вышитым полотенцем. В середине блюда был вырезан знак Союза Русского Народа и название отделов, а на ободке подпись: “Царствуй на страх врагам Царь Православный”. Депутаты встали в одну линию перед вагоном, в котором находился Государь Император, имея на правом и левом флангах знамена Союза Русского Народа. Несший блюдо с хлебом и солью депутат Ф.Ф. Иванов передал его Председателю отделов К.Н. Оборину, вставшему впереди шеренги со знаменами” [23, с. 12]. Далее, по свидетельству Р. Горбачевича, недалеко от депутатов СРН стояло железнодорожное начальство, депутация от местечка Чижев и начальник жандармского управления генерал-майор Соловьев. Николай II вышел из вагона в сопровождении Министра Императорского Двора барона Фредерикса и прочей свиты и, приняв хлеб-соль от депутации м. Чижева, подошел к депутации Союза Русского Народа. Депутаты приветствовали монарха низкими поклонами, предварительно склонив до земли знамена СРН, а затем в торжественной тишине прозвучали слова председателя отделов СРН К.Н. Оборина: “Ваше Императорское Величество, Самодержавный Великий Государь. Редкое счастье выпало нам, представителям Белостокского, Лапского, Хорощанского и Гродненского отделов Союза Русского Народа, приветствовать на окраине нашей Родины Державного

ея Хозяина. Несмотря на козни врагов отечества, русский народ, памятуя о святом долге по отношению к Царю и Родине, объединился в одну тесную семью, у которой один отец, это Вы, Великий Государь и один девиз – законность и порядок. Наши отцы заповедали нам служить верой и правдой своим Царям, и эту священную заповедь мы сумеем передать нашим детям, которые также будут верными слугами Тебе, Великий Государь, и Твоему возлюбленному Наследнику. Верь, Государь, что по слову твоему все мы, истинно русские люди, тесно сомкнемся грудью у подножья Трона Твоего, ежели нужно будет умереть, то умрем с честью и радостью, как умирали наши предки на полях брани, прославляя Царя и Родину. Позволь, Самодержавный Монарх, по старинному русскому обычаю поклониться Тебе хлебом-солью и пожелать многие лета царствовать над нами. Чтобы враги Твои затрепетали у ног Твоих и чтобы Ты, Великий Государь, был всегда силен народом Твоим, а верный Твой народ был всегда славен Царем своим” [23, с. 12].

Николай II внимательно выслушал речь председателя отделов СРН Белостокского уезда, принял хлеб-соль, поблагодарил депутатов и на автомобиле отбыл в м. Чижев на смотр войск. Так закончилась эта незабываемая памятная встреча последнего русского монарха с людьми, добровольно возложившими на себя бремя защиты самодержавных устоев российского государства. Это последние известные сведения о белостокских монархистах.

Заключение

Анализ архивных документов и опубликованных источников свидетельствует о том, что в Белостокском уезде Гродненской губернии в годы Первой российской революции и на-

кануне Первой мировой войны были созданы и активно действовали отделы СРН, а затем, после его раскола, отделы СРН–обновленческого и ВДСРН, в которых большинство составляли представители двух сословий – крестьян и мещан. Их деятельность носила разносторонний характер, хотя в основном преобладали мероприятия благотворительной, просветительной, духовно-нравственной и патриотической направленности. С началом Первой мировой войны отделы прекратили свое существование.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Спирин, Л. М.** Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.) / Л.М.Спирин.–Москва:Мысль,1977.–366 с.
2. **Степанов, С. А.** Черная сотня в России (1905–1914 гг.) / С. А. Степанов. – Москва : Росвузнаука, 1992. – 330 с.
3. **Кирьянов, Ю. И.** Правые партии в России. 1911–1917 гг. / Ю. И. Кирьянов. – Москва : РОССПЭН, 2001. – 464 с. : ил.
4. **Омельянчук, И. В.** Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914 гг.) / И. В. Омельянчук. – Киев : МАУП, 2007. – 744 с.
5. **Бондаренко, К. М.** Правые партии и их организации в Беларуси (1905–1917 гг.) / К. М. Бондаренко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2010. – 412 с. : ил.
6. **Бандарэнка, К. М.** “Русское собрание” і яго Віленскі адзел у гады першай рускай рэвалюцыі / К. М. Бандарэнка // Беларус. гіст. часоп. – 2007. – № 1. – С. 41–45.
7. **Бондаренко, К. М.** Главная партия русских националистов и ее Брестский уездный отдел / К. М. Бондаренко // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Сер. А, Гуманітарныя навукі: гісторыя,

- філасофія, філалогія. – 2017. – № 1. – С. 4–17;
8. **Бондаренко, К. М.** Брестский отдел Русского народного союза имени Михаила Архангела: создание и деятельность // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. – 2017. – № 3. – С. 30–36;
 9. **Лавринович, Д. С.** Монархические организации Могилева в начале XX в. / Д. С. Лавринович // Мінулая і сучасная гісторыя Магілёва : зб. навук. прац / уклад. І. А. Пушкін ; Упраўленне культуры Магілёўскага гарвыканкама, музей гісторыі Магілёва. – Магілёў, 2001. – С. 191–196.
 10. Переписка о предупреждении погромов (1906 г.) // ГАРФ. – Ф. 102. Оп. 236. Д. 550. Т. 2.
 11. Докладные записки отделов Союза русского народа (1906 г. – 1914 г.) // ГАРФ. – Ф. 116. Оп. 1. Д. 22. Ч. 1.
 12. Сведения об отделах Союза русского народа, присланные губернаторами (1906 г.) // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 236. Д. 555.
 13. Наряд по секретным перепискам по Гродненской губернии (1906 г.) // ГАРФ. – Ф. 102. Оп. 236. Д. 828. Ч. 2.
 14. По циркуляру № 26 о доставлении сведений о политических партиях и союзах (1906 г. – 1913 г.) // РГИА. – Ф. 1284. Оп. 187. Д. 157.
 15. О легальных политических партиях (1907 г.) // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 99. Д. 164. Ч. 1.
 16. Переписка с начальником губернского управления об оживлении деятельности евангелистов в уездах, о Белостокском отделении Союза русского народа, о Белостокском отделении Виленского общества рабочих католиков (1914 г.) // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 588. Оп. 1. Д. 190.
 17. Переписка с Белостокским отделом Союза русского народа Гродненской губернии (1908 г. – 1914 г.) // ГАРФ. – Ф. 116. Оп. 1. Д. 118.
 18. Переписка со Старосельским отделом Союза русского народа Гродненской губернии (1907 г. – 1912 г.) // ГАРФ. – Ф. 116. Оп. 1. Д. 120.
 19. Переписка с Хорощанским отделом Союза русского народа Гродненской губернии (1913 г.) // ГАРФ. – Ф. 116. Оп. 1. Д. 121.
 20. В Главный Совет Союза русского народа. Белостокский уездный отдел Союза русского народа // Вестн. Союза русского народа. – 1912. – № 118. – С. 11–12.
 21. Деятельность отделов С.Р.Н. Торжество годовщины открытия Лапского отдела Союза Русского Народа 6-го декабря 1911 года // Вестник Союза Русского Народа. – 1911. – № 80. – С. 4–5.
 22. Устав общества под названием “Союз Русского Народа”. – СПб. : Отечественная тип., 1906. – 16 с.
 23. В Главный Совет Союза Русского Народа. Депутация к Его Императорскому Величеству Государю Императору от Белостокского, Лапского, Хорощанского и Гродненского отделов Союза Русского Народа на станции Чижев Сев.-Зап. ж.д. 3 сентября с.г. (1912) // Вестник Союза Русского Народа. – 1912. – № 118. – С. 11–12.

Поступила в редакцию 29.10.2018 г.
 Контакты: bondarenko_km@msu.by
 (Бондаренко Константин Михайлович)

Bondarenko K. BRANCHES OF RUSSIAN RIGHT-WING PARTIES IN BELOSTOK DISTRICT OF GRODNO PROVINCE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: APPEARANCE AND FUNCTION.

For the first time in Belarusian and foreign literature the history of right monarchic parties in Belostok district of Grodno province is presented. The research of the archives and periodicals of the right-wing parties enables the author to find out new facts about the internal struggle between the right monarchic parties and about Belostok monarchic organizations involved in the social and political life of the region.

Keywords: monarchic movement, monarchic parties, the Union of Russian People, All-Russian Dubrovin's Union of Russian People, Saint Michael the Archangel Union, right parties, centrists, moderate right-wingers, branches of right-wing parties.

УДК 328 “084/15”

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В 1926–1939 гг. НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЕССКОГО ВОЕВОДСТВА ВО ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

М. В. Стрелец

доктор исторических наук, профессор
Брестский государственный
технический университет

А. В. Билевич

директор филиала ГУО “Институт повышения квалификации и переподготовки в области технологий информатизации и управления” Белорусского государственного университета (г. Брест)

Советская историография, подавляющее большинство современных белорусских историков придерживаются следующих постулатов.

Первый постулат: политика польских властей была однозначно антибелорусской.

Второй постулат: в своем подходе к западнобелорусскому региону официальная Варшава полностью игнорировала общечеловеческие ценности.

Третий постулат: в условиях са-национального режима, датируемого 1926–1939 гг., начисто отсутствовали демократические начала, никак не функционировало гражданское общество и, естественно, западным белорусам была уготована всего лишь роль винтиков тоталитарного политического режима.

Авторы настоящей статьи решили проверить указанные постулаты на примере деятельности общественных организаций в 1926–1939 гг. на территории Полесского воеводства во Второй Речи Посполитой. Их главный аргумент – опора на эксклюзивные документы и материалы, выявленные во время работы в Государственном архиве Брестской области.

Анализ деятельности общественных организаций в 1926–1939 гг. на территории Полесского воеводства во

Второй Речи Посполитой опровергает постулаты советской историографии. Институты гражданского общества, поставив во главу угла общечеловеческие ценности, сыграли важную роль в оказании помощи населению данного региона в решении экономических, социальных, культурно-просветительских задач.

Ключевые слова: Вторая Речь Посполитая, концепция “государственного воспитания”, Полесское воеводство, Польский Красный Крест, Организация рабочей молодежи, Союз сельской молодежи.

Введение

В 2019 г. исполнится 80 лет с того дня, когда Западная Беларусь была включена в состав СССР. До этого она в течение 18 лет находилась в составе Польши, которую в межвоенный период совершенно обоснованно называли Второй Речью Посполитой. С приближением круглой даты в белорусском обществе обязательно активизируется дискуссия на предмет реального положения Западной Беларуси в составе Второй Речи Посполитой в 1921–1939 гг.

Советская историография, подавляющее большинство современных белорусских историков придерживаются следующих постулатов.

Первый постулат: политика польских властей была однозначно антибелорусской.

Второй постулат: в своем подходе к западнобелорусскому региону официальная Варшава полностью игнорировала общечеловеческие ценности.

Третий постулат: в условиях са-национального режима, датируемого 1926–1939 гг., начисто отсутствовали демократические начала, никак не функционировало гражданское общество и, естественно, западным белорусам была уготована всего лишь роль винтиков тоталитарного политического режима.

Авторы настоящей статьи решили проверить указанные постулаты на

примере деятельности общественных организаций в 1926–1939 гг. на территории Полесского воеводства во Второй Речи Посполитой.

Основная часть

Самой массовой из этих организаций был Польский Красный Крест, находившийся под патронатом президента страны, осуществлявший активную деятельность на территории Полесского воеводства. Главное правление Польского Красного Креста общалось посредством писем с окружными правлениями. В этих письмах говорилось, что руководство общества должно помогать тем, кто пострадал от голода, болезней. Особо подчеркивалось, что с появлением холодов возникает угроза пожаров. Обращалось также внимание на то, что руководство Красного Креста должно оказывать помощь населению в случае эпидемии и падежа животных. Руководство Польского Красного Креста пропагандировало свои идеи и в военной среде. Каждый офицер мог популяризировать его идеи среди гражданского общества, а также в армии, и поэтому Главное правление, окружное правление и отделы поддерживали тесный контакт с командованием армии и особенно с офицерами санитарного корпуса [1].

Руководство Польского Красного Креста оказало помощь жителям Столинского повета, в котором с февраля по апрель 1934 г. бушевала эпидемия сыпного тифа, которая распространилась на территорию Волыни и Полесья. Эпидемия охватила Сарнинский, Пинский, Лунинецкий поветы. Она распространилась быстро среди населения Столинского повета. Начался голод. Работа по борьбе с эпидемией на территории повета была затруднена в значительной степени в связи с заболеванием при исполнении своих обязательств поветовым врачом и са-

нитарным контролером повета. Руководство Польского Красного Креста выслало на территорию Столинского повета дезинфекционно-водную группу под руководством П. Зброха. Отряд прибыл на территорию повета в феврале 1934 г. и начал работу в деревнях Людень, Рудня, Пужня, в деревнях, относящихся к одной гмине. Работа отряда состояла в изоляции жителей, заболевших тифом, через обеззараживание расчетов. Первую помощь оказывал фельдшер, прикрепленный к отряду. В деревне Рудня работа отряда заключалась в следующем: пострижено – 232 человека, помыто: мужчин – 393, женщин – 120, детей – 139, избавлено от педикулеза – 62. Такие же работы были проделаны и в других деревнях Столинского повета.

Необходимо отметить влияние отряда на местное население. Руководитель отряда пан Зброх работал без выходных. Полностью отдавался своим обязательствам практикант пан Ежи Бароч [2].

В Полесском воеводстве одной из наиболее массовых и активных организаций являлся Полесский воеводский Союз сельской молодежи (ПВССМ). Организационно он был воеводским подразделением общепольского Союза сельской молодежи "Сев".

Устав Полесского воеводского союза сельской молодежи был утвержден в июне 1930 г. Согласно уставу Союз был организацией сельской молодежи, созданной с целью поднятия моральных, материальных, гражданских чувств своих членов и повышения культуры сельского населения Польши.

Союз развернул работу по следующим направлениям:

- 1) организовывал и проводил вечеринки, чтения, дискуссионные собрания, песенные хоры, земледельческие опыты, молодежные конкурсы;

2) строил народные дома, театральные, спортивные залы, классы, устраивал спортивные соревнования, кинематографические показы, радиопередачи;

3) создавал условия для малоимущих членов общества, стремящихся получить польское гражданство и профессию, через деятельность стипендиального Полесского воеводского союза сельской молодежи;

4) организовывал братские кассы взаимопомощи.

Резиденция Союза находилась в городе Бресте над Бугом, и он осуществлял свою работу на территории следующих поветов Полесского воеводства: Брестского, Кобринского, Коссовского, Пружанского, Дрогичинского, Камень-Коширского, Пинского, Лунинецкого, Столинского, Сарнинского. Членом Союза могли быть граждане Речи Посполитой, проживавшие на территории, относящейся к Союзу. Молодежь с 16-летнего возраста могла принадлежать к Союзу и принимать участие в его работе. Каждый член был обязан принимать посильное участие в организационной работе, через Союз поддерживать все пункты устава и свободных съездов через правила. Член Союза мог быть исключен из него по следующим причинам:

а) поступки, не соответствующие нынешнему и будущему уставу;

б) невыполнение принятых обязательств.

Важно отметить отчет Союза сельской молодежи Полесского воеводства, в котором дается характеристика экономического положения воеводства, излагаются те проблемы, которые имелись в сельском хозяйстве, социальном секторе, показано бедственное положение полесской деревни. В отчете указывается, что откладывание решения назревших проблем может привести к нежелательным последствиям. Такая полная

характеристика состояния экономики Полесья представлена в документе на имя пана Рота, входящего в группу парламентариев от Полесского воеводства в сейме в 1936 г. [3].

В начале 30-х гг. XX в. на территории Полесского воеводства начали создаваться мужские и женские курсы, на которых изучались проблемы, связанные с ведением сельского хозяйства. Приказ поветовым Союзам сельской молодежи определял сроки обучения на мужских курсах при сельскохозяйственных университетах. Количество мест для жителей Полесья было ограничено, на них могли претендовать только сыновья колонистов, мазуров, прошедших воинскую службу. Кандидаты присылали на имя воеводского Союза сельской молодежи прошение с изложением биографии, справкой с работы, обязательством организации оплатить проживание в университете. Частично стипендию назначал Главный союз сельской молодежи. Стипендия зависела от старания претендентов на нее. При отборе кандидатов земледельческие школы проводили большую работу, учитывали летнюю практику учеников 4–7 классов. Общая стипендия не должна была быть выше 100 злотых, остальное доплачивал ученик [4].

Сельские девушки также имели возможность обучаться на курсах. При государственной женской земледельческой школе в Планце, в Кобринском повете проводились 11-месячные курсы обучения. Школа готовила девушек рациональному ведению собственного хозяйства, приспособляла к труду, несла просвещение в деревню.

Программа обучения предполагала изучение всех вопросов, связанных с сельским хозяйством: приготовление здоровых и вкусных блюд, выпечку хлеба и кондитерских изделий, приготовление мясных блюд, консервация овощей и фруктов,

обучение кройке и шитью женской и мужской одежды и ткачеству. В деле огородничества и земледелия обучали рациональному использованию почвы и растений, подготовке садов и цветов. Все практические задания выполнялись под руководством опытных учителей. Кроме вышеизложенного, курсы давали навыки по воспитанию детей, обучали основам религии, польскому языку, рассматривали вопросы социального развития Польши, ведение домашнего бюджета, общей гигиены, физкультуры и спорта [5].

Правительство Польши уделяло большое внимание решению социальных проблем в сельской местности. Одним из мероприятий, проводимых правительством, явились конкурсы чистоты сельских домов. В связи с проведением данного мероприятия руководитель Полесского воеводского Союза сельской молодежи Гроховский изложил условия проведения конкурса поветовому руководству Союза. Конкурс мог быть проведен при следующих условиях:

1. Наличие людей, которые могли бы провести инспектирование, например, врача-гигиениста, учителя, инструктора.

2. Конкурс состоит из трех частей:

- а) содержание помещения;
- б) состояние вокруг дома;
- в) личная гигиена конкурсантов.

Член Союза сельской молодежи, который проводит конкурс, должен организовать для его участников трехдневные курсы, на которых рассматриваются следующие темы:

- личная гигиена человека;
- личная гигиена женщин;
- личная гигиена кровати, кухни;
- личная гигиена одежды,
- рациональное и эстетическое убранство дома;
- внешний вид сельского подворья;
- социальное значение конкурса чистоты домов.

Конкурс необходимо проводить под руководством врача повета. В связи с проведением конкурса каждый его участник должен быть обеспечен брошюрой Каспжака “Здоровье в сельском доме” [6]. Руководство Польши проводило просветительские курсы, направленные на повышение общеобразовательного уровня населения Полесья. В 1930 г. перед руководством Полесского воеводского союза сельской молодежи была поставлена задача: провести в 9 поветах 7–10-дневные социально-просветительские и сельскохозяйственные курсы для деятелей Союза. На курсах изучались вопросы социального, организационно-идеологического направления, были открыты практические классы, на которых деятели Союза знакомились с крестьянскими орудиями труда. Проводились турниры знатоков и конкурсы выразительного чтения. Финансировало проведение курсов во всех поветах их руководство [7].

После завершения полевых работ во второй половине сентября проводилась Полесская ярмарка в г. Пинске. В ее программу входили поветовые дожинки, рассчитанные на 250-300 человек. Руководителем дожинок обычно был вице-воевода или поветовый староста, для того чтобы дожинки имели важный, традиционный характер, а не только зрелищный. Место для проведения выбиралось на границе парка и площади, удобное для выставок. Участники получали все необходимое на время проживания, учитывая продолжительность проезда.

Одна из Полесских ярмарок проходила в г. Пинске с 15 по 31 сентября 1936 г. В эти дни были организованы конкурсы, шествия. Проходили мероприятия экономического и культурно-социального характера. На ярмарке была организована торговая, сельскохозяйственная выставка и проводились

спортивные мероприятия. Туристическая Лига организовала в тот период массовый приезд популярными поездами [8].

Под эгидой Союза сельской молодежи проводились конкурсы выразительного чтения. После проведения конкурса необходимо было отправить отчет по следующим параметрам:

– какие книги чаще всего использовали конкурсанты?

– какие разделы из книг чаще всего использовали участники конкурса и почему?

– какие главные трудности испытывали участники в обработке выбранных книг и какие трудности можно преодолеть?

– достаточная ли помощь со стороны учителей? [9].

О широком спектре деятельности Полесского союза сельской молодежи можно узнать, проанализировав его план работы на 1936/37 гг. План делился на разделы:

I. Работа с крестьянами.

– Организовать курсы для представителей полесского крестьянства совместно с социально-просветительскими курсами.

– Посадить сады. Доставить дров организовано.

– Собрать и выслать заявки кандидатов, направленных через Союз сельской молодежи на учебу в сельскохозяйственную школу.

II. Организационная работа.

– Осуществить реорганизацию некоторых ячеек, создать новые ячейки в некоторых деревнях. Организовать в каждой ячейке секции молодых членов.

III. Культурно-просветительская работа.

– Организовать сбор книг в г. Пинске и на территории гмин.

– Организовать и доставить необходимые материалы для выразительного чтения книг.

– Организовать 10-дневные социально-просветительские курсы.

– Организовать и провести силами учителей вечерние курсы для неграмотных.

Социальная работа:

– доставить в те ячейки, где будут проводиться конкурсы чистоты домов, соответствующие материалы.

Одаренная сельская молодежь могла получить высшее образование. Для ее адаптации в городской среде при центральном союзе сельской молодежи в Варшаве была организована Академическая ячейка сельской молодежи. В ней состояли молодые люди сельского происхождения, обучающиеся в высших учебных заведениях или их выпускники. Главными целями ячейки являлись:

а) углубление работы во всех отделениях союза;

б) объединение вокруг Центрального союза сельской молодежи представителей сельской молодежи, обучающейся в высших и средних учебных заведениях;

в) обучение высококвалифицированных кадров из среды сельской молодежи;

г) опека над сельской молодежью, оказавшейся в сложных условиях [10].

В межвоенный период в Польше действовала также Организация рабочей молодежи. Устав организации был утвержден в 1933 г. Согласно уставу организация не политическая, а юридическая. Целью этой организации являлось образование и воспитание молодежи в духе польской гражданственности через проведение учебных курсов, просвещение, создание спортивных клубов.

Члены организации делились на:

а) реальные;

б) участники;

в) поддерживающие;

г) сеньоры.

Реальным членом организации могло быть любое совершен-

нолетнее физическое лицо, которое было принято руководством организации. Участником организации могла быть молодежь с 14 лет, которая принималась руководством организации. Участник организации мог принимать участие в работе организации, однако не имел право голоса. Членом поддержки организации могло быть лицо физическое или юридическое, которое уплатило одноразовый взнос или двухлетний взнос общегородского члена и было принято руководством организации. Членом-сеньором мог стать каждый член-реальный, который 5 лет добросовестно выполнял обязательства члена-реального. Кроме вышеизложенного, общегосударственный съезд представителей руководства организации мог присвоить звание сеньора выдающимся лицам за особые заслуги перед организацией.

Члены-реальные имели следующие права:

а) принимали полномочное участие в собраниях отделов, к которым принадлежали, участвовали в голосовании;

б) имели активное и пассивное право выбора руководства организации;

в) наделялись правом бесплатного или льготного пользования всем, что и руководство организации; члены-сеньоры имели права, прописанные в пунктах а, б, в, члены-участники и поддерживающие не имели прав, прописанных в пунктах а, в.

К обязанностям членов общества относились:

а) уважительное отношение к уставу и правилам организации;

б) совместная работа с руководством организации, поддержка моральная и личная любой работы в организации;

в) регулярная уплата всех установленных платежей и взносов.

В уставе были прописаны полномочия Главного руководства, Главной ревизионной комиссии, Окружного правления власти, Главного суда; процедура выхода и исключения членов, ликвидация организации [11].

В 1938 г. был принят новый устав Организации рабочей молодежи, в котором более подробно были изложены права и обязанности, структура организации. Члены Организации рабочей молодежи принимали активное участие во всех важных мероприятиях, проводимых в стране. 12 мая 1935 г., когда умер польский президент, маршал Пилсудский, был объявлен траур в Польше. В этот день Главное правление Организации рабочей молодежи обратилось к отделу исполнений организации в Варшаве с воззванием. В нем говорилось, что рабочая молодежь, на которую президент возлагал много надежд, должна вспомнить о нем. Для этого необходимо собраться во Дворце, надеть траурные эмблемы и установить почетный караул [12].

В работе организации существенное место занимал вопрос о пионерах. Детально было отработано обучение пионеров. Условия допущения до испытаний были таковы:

а) иметь возраст от 16 до 19 лет;

б) 1 год работы в русле молодежного движения;

в) пройти организованный лагерь;

г) знать работу организации;

д) выполнять работу для окружающей среды.

Испытание пионера состояло из следующих условий:

1) знать историю получения независимости Польши;

2) знать развитие общественных отношений в стране и назвать личности, которые выступили в защиту польского народа в прошлое время;

3) выступить с рефератом;

4) понимать проблемы просвещения, высказаться о библиотеке, в которой берешь книги;

5) знать особенности кооперативного движения;

6) знать цели и задачи профессиональных союзов, названия важнейших из них;

7) знать цель существенных условий через то, что они дают польскому обществу, трудящимся;

8) знать концепции разных работников (неквалифицированных, ремесленников, слуг, свободных профессий, крестьян, предпринимателей); знать права и обязанности взрослых работников:

а) время работы;

б) оплата за труд в начисленных часах;

в) знание условий труда, инструкции об охране и безопасности труда;

9) знание условий отчислений доходов по старости, инвалидности, произошедшей во время работы;

10) изложение своего проекта на собрании ячейки;

11) знание структуры организации рабочей молодежи [13].

Участники испытаний должны были ответить на все поставленные вопросы. Девушки также допускались к испытаниям. Составлялись программы для добровольного обучения в женских группах и условия допуска к добровольным испытаниям. Главными критериями при допуске к испытаниям являлись ответственность и пунктуальность, хорошее поведение в обществе. Испытание состояло из 12 пунктов, которые необходимо было выполнить. Испытуемая должна была знать основы религии, руководство страны, государственные праздники, государственную символику. Необходимо было знать ценность домашнего очага, навыки ведения домашнего хозяйства, уметь найти общий язык с другими членами организации. Необ-

ходимо было знать наизусть идеалы организации, ее структуру, фамилии руководителей низовых и высших звеньев организации. Только после того как было пройдено испытание, претендента зачисляли в организацию.

Составлялся протокол испытаний на звание пионера. Результаты ответов заносились в таблицу. В графе "оценка" по каждому пункту (всего 15) делались отметки: очень хорошо, хорошо, достаточно, недостаточно. Результат необходимо было обозначить как успешный или неуспешный [14]. Существовала в организации должность инструктора. Звание инструктора могло признать Главное правление на рассмотрение Окружного правления, в котором подтверждали отличную работу при наименьшем двухлетнем стаже в звании проводника. Звание инструктора пионеров мог признать Союз руководителей организации при рассмотрении Главного правления при наименьших трех годах от претендента на должность инструктора за выдающиеся заслуги перед организацией. Претендент на должность инструктора должен был пройти испытание. Испытуемый должен был знать основные вехи современной польской истории, принимать активное участие в общественно-политической и культурной жизни страны.

Концепция "государственного воспитания", осуществляемая во Второй Речи Посполитой, была направлена на формирование гражданина-государственника, бойца и работника в одном лице. В связи с этим особое внимание уделялось такому направлению молодежной политики, как военная подготовка молодого поколения. Данное направление заняло довольно значительное место в молодежной политике правящих кругов практически всех государств межвоенной Европы. Дело в том, что опыт Первой мировой войны

привел к ревизии существовавшей до этого системы подготовки государства и общества к войне. Было признано, что война перестала быть делом только узкой военной элиты и армии. Процесс сближения армии с польским обществом посредством изготовления военного оборудования и штандартов для нужд армии отражен в материалах журнала "Друзья армии". Редакция журнала интересовала любая информация о деятельности общественных организаций по оказанию посильной помощи армии. Редакция просила высылать им разную информацию:

- отчет об оказанных пожертвованиях армии;
- описание поступков, осуществленных молодыми людьми из общественных организаций;
- фотографирование благородных дел [15].

Военную подготовку во Второй Речи Посполитой проводили общественные организации и школа. К общественным организациям можно отнести Стрелецкий Союз, который уже имел опыт в этой сфере еще до Первой мировой войны. Кроме того, право проводить военную подготовку получили Союз польского харцверства, Союз сельской молодежи, гимнастическое товарищество "Сокол" и некоторые другие объединения.

Брестское окружное, Дрогичинское, Лунинецкое, Пинское поветовые правления Союза стрелцов были созданы на основании распоряжения главного коменданта Союза стрелцов в 1921 г. Основной целью организации являлось воспитание молодежи в духе патриотизма. Программа предусматривала изучение теории военного дела, строевой подготовки, занятия спортом. В рядах Союза стрелцов были и женщины, которые осваивали основы медицинской помощи.

Союз стрелцов имел густую сеть своих организаций по всей Польше.

Организация получила большую помощь со стороны государства.

Программа обучения предусматривала стрельбу из ружья и лука, теорию военного дела, строевую подготовку, занятие спортом, обучение сельскому хозяйству (большинство членов союза были выходцами из крестьян). В рядах Союза – женщины, которые осваивали медицинскую помощь, противохимическую оборону, канцелярскую работу, но в то же время обращалось внимание на воспитание женщины как матери, жены, хозяйки. О том, каков был спектр работы Союза стрелцов в Полесском воеводстве, можно узнать, проанализировав отчеты поветовых комендантов Союза о проделанной работе. В частности, список проведенных работ в стрелецких отделах за 1932–1934 гг. состоит из следующих направлений:

1. Обсуждение планов, рефератов, отчетов директорами школ и членами стрелецких отделов.

2. Идеология стрелецкого движения. Выступления с докладами об истории стрелецкого движения, о том, каким должен быть стрелец, чтобы заслужить почет среди своих товарищей. В выступлениях давались рекомендации: что необходимо сделать, чтобы иметь удовлетворение от работы в организации. Необходимо брать пример в работе с первого стрелца в стране – маршала Пилсудского.

3. Выступление о значении патриотизма и способах выработки его в себе, через глубокую заинтересованность в труде. Выступления о ноябрьском восстании 1831 г. и январском 1863 г. как о примерах борьбы за независимость. Была прочитана лекция о вреде алкоголизма для представителей обоих полов. Демонстрировались инсценировки, хоровое пение на четыре голоса. На празднике Рождества раздавали платки членам стрелецких отделов [16].

Члены Союза стрелцов занимались таким благородным делом, как розыск и установка памятников участникам восстания 1863 г. в Косовском повете. Произошло освещение надгробия, созданного на средства добровольных пожертвований. Памятник, как символ любви к Родине, был создан к 10-летию со дня провозглашения независимости, посвящен польским участникам восстания 1863 г. Красиньскому, Лукашевичу и неизвестным, которые за 60 лет до провозглашения независимости положили ради Отчизны молодые жизни. Затем местный ксёндз Дроздовский отслужил молебен. В Косовском повете произошло освещение памятника, запомнившегося надписью “Прах 40 польских восставших, погибших в 1863 г. в боях с захватчиками”. Событие произошло в 26 мая 1926 г. в 2 км от усадьбы Щитно, гмины Ружанской, в присутствии представителей государственных, гражданских, военных структур власти [17].

Противникам Речи Посполитой не нравилось, что организация готовит будущих защитников Родины на случай войны. Руководство окружного Союза стрелцов в секретном донесении сообщало своему руководству, что Коммунистический союз молодежи Западной Беларуси на своей конференции поставил задачу победить Союз стрелцов как наиболее серьезного и организованного противника на территории воеводства. С этой целью комсомольцы поставили задачу внедрить в ряды организации ее противников для того, чтобы дезорганизовать работу и чтобы члены массово покидали Союз. Однако руководство Союза стрелцов и поветовое руководство организовали опеку над отделами Союза и парализовали деятельность неприятеля, используя при этом не только государственную помощь, но и помощь общественных

организаций, с которыми поддерживали тесную связь. Польское государство имело право требовать от своих граждан сотрудничества со специальными органами повета во имя защиты личных интересов. Защита существования самого польского государства в первую очередь лежала на Союзе стрелцов и его членах [18].

Руководство организации в Варшаве в ноябре 1937 г. издало приказ о том, какие мероприятия необходимо провести 11 ноября в День Независимости. Округи и ячейки организации рабочей молодежи должны были принять участие в локальных торжествах, организованных под девизом “Молодежь с армией”. В этот день необходимо было продемонстрировать стране и миру, что польская армия сильна, готова встать на защиту единства и целостности страны и поддерживается молодежью [19]. В конце 30-х гг. XX в. мир находился накануне страшной мировой войны, и польское руководство понимало ее приближение.

Заключение

Таким образом, анализ деятельности общественных организаций в 1926–1939 гг. на территории Полеского воеводства во Второй Речи Посполитой опровергает постулаты советской историографии. Институты гражданского общества, поставив во главу угла общечеловеческие ценности, сыграли важную роль в оказании помощи населению данного региона в решении экономических, социальных, культурно-просветительских задач.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Фонд 2156. Оп. 1. Д. 192. Л. 3.
2. ГАБО. – Фонд 2156. Оп. 1. Д. 195. Л. 18–49.
3. ГАБО. – Фонд 115. Оп. 1. Д. 8. Л. 2–3.

4. ГАБО. – Фонд 115. Оп. 1. Д. 8. Л. 11.
5. ГАБО. – Фонд 115. Оп. 1. Д. 13. Л. 34.
6. ГАБО. – Фонд 115. Оп. 1. Д. 8. Л. 76.
7. ГАБО. – Фонд 115. Оп. 1. Д. 8. Л. 111.
8. ГАБО. – Фонд 115. Оп. 1. Д. 13. Л. 23.
9. ГАБО. – Фонд 115. Оп. 1. Д. 8. Л. 30.
10. ГАБО. – Фонд 115. Оп. 1. Д. 13. Л. 17.
11. ГАБО. – Фонд 115. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–2.
12. ГАБО. – Фонд 115. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–1.
13. ГАБО. – Фонд 115. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.
14. ГАБО. – Фонд 115. Оп. 1. Д. 4. Л. 11.
15. ГАБО. – Фонд 115. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.
16. ГАБО. – Фонд 364. Оп. 1. Д. 38. Л. 11.
17. ГАБО. – Фонд 364. Оп. 1. Д. 22. Л. 4–7.
18. ГАБО. – Фонд 364. Оп. 1. Д. 31. Л. 4.
19. ГАБО. – Фонд 115. Оп. 1. Д. 31. Л. 4.

Поступила в редакцию 08.01.2019 г.

Контакты: mstrelez@mail.ru

(Стрелец Михаил Васильевич)

olga.bilevich@mail.ru

(Билевич Анатолий Васильевич)

Strelets M., Bilevich A. ACTIVITY OF PUBLIC ORGANIZATIONS IN 1926–1939 IN THE TERRITORY OF THE POLESIE VOIVODESHIP.

Soviet historiography, the overwhelming majority of modern Belarusian historians adhere to the following postulates. The first

postulate is the policy of the Polish authorities was definitely anti-Belarusian. The second postulate is in its approach to the West Belarusian region, official Warsaw completely ignored universal human values. The third postulate is in the conditions of the rehabilitation regime during 1926–1939 there were no democratic principles, the civil society did not function and, naturally, only the role of cogs of the totalitarian political regime was prepared for the Western Belarusians. The authors of this article decided to verify these postulates taking into account the activities of public organizations in 1926–1939 in the territory of the Polesie Voivodeship during the Second Polish Republic. Their main argument is the reliance on exclusive documents and materials found during their work in the Archives of Belarus of the Brest Region. The analysis of the activities of public organizations functioning in 1926–1939 in the territory of the Polesie Voivodeship during the Second Polish Republic refuted the tenets of the Soviet historiography. Civil society institutions, putting universal human values at the forefront, played an important role in assisting the population of the region in solving economic, social, cultural and educational tasks.

Keywords: the Second Polish Republic, the concept of “state education”, Polesie Voivodeship, Polish Red Cross, Organization of Working Youth, Union of Rural Youth.

УДК 282(476)“18/19”

**БЕЛОРУССКАЯ ЦЕРКОВНАЯ УНИЯ
В ПАМЯТИ НАСЕЛЕНИЯ
БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ст.**

В. В. Табунов

кандидат исторических наук, доцент
Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова

В статье анализируется проблема сохранения частью населения белорусских земель в конце XIX – начале XX ст. памяти об униатстве. Несмотря на акт воссоединения униатской церкви с православной на Полоцком соборе 1839 г., некоторая часть населения белорусских губерний продолжала на протяжении долгого времени хранить память о не так давно исповедуемой им религии, что проявлялось в первую очередь на обрядово-бытовом уровне и касалось соблюдения религиозных установок униатской церкви и уклонения от исполнения таковых православной церковью. Своими действиями бывшие униаты доставляли немало вопросов властям и православному духовенству, но их борьба с остатками унии на белорусских землях не всегда имела заметный успех.

Ключевые слова: белорусские земли, Российская империя, Полоцкий собор 1839 г., православная церковь, униатская церковь, уния, духовенство, верующие.

Введение

Религия всегда занимала заметное место в жизни белорусов. Не утратила она своей значимости и на рубеже XIX–XX стст. Специфика конфессиональной ситуации в Беларуси на протяжении многих веков определялась поочередным доминированием католицизма и православия. Другие религии, в том числе и униатство, также оставили заметный след в отечественной истории. Исследование проблемы сохранения памяти об

унии среди части населения белорусских земель конца XIX – начала XX ст. является одной из актуальных проблем исторической науки, поскольку позволяет более глубоко понять истоки и сущность религиозных процессов современности, дать им подлинно научное, а значит, правильное объяснение.

В 1839 г. на Полоцком соборе состоялся акт воссоединения униатской церкви с православной. Процедура по объединению двух христианских конфессий в единое целое с точки зрения законодательства и канонических норм первой половины XIX в. была выдержана правильно. Но, претворив данное мероприятие в жизнь, власти Российской империи и православное духовенство на практике столкнулись с тем, что часть населения белорусских земель из числа “воссоединенных” в повседневной жизни продолжали придерживаться прежних вероисповедных взглядов и традиций. Искоренить униатскую религиозную традицию оказалось непросто. Своими же действиями по неисполнению обрядов православной церкви бывшие униаты доставляли немало проблем местным властям и духовенству даже в начале XX в.

Проблеме жизнедеятельности бывших униатов на белорусских землях в конце XIX – начале XX в. в отечественной исторической науке уделяется достаточное внимание. Интерес ученых к данному вопросу обусловлен, прежде всего, стремлением выявить причины данного явления.

По исследуемой проблеме следует выделить коллективный труд отечественных ученых В.В. Яновской (Григорьевой), В.В. Завальнюка, В.И. Новицкого и Е.Н. Филатовой “Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.)” [1]. Главным достижением данной работы стало то, что она активизировала изучение аспектов государственно-конфессиональных отношений в более узком хронологическом плане.

Вопросу изучения положения униатской церкви на белорусских землях в конце XVI – первой половине XIX ст. посвящена монография С.В. Морозовой [2]. Автор на основе богатого фактографического материала показал ту непростую ситуацию, в которой функционировала данная церковь в указанный промежуток времени.

Проблема возобновления деятельности униатской церкви на белорусских землях в начале XX ст. нашла отражение в работах отечественных исследователей А.Н. Свирида [3], В.В. Старостенко [4] и В.В. Яновской (Григорьевой) [5]. Приводимые авторами данные свидетельствуют о том, что попытка возобновления функционирования униатской церкви деятелями белорусского национального движения начала прошлого века опиралась именно на еще жившую среди части населения память о прежней вере.

Основная часть

В конце XIX ст. бывшие униаты продолжали хранить память о не так давно исповедуемой ими религии.

Так называемые “упорствующие” в католицизме вызывали особую тревогу у правительственных кругов. В связи с этим обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев в письме Николаю II от 30 октября 1897 г. отмечал: “Униатский вопрос есть один из самых тяжелых в настоящее время для русских окраин” [6, л. 61].

Поспешность в деле перехода униатов в православие не принесла ожидаемых результатов. В итоге “с православием воссоединилась лишь малая часть упорствующих”. Согласно данным Департамента духовных дел иностранных исповеданий в губерниях Западного края и бывшего Царства Польского таковых насчитывалось до 100 тысяч человек [7, с. 51]. В большей части это были крестьяне, перешедшие в православие в 60-х гг. XIX ст., но не свыкшиеся со сво-

им новым статусом и потому продолжавшие втайне придерживаться уже ставших привычными для них обрядов более близкой Римско-католической церкви. Время от времени протесты таких “православных” принимали активную форму. Так, в 1895 г., во время вступления Николая II на престол, распространился слух о намерении нового царя восстановить униатскую церковь. Это привело к тому, что в некоторых приходах верующие, ожидая прибытия униатских священников, прогнали православных [8, с. 27, 41].

Как оказалось, “сломать униатскую культурно-религиозную традицию было нелегко”, и, несмотря на давление как духовных, так и светских властей, у бывших греко-католиков белорусских земель к ней сохранился определенный интерес. Власти “были вынуждены продолжать борьбу” с традицией униатства [9, с. 112, 115]. Исследователь Н. Глубоковский отмечал факт существования остатков униатского самосознания у части населения западных губерний вплоть до начала XX в. [10, с. 483]. “Могилёвские епархиальные ведомости” отмечали по этому поводу тот факт, что многие семьи, перешедшие в православие, “остались отчасти тем, чем были до воссоединения. Понятия о вере не могли быть везде изглажены, они сохранили и доныне обычаи посещать в храмовые праздники католические костелы и молиться в них по польским книжкам” [11, с. 42]. О сохранившихся прокатолических настроениях бывших униатов в 1905 г. писали и “Полоцкие епархиальные ведомости” [12, с. 290–292].

Традиции униатской веры продолжали использоваться тайными сторонниками униатства. Так, в среде бывших греко-католиков сохранились обычаи почитания скульптурных изображений святых. Отмечались униатские праздники, а в домах верующих встречались униатские иконы [13, с. 155–159].

Положение бывших униатов было непростым, поскольку, принимая православие, они давали подписки за себя, а нередко и за своих детей на неизменное пребывание в нем [14, л. 2]. Но зачастую такие обещания не выполнялись. В то же время ксендзам было строжайше запрещено совершать над лицами православного вероисповедания духовные требы. В результате “дети их росли без креста, бракосочетались они и умирали без благословения” [15, с. 517].

Для обеспечения своих религиозных потребностей “упорствующие” были вынуждены идти на различные хитрости – принимать “для вида” православие и втайне посещать костел, записываться под другими фамилиями после выполнения религиозных обрядов и т. д. Такого рода факты подтверждаются архивными документами. Как правило, об имеющихся в их приходах “упорствующих” вышестоящим инстанциям (благочинному, консистории, епископу) докладывали православные священники [16, л. 1–1об., 3–3об., 6–6об.].

В некоторых местностях “упорствующие” могли составлять целые компактно расположенные селения. Своим поведением – непосещением православных церквей, отсутствием у исповеди и причастия, отказах обращаться к православным священникам за исполнением обрядов и др. – они доставляли немало хлопот представителям власти и православному клиру. Так, 5 января 1903 г. слуцкий уездный исправник докладывал губернатору об уклонении крестьян “деревень Юрздыка-Медведичи, Мазурки, Гончары, Шарские, Тальминичи, Ососы, Куриновичи, Смоляники, Городище, Кулени и Русиновичи от исполнения духовных треб по православному обряду” [17, л. 14]. Своими действиями они ставили себя в затруднительное положение. Тот же исправник отмечал, что “упорствующие

совершенно лишены духовной пищи, хотя ищут ее. Старики умирают без исповеди, погребаются без священника и без совершения христианских обрядов, брачующиеся живут без таинства бракосочетания и вместо него сами совершают свои какие-то венчания и затем приживают детей вне законного брака, которых не крестят, а только после рождения нарекают им имена” [18, л. 15]. Данные исправника подтверждал слуцкий уездный предводитель дворянства Б. Лопухин.

Следует заметить, что после выхода указа о свободе вероисповеданий население вышеозначенных деревень перешло в католицизм [19, л. 34].

По сведениям минского епархиального миссионера К. Попова, “упорствующие” в своем большинстве проживали в уездах: Минском, Борисовском, Новогрудском, Пинском и Слуцком. Их численность составляла 12682 “души обоего пола”; при этом он был убежден, что указанная цифра не соответствует действительности. Только в Минской епархии “упорствующие” были зафиксированы в 146 приходах [20, л. 1–1об, 9].

К памяти бывших униатов католики продолжали апеллировать и в начале XX в. 7 июля 1905 г. начальник Гродненского губернского жандармского управления сообщал в Особый отдел Департамента полиции о появлении 30 июня 1905 г. в деревне Стацевичи Бельского уезда Гродненской губернии странника, вопрошавшего жителей, “до каких пор они не будут переходить в католичество или унию”, так как сам монарх “разрешил переход и даже принуждает к нему”. Отмечалось, что подобного рода случаи “не были единичными” [21, л. 64–64об.].

В деле борьбы с остатками унии епископы западных епархий возлагали особые надежды на церковно-приходские школы, полагая, что с их помощью можно будет воспитать подрастающее поколение в духе верно-

сти православия. Не случайно большинство школ создавалось в регионах с бывшим униатским населением. Но часть детей школьного возраста предпочитала изучать Закон Божий у ксендзов [22, с. 26–27]. “Упорствующие” ценили правительственную школу лишь с точки зрения приобретения полезных и нужных сведений, оставаясь “вне ея идейно-политического влияния” [23, л. 5 об.].

Значительное место в борьбе с униатством православное духовенство отводило также “торжественным богослужениям, религиозно-нравственным чтениям с общенародным пением” [24, л. 4]. Однако данные меры не всегда имели успех. Часть населения белорусских земель продолжала придерживаться униатских религиозных взглядов.

Заключение

Таким образом, несмотря на действия Полоцкого собора 1839 г., знаменовавшего прекращение деятельности униатской церкви на белорусских землях, в конце XIX – начале XX ст. определенная часть населения белорусских губерний, недавно являвшегося униатским, продолжала хранить память о своей вере, что проявлялось, прежде всего, в почитании религиозных требований не так давно исповедуемой ими религии, а также в фактическом игнорировании предписаний православной церкви. Конечно, нельзя игнорировать и влияния на “упорствующих” римско-католического духовенства, инкогнито поддерживавших симпатии бывших униатов к римо-католицизму, о чем свидетельствуют факты перехода данной части населения в “латинство” после вступления в силу указа от 17 апреля 1905 г. “Об укреплении начал веротерпимости”. Своей деятельностью бывшие униаты доставляли немало хлопот как властям, так и православному духовенству, боровшихся, но не всегда успешно, с остатками униии на белорусских землях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.) / навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
2. **Марозава, С.** Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гг.) / С. Марозава ; навук. рэд. У. М. Конан. – Гродна : ГрДУ, 2001. – 352 с.
3. **Свирид, А. Н.** Униатская церковь в Западной Беларуси (1921–1939 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. Н. Свирид. – Минск, 2003. – 178 с.
4. **Старостенко, В. В.** Религия и свобода совести в Беларуси: очерки истории / В. В. Старостенко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2011. – 272 с.
5. **Яноўская, В. В.** Хрысціянская царква ў Беларусі. 1863–1914 гг. / В. В. Яноўская. – Мінск : БДУ, 2002. – 199 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 543. Оп. 1. Д. 623. Всеподданнейшие записки обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева. 1895–1898 гг.
7. **Волхонский, М. А.** Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы первой русской революции / М. А. Волхонский // Отечественная история. – 2005. – № 5. – С. 48–63.
8. **Канингем, Д. В.** С надеждой на собор. Русское религиозное пробуждение начала XX века / Д. В. Канингем ; пер. с англ. прот. Георгия Сидоренко. – London : Overseas publ. interchange, 1990. – 353 с.
9. **Марозава, С. В.** Лёс культурнай спадчыны уніяцкай царквы ў Беларусі / С. В. Марозава // Спадчына. – 1996. – № 6. – С. 100–119.
10. **Глубоковский, Н.** Архиепископ Смарагд (Крыжановский) в его деятельности по воссоединению униатов (1833–1837 гг.). Деятельность преосвящ. Смарагда по присоединению униатов к православию в Полоцком крае / Н. Глубоковский // Христианское чтение. – 1914. – Т. 241. – № 4. – С. 468–499.

11. **Троицкий, А.**, преподаватель Пензенской духовной семинарии: из истории могилевского женского училища духовного ведомства / А. Троицкий // Могилевские епархиальные ведомости. – 1898. – 21 янв. – С. 37–46.
12. Воинствующий католицизм // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1905. – 15 июня. – С. 288–297.
13. **Марозава, С.** Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гг.) / С. Марозава ; навук. рэд. У. М. Конан. – Гродна : ГрДУ, 2001. – 352 с.
14. НИАБ. – Фонд 136. Оп. 1. Д. 36576. Рапорты священника Кимейской церкви Борисовского уезда И. Мякоты о переходе лиц разных вероисповеданий в православное 1896 г.
15. **Гарбінскі, Ю.** Беларускія рэлігійныя дзеячы XX ст. Жыццярысы. Мартыралогія. Успаміны / Ю. Гарбінскі. – Мінск : Мюнхен : Беларускі кнігазбор, 1999. – 752 с.
16. НИАБ. – Фонд 1781. Оп. 20. Д. 89. Дело о разрешении ксендзу Карповичу повенчать И. Драчинского и допустить его исполнять веру по римско-католическому обряду 1895–1906 гг.
17. НИАБ. – Фонд 136. Оп. 1. Д. 36976. Дело по обвинению священника Голдовичской церкви Слуцкого уезда И. Викторского в увеличении платы за исполнение треб 1903 г.
18. НИАБ. – Фонд 136. Оп. 1. Д. 36976. Дело по обвинению священника Голдовичской церкви Слуцкого уезда И. Викторского в увеличении платы за исполнение треб 1903 г.
19. НИАБ. – Фонд 136. Оп. 1. Д. 37171. Дело по прошениям лиц разных вероисповеданий, перешедших в православное, о разрешении возвращаться в прежнюю веру в связи с выходом указа Синода от 17 апреля 1905 г. о свободе вероисповеданий 1905–1907 гг.
20. НИАБ. – Фонд 136. Оп. 1. Д. 37047. Дело о крещении ксендзом Полонечского костела Новогрудского уезда О. Рутковским ребенка бывшего католика, жителя местечка Ишкольд Новогрудского уезда К. Рымши 1904–1905 гг.
21. ГАРФ. – Фонд 102. Оп. 233. Д. 2288. О римско-католической пропаганде среди бывших упорствующих греко-католиков и православных 1905 г.
22. **Канингем, Д. В.** С надеждой на собор. Русское религиозное пробуждение начала XX века / Д. В. Канингем ; пер. с англ. прот. Георгия Сидоренко. – London : Overseas publ. interchange, 1990. – 353 с.
23. ГАРФ. – Фонд 543. Оп. 1. Д. 428. Записки Евлогия, епископа Люблинского, викария Холмско-Варшавской епархии об униатском вопросе 1905 г.
24. НИАБ. – Фонд 136. Оп. 1. Д. 36998. Дело о переходе крестьянки деревни Великое село Новогрудского уезда Е. Светлик из православного вероисповедания в римско-католическое 1903–1906 гг.

Поступила в редакцию 01.10.2018 г.
 Контакты: +375 29 325-98-30
 (Табунов Василий Васильевич)

Tabunov V. BELARUSIAN CHURCH UNION REFLECTED IN THE MEMORIES OF BELARUSIAN POPULATION IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES.

The article analyzes the problem of preserving the memory of the Union by a part of the population of the Belarusian lands in the late XIX – early XX centuries. Despite the act of reunification of the Union Church with the Orthodox Church at the Council of Polotsk 1839 some part of the population of the Belarusian provinces continued to preserve the memory of the religion they had practiced. It was manifested, first of all, at the ritual and everyday level and concerned the observance of the religious principles of the Uniate Church and the evasion of the Orthodox Church. By their actions, the former uniats brought a lot of problems to the authorities and the Orthodox clergy. The struggle with the remnants of the Union in the Belarusian lands was not always a noticeable success.

Keywords: Belarusian lands, Russian Empire, Polotsk Council in 1839, Orthodox Church, Uniate Church, Union, clergy, believers.

УДК 930/94(476)“18/19”

**КОНЦЕПЦИЯ
БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИИ
М. В. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКОГО**

В. А. Белозорович

кандидат исторических наук, доцент
Гродненский государственный
университет имени Я. Купалы

Статья историографического плана раскрывает эволюцию взглядов профессора М. В. Довнар-Запольского на отечественную историю. Исследование основано на опубликованных работах ученого 1888–1919 гг., неопубликованных документах, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве Украины в г. Киеве. Показана роль М.В. Довнар-Запольского в формировании национальной концепции истории Беларуси. Сделан вывод о том, что личность М.В. Довнар-Запольского относится к числу лиц, стоявших у истоков белорусской национальной истории.

Ключевые слова: история Беларуси, национальная история, историография, историческая концепция, идеализация истории, модернизация истории.

Введение

Несмотря на большое количество работ, посвященных научной деятельности М.В. Довнар-Запольского, актуальной для белорусской историографии остается проблема концептуального видения исследователем национальной истории Беларуси. Научный интерес представляет проблема эволюции взглядов ученого в период учебы в гимназиях и университете, в годы профессорства в Киеве и на этапе гражданской войны 1918–1919 гг. Цель статьи – раскрыть процесс формирования национальной историографической концепции М.В. Довнар-Запольским.

Основная часть

Ранние работы М.В. Довнар-Запольского – это более чем сорок статей, заметок, рецензий. Среди них “Очерки по истории Белоруссии: от начала до смерти Владимира Мономаха (1125 г.)”, “Статистические сведения о Северо-Западном крае”, “Заметки из путешествия по Белоруссии”, “Погребальные обряды белорусов”, “Крестьянские игры в Минской губернии”, “Археологическое изучение Минской губернии”, “Сватовство и дружина жениха в белорусской свадьбе”, “Современное дело о знахарстве”, “Юридическое значение брака в Белоруссии”, “Белорусская свадьба в культурно-религиозных пережитках”, “Заметки по этнографии белорусов” и др. В своих первых научных трудах будущий ученый стремился постичь духовность и менталитет белорусского народа, раскрыть его самобытность и культуру.

Особое место занимают статьи, опубликованные в газете “Минский листок” в 1888 г. под общим названием “Белорусское прошлое”. Рукописи статей находятся в Центральном государственном историческом архиве Украины в г. Киеве [1]. В них М.В. Довнар-Запольский представил общие контуры национальной концепции истории Беларуси. Профессор Гродненского государственного университета Д.В. Карев подчеркнул историческую новизну выводов историка, которому в то время исполнился 21 год, назвав “Белорусское прошлое” “концептуальным кредо” М.В. Довнар-Запольского [2, с. 224].

Молодой автор понимал важность поставленной перед собой задачи, поскольку “Белоруссия еще до сих пор представляет для большинства русских людей своего рода terra incognita; она так мало известна в русском обществе, о ней так мало пишут и говорят, в научном отношении она так мало исследована...” [3, с. 307]. При этом историк был полностью уве-

рен в самостоятельности белорусского народа и в его отличии от русского этноса: “Существование белорусского “племени” также не подлежит сомнению, вопрос идет о том, насколько и в каких сторонах своего характера это племя отличается от того великого племени, которое составляет зерно и господствующую народность русского государства” [3, с. 308].

В “Белорусском прошлом” автор предложил уже признанную сегодня идею происхождения белорусов от племен дреговичей, кривичей (полоцких и смоленских) и радимичей, обозначив их расселение в IX–XII вв. [3, с. 309]. Их вхождение в состав Древнерусского государства он объяснил внешними причинами, а этнографические различия считал результатом географического размещения племен. В этом он видел серьезные препятствия на пути консолидации восточнославянских племен под властью Киева [3, с. 310].

Заметен интерес молодого историка к средневековому политическому институту – вече, роль которого он трактовал как “выражение народной воли”. В этом прослеживается идеализация вечевого строя, о чем позже писал в “Кароткай гісторыі Беларусі” В.Ю. Ластовский [4, с. 8]. По мнению исследователя, вече представляло собой демократический институт власти, являлось проявлением “общественного самосознания племени”, по сути оно природное начало, заложенное в племенной ментальности. Впоследствии эта идея нашла продолжение в постулате “извечного демократизма белорусской нации”. М.В. Довнар-Запольский писал: “Особенное развитие вечевого порядка, а потому и национальной самостоятельности, мы видим в жизни Полоцкого княжества” [3, с. 312], и, как итог, “Полоцк превратился в конце XII в. в республику” [3, с. 313].

Следующий этап истории белорусов М.В. Довнар-Запольский связы-

вал с Литовским государством и достаточно подробно раскрыл процесс его образования. Для историка объединение литовских племен с русскими (белорусскими. – В.Б.) землями – это результат не только внешней угрозы, исходившей от Немецкого ордена [3, с. 314], но и “осознание взаимной полезности, осознание общности интересов обоих государств и при всем том полнейшая равноправность” [3, с. 316]. Литовцы дали русским (белорусам. – В.Б.) военную защиту, а те – “свою выработанную культуру, далеко превосходившую литовскую и стоявшую на равной ступени с западноевропейской”, “готовые образцы государственного и общественного устройства, торговые связи” [3, с. 316].

Исследователь обратил внимание на религиозную веротерпимость, господствовавшую в молодом государстве до конца XIV в. Однако заключение Кревской унии в 1385 г. привело к экспансии польской культуры: “Теперь русскому народу приходится бороться с польской культурой; влияние его на католическую Литву постепенно падает; последняя, принимая польские порядки, заражается духом католической нетерпимости” [3, с. 318].

Новый этап исторического развития белорусского народа начинается от Люблинской унии 1569 г. М.В. Довнар-Запольский считал, что Речь Посполитая должна была исчезнуть с политической карты Европы: “Но соединение это готовило гибель новому государству. В состав Польши вошли теперь разнородные по религии и по национальностям элементы, разнородные по своему географическому положению”, а “польские политики не хотели, да и не могли понять нужд новых своих подданных” [3, с. 320]. Этим автор объясняет причину нарастания социальных конфликтов в XVII в. Жители Украины “нашли для себя этот исход в казачестве и Запорожской Сечи; белорусы, положение которых было

гораздо хуже, у которых не было степных пространств, куда бы они могли устремить свое движение, глухо роптали против нового владычества, старались всеми мерами содействовать казацким дружинам, восставшим против Польши, а часто и сами брались за оружие". Последовавшая за Люблинской Брестская церковная уния 1596 г. "ускорила падение польско-литовского государства" [3, с. 320].

М.В. Довнар-Запольский в своих статьях поднял проблему цивилизационного выбора белорусов и малорусов (украинцев) в XVII в. Стремясь уйти от "польско-католического ига", они обратились за поддержкой к Московскому государству. Но, по мнению автора, московские князья переняли от Золотой Орды "необузданный татарский деспотизм" [3, с. 321], лишили народ политических прав ("вечевых сходок"), стали проявлять религиозную нетерпимость. Историк считал, что "белорусский народ до конца XIV в.... жил самостоятельной жизнью, управлялся прежними вечевыми порядками и, как культурно-господствующая национальность, имел огромное влияние на внутренние и внешние дела страны", и выделил его преимущества: высокий уровень образования, наличие у мещан Магдебургского права, собственные суды, широкие права шляхетского сословия [3, с. 323].

Специфика ситуации заключалась в том, что "польское начало вносило в Беларусь шляхетскую аристократическую республику, московское начало – боярскую олигархию; то и другое государство совершенно исключали демос, тогда как белорусский народ был, прежде всего, по своим историческим и народно-бытовым традициям в высшей степени демократичен" [3, с. 324].

Вхождение Беларуси в состав Российской империи М.В. Довнар-Запольский оценивал как присоеди-

ние. В Петербурге считали, "что Россия только возвращает принадлежащие ей земли по династическим правам, но неправильно "захваченные" Польшею" [3, с. 325]. Факт присоединения противоречил свободолюбивой и самостоятельной ментальности белорусов.

Таким образом, серия статей М.В. Довнар-Запольского "Белорусское прошлое" заложила концептуальную постановку национальной истории. Очевидно, что начальный этап становления М.В. Довнар-Запольского как ученого был связан с идеей белорусского национально-культурного возрождения. В 1893 г. он писал, что "история Беларуси богата высокою культурою, изучение которой представляет глубокий интерес". Молодой историк выделил ее отличительные черты, т. е. квинтэссенцию белорусской истории: "вечевое начало" как проявление свободы; "отношение к Новгороду, Москве, Польше, немцам"; "широкую торговую деятельность", сопряженную с "цеховым и городским устройством"; литературу, обусловившую "борьбу за веру и национальность"; законодательство, представленное "Литовским Статутом" [5, с. 510].

Однако последующий киевский период биографии М.В. Довнар-Запольского, связанный с его научной, преподавательской и организационной деятельностью в Киевском императорском университете Святого Владимира и Киевском коммерческом институте, отмечен интересом ученого к проблемам общероссийской истории. После защиты в 1905 г. докторской диссертации, посвященной организации западнорусского крестьянства в XVI в., историк исследовал политические взгляды М.М. Сперанского, деятельность декабристов, роль церкви и духовенства в домонгольский период, школьную реформу Екатерины II, крепостное право в XVIII–XIX вв.,

торговлю и промышленность Русского государства и ряд других проблем истории России. Если не считать авторских работ по социально-экономической истории Великого Княжества Литовского, то конкретно по истории Беларуси были опубликованы только Баркулабовская летопись в 1908 г. [6] и ряд статей по белорусской этнографии в 1909 г. В комментарии к тексту Баркулабовской летописи М.В. Довнар-Запольский обратил внимание на белорусский характер летописания в Северо-Западном крае [6, с. 11].

Доцент Белорусского государственного университета В.В. Ляховский отметил “охлаждение” М.В. Довнар-Запольского к белорусской проблематике вплоть до 1918 г. Среди учеников известного киевского профессора не было национально-ориентированных студентов, которые исследовали бы собственно белорусскую историю [7, с. 82]. В “Отчете о деятельности историко-этнографического кружка за 1911/1912 учебный год”, организованного на историко-филологическом факультете Киевского императорского университета, зафиксированы фамилии 31 студента. 20 студентов было на начало года, 11 человек приняли в течение учебного периода [8, л. 1]. Тематика научных изысканий студентов была обусловлена проблемами российской истории, учитывая тот факт, что сам М.В. Довнар-Запольский преподавал историю России “Московского периода и периода Империи, курсы по обзору юридических источников, истории русского права” [9, л. 5]. К примеру, студент И.М. Альтшулер изучал тему “Теократический абсолютизм Ивана IV Грозного”, Г.М. Белоцерковский – “Южная половина Тульского уезда по писцовым описаниям XVI–XVII вв.”, Н.Л. Эрнст – “Первые набеги крымских татар на Украину” и т. д. Косвенно белорусские губернии как территория Западной России стали объектом исследования у студента Ф.В. Клименко,

который приступил к разработке темы “Организация западнорусских цехов” [8, л. 1 обл].

Профессор Киевского национального университета имени Тараса Шевченко В.И. Ульяновский обратил внимание на несовместимость национальной проблематики, которая была главным предметом научных изысканий молодого Довнар-Запольского, с научными интересами уже маститого ученого, занимавшего должность директора Киевского коммерческого института и профессора кафедры русской истории императорского университета. По сути, М.В. Довнар-Запольский занял вненациональную позицию. В доказательство заявленного тезиса В.И. Ульяновский привел пример того, как историк отказался от сотрудничества с витебской интеллигенцией [10, с. 58]. 4 февраля 1908 г. председатель редакционного комитета “Витебских губернских ведомостей”, член партии “Союз 17 октября”, историк В.К. Стукалич обратился к М.В. Довнар-Запольскому с письмом, в котором сообщил ему о планируемом открытии в Витебске “Отдела императорского географического общества с подотделом белорусской истории, филологии и этнографии”. Также было намечено “издание и распространение в народе нескольких популярных брошюр по истории Белоруссии” [11, л. 4]. В связи с этим В.К. Стукалич просил профессора написать брошюры: “Вы обладаете большим литературным талантом; Ваше имя одно многое весит. Словом, заменить Вас положительно некому. Откликнитесь! В Вашем лице взывает к Вам Белая Русь, никому неизвестная в своих правдивых исторических очертаниях и красках” [11, л. 4 обл]. Не сохранился в архивах ответ адресата, но отсутствие запланированных изданий позволяет сделать вывод об отказе от сотрудничества со стороны М.В. Довнар-Запольского.

В исторической литературе установлен факт, свидетельствующий о противоречиях, возникших между профессором и его коллегами, прежде всего, братьями Грушевскими, в киевский период жизни ученого. Камнем преткновения стал вопрос об организации кафедры истории Украины в Киевском императорском университете [10]. Известно, что М.В. Довнар-Запольский и М.С. Грушевский являлись учениками профессора В.Б. Антоновича. Оба они учились в 1880–1890-е гг., занимались национальной историей: Довнар-Запольский – историей Беларуси, Грушевский – историей Украины. Позднее М.С. Грушевский активно работал в “Литературно-научном обществе имени Т. Шевченко” (затем “Научном обществе имени Т. Шевченко”), привлекая к сотрудничеству Довнар-Запольского. В Центральном историческом архиве Украины сохранились письма к нему М.В. Довнар-Запольского, датируемые 1876–1896 гг. [12]. Однако в начале XX в. уже стали очевидными расхождения между двумя учеными, прежде всего, на научной почве. М.С. Грушевский достаточно критично оценил магистерскую и докторскую диссертации М.В. Довнар-Запольского [13, с. 69], а тот в рецензии на четвертый и пятый тома “Історія України-Руси” М.С. Грушевского отметил, что они “значительно слабее предыдущих томов” [14, л. 2]. В 1908 г., будучи профессором Львовского университета, М.С. Грушевский предложил свою кандидатуру на должность заведующего кафедрой русской истории в Киевском императорском университете, но последовал отказ (в чем, возможно, проявилось участие М.В. Довнар-Запольского). Как считает профессор Брянского университета С.И. Михальченко, М.В. Довнар-Запольский как руководитель высшего учебного заведения и как профессор “государственного” университета в своей идейной позиции эволюциони-

ровал “от либерализма к консерватизму” [15, с. 59]. Историк не относился к категории “левой профессуры”. Наоборот, декан историко-филологического факультета Киевского университета Н.М. Бубнов в брошюре “Сага о правой профессуре” (1917) обвинил М.В. Довнар-Запольского в позиции угодничества в отношении к реакционным царским министрам народного просвещения. К тому же, по мнению украинских историков, в Киевском университете в 1916 г. развернулась негласная борьба между группой Довнар-Запольского (П.П. Смирнов, В.А. Романовский, Н.Д. Полонская-Василенко) и группой П.Н. Ардашева, С.Т. Голубева, Е.Д. Сташевского [16, с. 54].

Общественно-политические события 1917 г., последовавшее провозглашение Белорусской Народной Республики (БНР) в 1918 г., драматические изменения в семейной и личной жизни ученого вызвали глубокие перемены в его политических взглядах. М.В. Довнар-Запольский вновь “возвращается” на национальную белорусскую платформу. 1-го апреля 1918 г. он выступил перед читателями “Белорусского слова” (газеты, издававшейся в Киеве) с призывом к белорусам, оказавшимся на территории Украины, объединиться и протестовать “против... захватов белорусской народности” [17, с. 511]. Автор редакционной колонки опасался не только утраты “национального лица”, но и экономического порабощения белорусов националистически настроенными соседями. При этом он возлагал надежду на Украину, которая “не откажет Белорусам в сохранении их национальности”, имея в виду присоединенные к Украине части Минской и Гродненской губерний [17, с. 512]. Высказывалась мысль об открытии белорусского университета в Мозыре и создании белорусского парламента в Киеве [17, с. 513]. Вопрос о

создании национального университета требовал обширной переписки с ведущими специалистами-белоруссо-ведами. Сохранилось письмо к историку от одного из основателей белорусского национального движения Б.И. Эпимаха-Шипило, датированное 22 сентября 1918 г. Автор направил послание из “Пеклограда” (так он называл город Петроград) и соглашался преподавать студентам будущего университета греческий, еврейский, латинский языки и римскую литературу. Б.И. Эпимах-Шипило писал: “З рукамі і нагамі гатоў я ўцячы з гэтага пекла на родную Бацькоўшчыну працаваць там дзеля яе, атдаць ей свае апошнія сілы і злажыць косьці у роднай зямліцы-матцы” [18, л. 16].

8-го апреля в новой статье “Белорусского слова” М.В. Довнар-Запольский восторженно приветствовал провозглашение независимости Белорусской Народной Республики. Автор поставил перед читателем два вопроса: имеют ли право белорусы на данный шаг и что их ожидает в будущем.

Историк не сомневался в праве народа на самоопределение. Он видел белорусов нацией, которая почти 150 лет “составляла провинцию Российской империи”. Но до вхождения в состав империи народ прожил три исторических периода своего развития: самостоятельные княжества (до XIV в.), объединение Беларуси и Литвы (до 1569 г.), федеративная часть в составе “Польско-Литовско-Русского государства” [19, с. 513–514]. М.В. Довнар-Запольский осудил политику т. н. “петербургских правительств”, “которые ограбили нашу бедную страну”. Поэтому Народный Секретариат имел все основания для провозглашения независимости БНР [19, с. 514].

Делегация Белорусской Народной Республики во главе с А.И. Луцкевичем в 1919 г. на Парижской мирной конференции предоставила ее участникам меморандум о постановке

белорусского вопроса. К этому времени М.В. Довнар-Запольский, как профессиональный историк, подготовил брошюру “Основы государственности Беларуси”. Ее текст из Киева был передан в Минск и переведен на европейские языки: польский, немецкий, французский, английский. Брошюра была адресована представителям БНР за рубежом для обоснования требований белорусской стороны.

Автор в первом разделе дал представление о территории и населении Беларуси. По его мнению, белорусскими следовало считать Минскую, Могилевскую, Смоленскую, Витебскую (за исключением Режицкого и Люцинского поветов) губернии, Виленскую (кроме Трокского, Виленского и Святянского поветов) губернию, Гродненскую губернию, три северных повета Черниговской губернии, приграничные волости Сувалковской, Псковской, Тверской, Калужской и Орловской губерний [20, с. 6].

Основа белорусской государственной независимости заложена в самом белорусском народе. Белорусы представляют собой “наиболее чистое славянское племя”. Для них характерны такие качества, как желание создать свою государственность, защитить ее, сформировать свободный демократический строй [20, с. 7].

Во втором разделе М.В. Довнар-Запольский показал историческое развитие белорусского народа. Этногенез белорусов он выводил от трех родственных племен: кривичей, дреговичей, радимичей, которые отличались от великорусского и украинского народов. Автор повторил гипотезу, выдвинутую В.Ю. Ластовским в 1914 г. о древнем расселении дреговичей на Балканском полуострове в районе г. Салоники, о том, что христианские просветители Кирилл и Мефодий свои первые книги написали на языке дреговичей [20, с. 7–8].

М.В. Довнар-Запольский обратил внимание на непродолжительное

нахождение белорусских племен в составе Руси, на формирование отдельной от Рюриковичей княжеской династии Рогволодовичей. Он выделил три крупных центра государственности на белорусских землях. Это Смоленское княжество на Днепре, Полоцко-Витебское на Двине и Верхнем Немане, Турово-Пинское на Припяти. Историк предложил оригинальную трактовку формирования "Литовско-Белорусского государства". Поскольку к XIV в. мужская линия Рогволодовичей вымирает, то ее имущество переходит к женским представителям династии. Соседние "малокультурные" литовские князья женились на "представительницах вымирающих белорусских... родов" [20, с. 8]. Автор отдельно подчеркнул факт, что белорусские земли не были завоеваны литовскими князьями [20, с. 9].

К литовцам у него неоднозначное отношение – М.В. Довнар-Запольский использует выражения: "малокультурный литовский народ" [20, с. 8], "литовский народик" [20, с. 9]. Автор отметил количественное ($\frac{3}{4}$ территории) и качественное доминирование белорусов в Литовско-Белорусском государстве, наличие внутренней автономии. "Белорусские национальные элементы" выступили защитниками идеи полной независимости Литвы и Руси от Польши, несмотря на персональную унию, существовавшую с 1447 до 1569 г. [20, с. 10].

Образование Речи Посполитой на Люблинском сейме для историка – факт исторический, во многом обусловленный желанием поляков удержать под своим влиянием литовские, белорусские и украинские земли. Трактовка унии 1569 г. М.В. Довнар-Запольским подается в духе российской историографии XIX – начала XX вв. Однако автор констатировал федеративный характер нового государства: "...В Литве и Беларуси власть великого князя проявляется самостоятельно-

стью: законы, армии, деньги, финансы и министерства каждое государство имеет отдельные" [20, с. 11].

Как и В.Ю. Ластовский, М.В. Довнар-Запольский дал отрицательную оценку двум процессам в белорусской истории: "ополячиванию Руси" и "окаатоличиванию православного населения". Он считал, что православное население вынуждено было в XVIII в. обратиться за помощью к императрице Екатерине II. Российская правительница осуществила три раздела Речи Посполитой под предлогом защиты православной веры [20, с. 12]. Автор оценил этот феномен как ликвидацию политической независимости Беларуси [20, с. 13].

В третьем разделе историк развил идею федеративного характера белорусской государственности. Второй период национальной истории М.В. Довнар-Запольский соотносил с федерацией Беларуси и Литвы, которая имела характер персональной унии. После 1569 г. федерация становится парламентской унией [20, с. 14]. Поэтому и Беларусь, и Литва имеют право либо на совместную государственность, либо на независимое положение [20, с. 15].

Особенностям культуры белорусского народа посвящен четвертый раздел. Для историка белорусский народ выступает отдельной нацией с исторически сложившимися традициями, которые отличают его от других этносов. Прежде всего это демократизм в общественной и хозяйственной жизни, который проявился в деятельности вече, волостных судов, широких правах шляхты. Автор считал Великое Княжество Литовское государством с республиканским устройством во главе с великим князем ("президентом"). Белорусский народ создал богатейшую литературу и развитые правовые нормы. Для М.В. Довнар-Запольского Статуты ВКЛ – "наше национальное право" [20, с. 18].

Однако “удар” по развитию белорусской культуры нанесла Реформация, а затем орден иезуитов. Реформация в форме кальвинизма и социнианства привнесла в общество идею интернационализма и разбила связь народа с православной верой. Иезуиты, в большинстве поляки, содействовали полонизации и окатоличиванию белорусов [20, с. 19]. С этой целью без согласия народа был проведен акт Брестской церковной унии 1596 г. М.В. Довнар-Запольский считал православные братства защитниками белорусской культуры до начала XIX в. В дальнейшем политика российского самодержавия была направлена на ликвидацию “республиканских традиций... народа” [20, с. 16], что привело к активной полонизации белорусских земель. И только виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев изменил в положительную сторону отношение к православному белорусскому населению [20, с. 13]. При этом М.В. Довнар-Запольский не использует понятие “русификация”. Очень кратко он характеризует процесс развития белорусского национального движения и доводит его до Всебелорусского съезда в декабре 1917 г. и образования Рады БНР [20, с. 20].

Позиция М.В. Довнар-Запольского, отраженная в тексте брошюры, существенно отличалась от позиции лидеров БНР. Ведь в 1919 г. был опубликован еще ряд работ, адресованных участникам Парижской мирной конференции. Председатель Народного секретариата БНР И.Я. Воронко в Каунасе издал книгу на белорусском, литовском, русском, немецком и польском языках “Белорусский вопрос к моменту Версальской мирной конференции», в основу которой был положен меморандум, предоставленный шефу военно-политической миссии США Варвику Грину 19 мая 1919 г. [21, с. 4]. Автор со всей пря-

мотой обвинил Польшу в нарушении территориальных интересов Беларуси (“белорусское правительство ненавидит Польша” [21, с. 9]) и осуществлении политики полонизации (“создание Белопольши” [21, с. 48]). То же отметил народный секретарь по военным делам БНР К.Б. Езовитов, критикуя идею “Великой Польши в границах 1772 г.” [22, с. 17]. В тексте брошюры М.В. Довнар-Запольского полонифобия ярко не прослеживается, как и отсутствует оценка претензий Украинской Народной Республики на часть белорусских земель. Возможно, ученый-историк проявил осторожность и не хотел быть втянутым в политическую борьбу.

Заключение

М.В. Довнар-Запольский в 1888 и 1919 гг. предложил концепцию истории Беларуси, которая обосновывала право белорусов на национальное самоопределение. Ученый, исходя из государственного критерия, предложил периодизацию истории белорусских земель, раскрыл основное содержание каждого этапа. В его позиции прослеживается определенная идеализация прошлого белорусского народа, модернизация ряда политических и социально-экономических процессов. Однако следует признать авторитет и значимость М.В. Довнар-Запольского в среде белорусской интеллигенции начала XX в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве (ЦГИАУ). – Ф. 262. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–41.
2. **Карев, Д. В.** Белорусская и украинская историография конца XVIII – начала 20-х гг. XX в. в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев / Д. В. Карев. – Вильнюс : ЕГУ, 2007. – 312 с.

3. **Довнар-Запольский, М.** Белорусское прошлое / М. Довнар-Запольский // Homo historicus 2008. Гадавік антрапалагічнай гісторыі / пад рэд. А. Ф. Смаленчука з удзелам І. М. Дубянецкай. – Вільня : ЕГУ, 2008. – С. 304–335.
4. **Ластоўскі, В.** Кароткая гісторыя Беларусі / В. Ластоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 1993. – 126 с.
5. **Довнар-Запольский, М.** Наша научная нужда / Мітрафан Доўнар-Запольскі // Выбранае ; укладанне, прадмова В. Лебедзевай ; каментар В. Лебедзевай [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2017. – С. 509–511.
6. Баркулабовская летопись. – Киев : Типография Императорского Университета Св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкого, 1908. – 52 с.
7. **Ляхоўскі, У. В.** Прафесар Мітрафан Доўнар-Запольскі і справа беларускай нацыянальнай адукацыі / У. В. Ляхоўскі // Трэція Міжнародныя Доўнараўскія чытанні : матэрыялы канф., г. Рэчыца, 14–15 верас. 2001 г. / Гомел. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны ; рэд. кал.: В. М. Лебедзева (адказ. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Бел. кнігазбор, 2002. – С. 81–92.
8. ЦГИАУ. – Ф. 262. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.
9. ЦГИАУ. – Ф. 262. Оп. 1. Д. 31. Л. 5.
10. **Ульяновський, В.** Справа кафедры історыі Украіны в універсітэце Св. Володимира: Довнар-Запольскі і Грушевскі / В. Ульяновскі // Трэція Міжнародныя Доўнараўскія чытанні : матэрыялы канф., г. Рэчыца, 14–15 верас. 2001 г. / Гомел. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны / рэд. кал.: В. М. Лебедзева (адказ. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Бел. кнігазбор, 2002. – С. 27–62.
11. ЦГИАУ. – Ф. 262. Оп. 1. Д. 182. Л. 4.
12. ЦГИАУ. – Ф. 1235. Оп. 1. Д. 456.
13. **Киштымов, А. Л.** Пересечение параллельных: М. В. Довнар-Запольский, М. С. Грушевский и “Записки Наукового товариства імені Шевченка” / А. Л. Киштымов // Пятая Міжнародныя Доўнараўскія чытанні : Міжнар. навук. канф., г. Рэчыца, 22–23 верасня 2005 г. ; рэд. кал. : В. М. Лебедзева (адк. рэд.) [і інш.]. – Гомель : Гомельск. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны, 2005. – С. 62–78.
14. ЦГИАУ. – Ф. 261. Оп. 1. Д. 82. Л. 2.
15. **Михальченко, С.** Влияние Первой мировой войны на общественно-политические взгляды М. В. Довнар-Запольского / С. Михальченко // Шостыя Міжнародныя Доўнараўскія чытанні : Міжнар. навук. канф., г. Рэчыца, 15 ліст. 2007 г. / В. М. Лебедзева (адк. рэд.) [і інш.]. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2008. – С. 59–62.
16. **Верба, І. В.** Життя і творчість Н. Д. Полонської-Василенко (1884–1973) / І. В. Верба. – Київ : НАН Украіны, 2000. – 339 с.
17. **Довнар-Запольский, М.** Объединяйтесь // Выбранае / М. Доўнар-Запольскі ; укладанне, прадмова В. Лебедзевай ; каментар В. Лебедзевай [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2017. – С. 511–513.
18. ЦГИАУ. – Ф. 261. Оп. 1. Д. 178. Л. 16.
19. **Довнар-Запольский, М.** Жребий брошен // Выбранае / Мітрафан Доўнар-Запольскі ; укладанне, прадмова В. Лебедзевай ; каментар Валянціны Лебедзевай [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2017. – С. 513–514.
20. **Доўнар-Запольскі, М.** Асновы дзяржаўнасці Беларусі / М. Доўнар-Запольскі. – Мінск : ВПП Дзяржэканомплана Рэспублікі Беларусь, 1994. – 23 с.
21. **Воронко, И. Я.** Белорусский вопрос к моменту Версальской мирной конференции. Историко-политический очерк / И. Я. Воронко. – Ковна : Изд-во им. Ф. Скорины, 1919. – 60 с.
22. **Езовитов, К.** Белорусы и поляки. Документы и факты из истории оккупации Белоруссии поляками в 1918 и 1919 годах / К. Езовитов. – Ковна : Изд-во им. Ф. Скорины, 1919. – 124 с.

Поступила в редакцию 28.09.2018 г.
 Контакты: v.belozorovich@grsu.by
 (Белозорович Виктор Александрович)

Belozorovich, V. M.V. DOVNAR-ZAPOLSKY'S CONCEPT OF BELARUSIAN HISTORY.

The historiographical article reveals the evolution of Professor M. V. Dovnar-Zapolsky's views on the national history. The research is based on his published works of 1888–1919 and unpublished documents stored in the Central State Historical Archives of Ukraine in Kiev. The role of M.V. Dovnar-Zapolsky in the formation of the national

concept of the history of Belarus is shown. It is concluded that the personality of M.V. Dovnar-Zapolsky belongs to the number of persons who started the study of the Belarussian national history.

Keywords: history of Belarus, national history, historiography, historical concept, idealization of history, modernization of history.

УДК 343.812(476)

**РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ
УПРАВЛЕНИЯ ТЮРЬМАМИ
НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX –
НАЧАЛЕ XX в.**

С. Н. Чайкин

соискатель

Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова

На основе изучения архивных данных исследуется процесс формирования на белорусских землях во второй половине XIX – начале XX в. системы управления тюрьмами. Определяются закономерности ее развития, общие для белорусских земель и Российской империи в целом – становление в XIX в. местного управления тюрьмами, процесс централизации управления местами лишения свободы за счет учреждения в системе Министерства внутренних дел Главного тюремного управления, а на белорусских землях – губернских тюремных инспекций. Оценивается значение в развитии системы управления тюрьмами на белорусских землях тюремной реформы 1879 г.

Ключевые слова: Российская империя, смотритель тюремного замка, тюремный надзиратель, губернский тюремный инспектор, тюремная реформа 1879 г., Главное тюремное управление, губернская тюремная инспекция.

Введение

Процесс становления системы управления местами лишения свободы Российской империи как одной из важнейших составляющих государственного карательного аппарата был исследован в работах российских ученых дореволюционного периода (Н.Ф. Лучинского, В.Н. Никитина, С.В. Познышева), советских ученых (М.Н. Гернет и Р.С. Мулукаев) и современных российских и белорусских ученых (А.П. Печникова, И.В. Упоро-

ва, В.А. Шелкопляс). Однако специальных исследований, посвященных развитию системы управления местами лишения свободы на белорусских землях, до настоящего времени не проводилось. Вместе с тем уже к началу XX в. на белорусских землях была создана система управления местами лишения свободы, которая в связи с ее эффективностью была использована при организации деятельности как уголовно-исполнительной системы советского периода, так и отечественной пенитенциарной системы в настоящее время. Для оценки влияния, оказанного во второй половине XIX – начале XX в., на социально-политическое развитие белорусских земель пенитенциарной системой, необходимо изучить формирование на белорусских землях во второй половине XIX – начале XX в. системы управления местами лишения свободы и значение для указанного процесса тюремной реформы 1879 г.

Основная часть

На протяжении XIX в. в Российской империи вместе с развитием уголовно-исполнительного законодательства формировалась система управления местами лишения свободы, которая на белорусских землях состояла в основном из тюрем, называемых в правовых актах тюремными замками. Во второй половине XIX в. к высшим органам управления тюремной системой относились император, Государственный совет и Сенат, которые разрабатывали, принимали и утверждали основные распоряжения, касающиеся деятельности тюрем. Центральным органом управления тюрьмами являлся Департамент исполнительной полиции, ставший с 1819 г. структурным подразделением Министерства внутренних дел. Кроме управления тюрьмами, на Департамент было возложено множество других функций: комплектование по-

лицейских служб, контроль за исполнением судебных приговоров, надзор за проведением следствия по уголовным делам, осуществление рекрутских наборов, в связи с чем систематический контроль за деятельностью мест лишения свободы Департамент не осуществлял.

На местном уровне управление тюрьмами являлось функцией губернаторов, а также возглавляемых ими губернских правлений. В соответствии с «Общим наказом гражданским губернаторам» от 3 июня 1837 г., установившим подчинение губернаторов министру внутренних дел и фактически придавшим им статус чиновников МВД, губернаторы были обязаны исполнять распоряжения правительства по вопросам содержания осужденных в местах лишения свободы. Губернаторы имели право проводить внезапные ревизии мест лишения свободы, назначать на должности и увольнять со службы смотрителей тюремных замков, а также привлекать к ответственности за ненадлежащее выполнение своих обязанностей представителей тюремной администрации (подвергать их замечаниям и выговорам, осуществлять удержания из жалования, перемещать их на нижестоящие должности, отстранять от должности и подвергать аресту на срок до семи дней). Для поощрения деятельности смотрителей тюремных замков губернаторам предоставлялось право представлять их к наградам [1, с. 1469]. Однако кроме управления тюрьмами губернаторы исполняли обязанности управления, контроля и надзора всеми направлениями деятельности губернии, в связи с чем управление тюремными замками осуществлялось ими, как правило, формально. В 1870-х гг. в связи с переполнением тюрем Российской империи губернаторы зачастую категорически заявляли администрации МВД, что они не смогут поддерживать порядок в ме-

стах заключения, если в их распоряжение не будут командированы чиновники для заведывания тюрьмами [2, с. 287]. Отсутствие у губернаторов возможности осуществлять надлежащее управление местами лишения свободы явилось причиной издания в XIX в. нормативных актов, в соответствии с которыми управление тюрьмами осуществлялось также губернскими прокурорами, приказами общественного призрения, попечительными о тюрьмах обществами, городской полицией, жандармскими штаб-офицерами и уездными исправниками [3, с. 38]. Подчинение тюрем различным органам и ведомствам затрудняло как выработку единых для всех тюрем управленческих решений, так и исполнение их тюремной администрацией. Как отмечал в 1879 г. витебский губернатор, «степень участия всех этих органов в надзоре за местами лишения свободы точно не обозначена, и потому между ними происходят пререкания, ставящие в затруднение тюремную администрацию и подрывающие ее авторитет» [4, с. 5].

Непосредственным начальником тюрьмы являлся смотритель тюремного замка. В соответствии с «Инструкцией смотрителю губернского тюремного замка» 1831 г. смотритель определялся как «полный хозяин тюремного замка и блюститель в оном внутреннего порядка» [5, с. 12]. В подчинении смотрителя тюремного замка находились тюремные надзиратели, которым смотритель распределял должностные обязанности, принимал в их отношении меры поощрений и налагал на них взыскания. На практике в связи со множеством возложенных на него обязанностей и отсутствием заместителей осуществлять управленческую деятельность смотритель тюремного замка на должном уровне не мог. Учрежденные в соответствии с «Инструкцией» от 1852 г. должности помощников смотрителей, в связи с

нехваткой средств на выплату им жалования, на белорусских землях до последней четверти XIX в. укомплектованы так и не были. В 1877 г. смотритель Минского тюремного замка обращался к минскому губернатору с просьбой ввести в штат тюрьмы должность помощника смотрителя, поскольку при наличии в тюрьме более 900 арестантов и необходимостью контроля за пересылкой более 8 000 осужденных в год, должным образом исполнять свои обязанности он не мог. Однако из-за отсутствия средств эта должность введена так и не была [6, с. 2]. К 1887 г. в Российской империи было укомплектовано всего 66 должностей помощников смотрителей [7, с. 353].

Не реализовались управленческие функции смотрителя и в связи с тем, что до конца 1880-х гг., кроме подчинявшихся ему тюремных надзирателей, надзор за осужденными в тюрьмах осуществлялся военными караулами из местных воинских команд, которые по ведомственной принадлежности относились не к МВД, а к военному ведомству и смотрителю не подчинялись. Для организации эффективного управления личным составом тюрем, 5 мая 1865 г. было утверждено мнение Государственного совета «О замене военных караульных постов в тюрьмах вольнонаемными надзирателями», в соответствии с которым до конца 1870-х гг. в Витебской и Минской губерниях вместо внутренних караульных постов были учреждены должности тюремных надзирателей [8, с. 60]. Однако в Гродненской и Могилевской губерниях, в связи с отсутствием средств на выплату жалования надзирателям, надзор за осужденными продолжал осуществляться военными караулами [9, с. 238]. В итоге, принадлежность тюремной администрации к различным ведомствам, негативно сказывалось на качестве охраны и ослабляло ре-

жим содержания осужденных, а отсутствие управленческих полномочий смотрителя в отношении внутренней стражи способствовало вступлению солдат в сговор с осужденными, передаче им спиртного и орудий для совершения побегов [10, с. 622].

К началу 1870-х гг. реформирование тюремной системы Российской империи стало необходимым и неизбежным процессом, в связи с обострением социально-политической обстановки. В то же время после проведенных реформ полицейской и судебной систем деятельность пенитенциарной системы не соответствовала функционированию государственного карательного аппарата в целом. Причинами отсутствия централизации управления местами лишения свободы и согласованности в деятельности тюрем являлись отсутствие в системе МВД органов, специально предназначенных для управления тюрьмами, а также наличие управленческих полномочий в отношении мест лишения свободы у органов и учреждений, не входящих в структуру управления пенитенциарной системой. Непосредственное управление тюрьмами было неэффективным в связи с отсутствием в штате тюремной администрации заместителей смотрителей тюремных замков и несением службы в тюрьмах военными постами, не подчинявшимися смотрителям тюрем.

27 февраля 1879 г. в составе МВД был образован центральный орган управления пенитенциарной системой Российской империи – Главное тюремное управление (ГТУ), подчиненное 13 декабря 1895 г. Министерству юстиции. Начальник ГТУ назначался указом императора по представлению Министра внутренних дел. Каждый из назначенных за время деятельности ГТУ одиннадцати начальников имел высшее юридическое образование. С 26 октября 1907 г. по 1 января 1909 г. ГТУ возглавлял мин-

ский губернатор П.Г. Курлов [7, с. 402]. Управленческая деятельность ГТУ состояла в осуществлении контроля за деятельностью местных органов управления тюрьмами, инспектировании всех общеуголовных тюрем, статистической работе в области тюремного дела и подготовке в МВД предложений по улучшению деятельности пенитенциарных учреждений. Для повышения эффективности осуществляемых чиновниками ГТУ инспекторских проверок в составе ГТУ в том же году была создана тюремная инспекция и утверждены разработанные ГТУ «Временные правила для первоначального руководства тюремным инспекторам во время командировок». В соответствии с «Правилами» в ходе проверки деятельности тюрем инспектор ГТУ осуществлял сбор сведений о состоянии тюремных зданий и численности содержащихся в них осужденных, о личном составе тюремной администрации, о материально-бытовом обеспечении осужденных и организации тюремных работ.

Для усиления централизации управления тюрьмами 21 марта 1890 г. было утверждено мнение Государственного совета «Об учреждении губернской тюремной инспекции», в соответствии с которым в составе губернских правлений создавались структурные подразделения ГТУ на местах – губернные тюремные отделения, в которых «сосредотачивались все дела по части тюремно-арестантской и пересыльной». Как отмечалось в учредительных документах Минской губернской тюремной инспекции, к делам, подлежащим ее юрисдикции, относились дела «по личному составу инспекции и мест заключения, включая дела по согласованию определения на службу и увольнения со службы, по производству жалования и представлению к наградам, по содержанию арестантов и производимых ими работах, по распоряжению все-

ми ассигнуемыми из Министерства юстиции средствами по тюремной части» [11, с. 3]. Возглавлялось тюремное отделение губернским тюремным инспектором, при котором состояли помощник и особый секретарь. О высоком правовом статусе губернского тюремного инспектора свидетельствует его членство в Общем присутствии губернского правления, в работе которого инспектор участвовал при рассмотрении вопросов о деятельности тюрем, а также присвоение ему прав и обязанности вице-губернатора «по тюремно-арестантской части». Назначались губернные тюремные инспекторы Главным тюремным управлением из числа работников ГТУ, судебного ведомства и прокуратуры без согласования с губернаторами. Одновременно с определением правового статуса губернских тюремных инспекций, Законом от 21 марта 1890 г. эти учреждения вводились в пяти губерниях Российской империи, в том числе и в Виленской, на территории которой находились Вилейская, Дисненская, Лидская и Ошмянская тюрьмы. По состоянию на 1 января 1913 г. в России действовало уже 56 губернских инспекций [1, с. 473]. В 1908 г. тюремная инспекция была учреждена в Гродненской губернии. 17 января 1911 г. императором был утвержден приказ о создании тюремной инспекции в Витебской губернии, в том же году была учреждена тюремная инспекция по Могилевской губернии, а 3 декабря 1912 г. был утвержден состав тюремной инспекции по Минской губернии [12, с. 1].

Высокий правовой статус губернских тюремных инспекторов был подтвержден и на местном уровне. При вступлении их в должности местными губернскими правлениями было определено, что «все сношения губернатора по тюремным делам должны исходить исключительно со скрепой губернской тюремной инспекции» [11,

с. 3]. О значении в системе управления местами лишения свободы тюремных инспекций свидетельствует выделение ГТУ для их деятельности значительных денежных средств. В 1913 г., признав необходимым учредить в штате Минской губернской тюремной инспекции сверхштатные должности делопроизводителя, его помощника и писцов, ГТУ дополнительно выделило для выплаты им годового жалования 3 600 рублей (299-2-15710, с. 3). Для оплаты помещения, нанимаемого Минской тюремной инспекцией у купца Рубинштейна, на год было выделено еще 1 000 рублей (229-2-15964, с. 169). В 1911 г. по ходатайству Витебской губернской тюремной инспекции дополнительно к трем имевшимся в инспекции должностям были введены должность секретного делопроизводителя, шесть должностей канцелярских чиновников и две должности машинисток, а для выплаты им годового жалования было выделено 2 664 рубля (2637-1-49, с. 12).

Основными функциями тюремных инспекторов являлись: контроль за деятельностью мест лишения свободы, сбор сведений об их деятельности для обобщения и последующей выработки ГТУ управленческих решений, разработка проектов законодательных актов, осуществление руководства тюремной администрацией в части исполнения управленческих решений ГТУ. В ходе проверки деятельности тюрем губернские тюремные инспекторы имели право контроля всего тюремного делопроизводства (казенных книг, денежной и кассовой отчетности, описей наличия тюремного имущества, жалоб осужденных и заявлений сотрудников тюрьмы). Инспекторам предоставлялось право свободного допуска во все части тюрьмы и беспрепятственного общения с осужденными [11, с. 3]. За ненадлежащее исполнение представителями тюремной администрации своих

обязанностей инспектор имел право объявлять им, устно или письменно, замечания и выговоры без внесения в их послужной список. Общее управление тюрьмами на местном уровне по-прежнему входило в обязанности губернатора. Однако в условиях осуществления губернатором управленческой деятельности, в основном не имеющей отношения к деятельности тюрем, тюремный инспектор, наделенный широкими управленческими полномочиями и наличием статуса советника губернатора, фактически становился во главе местного управления тюрьмами.

Непосредственное управление тюрьмами после тюремной реформы продолжало осуществляться смотрителями тюремных замков, с 1887 г. именовавшимися начальниками тюрем. Однако в полной мере, как и до реформы, осуществлять управление тюремной администрацией начальники тюрем не могли, так как надзор за осужденными наряду с тюремными надзирателями по-прежнему обеспечивался постами внутренней стражи. Для решения этой проблемы 9 февраля 1882 г. было утверждено мнение Государственного совета "Об усилении средств надзора в губернских тюремных замках", в соответствии с которым в 51 губернском тюремном замке учреждались 107 должностей старших надзирателей и 892 должности младших надзирателей с выделением из государственного казначейства на выплату им жалования 186 240 рублей. Численность надзирателей в тюремных замках определялась ГТУ из расчета один надзиратель на 20 арестантов [13, с. 36]. Старшие надзиратели контролировали несение службы младшими надзирателями, непосредственно наблюдающими за осужденными, а также исполняли хозяйственные обязанности продовольственных ключников, ключников по цейхгаузу либо заведующих рабо-

тами. По мере укомплектования должностей надзирателей до конца 1880-х гг. были упразднены военные караулы в Гродненской и Могилевской губерниях. Для укомплектования должностей надзирателей в уездных тюрьмах 25 ноября 1885 г. было утверждено мнение Государственного совета “О замене внутренних караульных постов в местах заключения вольнонаемными надзирателями”, в соответствии с которым для учреждения в уездных тюрьмах должностей тюремных надзирателей казначейством сверх ежегодно определяемых сумм было выделено 78 840 рублей. В результате общая численность тюремных надзирателей увеличилась с 4 478 человек в 1879 г. до 5 684 человек в 1886 г., а число осужденных, приходящихся на одного надзирателя, уменьшилось с 21 до 14 человек [13, с. 44].

В продолжение государственной политики по осуществлению централизации тюремного управления 15 июня 1887 г. было утверждено мнение Государственного совета “Об устройстве управления отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи”, в соответствии с которым для более эффективного управления в штат управления тюрьмами наряду с должностями начальников тюрем вводились должности помощников начальников, а в тюрьмах с отдельным содержанием женщин – должности смотрительниц женских отделений. Указанные должности предписывалось укомплектовать до 1 марта 1888 г., а в Гродненской и Минской губерниях – немедленно. Законом впервые определялись их общая численность, в количестве 250 человек, а также сумма подлежащего выплате им жалования, составлявшая 130 400 рублей. Штатная численность помощников начальника тюрем в пределах каждой губернии определялась губернатором. В губернских тюрьмах начальни-

ку тюрьмы по штату полагалось до пяти помощников (заведующий арестантскими работами, заведующий надзором, руководитель тюремной канцелярией, заведующий тюремным хозяйством). Однако в тюрьмах Российской империи зачастую утверждалась только одна должность заместителя, которой для эффективного управления было недостаточно. В 1903 г. начальник Гродненской тюрьмы обратился с просьбой к гродненскому губернатору о введении в штат тюрьмы должности второго помощника, которая удовлетворена так и не была в связи с нехваткой средств на выплату ему денежного содержания [9, с. 160]. С начала XX в. в связи с увеличением финансирования на содержание тюремной администрации увеличивалась и численность помощников начальников тюрем. В соответствии с Законом от 9 мая 1911 г. “Об установлении нового расписания должностей и окладов содержания начальников и помощников начальников тюрем” штатная численность помощников начальника тюрем составила 344 человека, или три помощника на одного начальника тюрьмы. [14, с. 8]. Соответственно, увеличилась численность тюремной администрации и на белорусских землях. В 1913 г. в Минской и Гродненских тюрьмах в штате тюремной администрации состояло три помощника начальника тюрьмы, в Могилевской и Витебской тюрьмах – по два помощника [15, с. 11]. Также должности помощников начальников тюрем, по одному помощнику на тюрьму, были укомплектованы в Вилейской и Ошмянской тюрьмах Виленской губернии, Струнской тюрьме Витебской губернии, Брестской тюрьме Гродненской губернии, а также Гомельской и Оршанской тюрьмах Могилевской губернии [16, с. 820].

Начальники тюрьмы и его помощники осуществляли управление тюремной администрацией, к которой,

в соответствии с Законом от 15 июня 1887 г., относились священники, дьяконы, псаломщики, врачи и фельдшера, а также тюремные надзиратели. Все они назначались на должности и увольнялись со службы начальником тюрьмы, а во время прохождения службы «находились в его полном подчинении». Осуществляя управленческие функции в отношении тюремной администрации, начальник тюрьмы за служебные проступки мог налагать на служащих замечания и выговоры, осуществлять удержания из жалования, перемещать их на нижестоящие должности, отстранять от должности и подвергать аресту на срок до семи дней. Для более эффективного управления тюремными надзирателями законом от 15 июня 1887 г. в тюрьмах для надзора за осужденными в женских отделениях вводились должности старших и младших надзирательниц. В том же году ГТУ определило численность надзирателей в тюремных замках из расчета один надзиратель на 10 арестантов [14, с. 18]. С начала XX в. в связи с увеличением ассигнований на содержание тюремной стражи численность надзирателей продолжала возрастать. В 1905 г. штатная численность тюремных надзирателей составляла 10 702 человека, в 1910 г. – 16 150 человек, а в 1912 г. составила 16 999 человек [18, с. 15]. Увеличилось количество тюремных надзирателей и на белорусских землях. В тюрьмах Минской губернии по состоянию на 1 января 1888 г. их насчитывалось 33 человека, в том числе в Минском тюремном замке – 12 человек, а на 1 января 1913 г. – 136 человек, в том числе в Минской тюрьме – 28 человек, из которых 3 должности были укомплектованы старшими надзирателями. В результате численность осужденных, приходящихся на одного надзирателя в тюрьмах Минской губернии, уменьшилась с 38 человек в 1879 г. до 12 человек в 1913 г. и приблизилась к

установленной норме, в то время как в среднем по Российской империи на одного надзирателя приходилось 11 арестантов [18, с. 50]. В количестве, достаточном для надлежащей охраны тюрем, были укомплектованы должности надзирателей и в Витебской губернии. В 1912 г. в шести тюрьмах, расположенных на белорусских землях Витебской губернии, несли службу 90 надзирателей, при этом на одного надзирателя приходилось 10 арестантов. В Витебской тюрьме служили 29 надзирателей и надзирательниц, из них – двое старших [15, с. 11]. Увеличилась численность надзирателей и в Гродненской тюрьме, которая в 1913 г. составляла 35 человек, в результате чего один надзиратель приходился на 10 арестантов [9, с. 244]. В итоге достаточное количество надзирателей в тюрьмах на белорусских землях в начале XX в. позволяло своевременно выполнять тюремной страже управленческие решения администрации тюрем.

Заключение

Таким образом, во второй половине XIX в. одновременно с формированием системы мест лишения свободы на белорусских землях происходило становление системы тюремного управления. К последней четверти XIX в. управление местами лишения свободы не обеспечивало должного функционирования карательного аппарата Российской империи в связи с отсутствием в системе МВД органов, специально предназначенных для управления тюрьмами и контроля за их деятельностью, и наличием управленческих полномочий у органов и учреждений, не входящих в структуру управления пенитенциарной системой. Непосредственное управление тюрьмами было неэффективным в связи с отсутствием у начальников тюрем заместителей

и продолжением несения службы в тюрьмах военными караульными постами. Несовершенство управления пенитенциарной системы, проявившейся одновременно с обострением социально-политической обстановки в Российской империи, обусловило проведение с 1879 г. до начала XX в. тюремной реформы, началом которой стало учреждение в составе МВД центрального органа управления местами лишения свободы – Главного тюремного управления. На белорусских землях реформирование тюремного управления началось в 1911 г. с учреждения в составе губернских правлений структурных подразделений ГТУ – губернских тюремных инспекций. Также в ходе тюремной реформы в тюрьмах на белорусских землях до конца XIX в. были окончательно упразднены военные караулы и укомплектованы должности как помощников начальников тюрем, так и тюремных надзирателей в количестве, необходимом для эффективной управленческой деятельности тюремной администрации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Познышев, С. В.** Тюремное управление / С. В. Познышев // Тюремный вестник. – 1914. – № 6. – С. 1468–1505.
2. Об учреждении тюремных инспекций // Тюремный вестник. – 1909. – № 2. – С. 286–287.
3. **Гернет, М. Н.** История царской тюрьмы : в 5 т. / М. Н. Гернет. – Москва : Госюриздат, 1961. – Т. 2. – 582 с.
4. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 36019.
5. НИАБ. – Ф. 2648. Оп. 1. Д. 2.
6. НИАБ. – Ф. 29. Оп. 1. Д. 399.
7. Краткий очерк деятельности Главного тюремного управления за первые XXXV лет его существования // Тюремный вестник. – 1914. – № 2. – С. 300–402.
8. НИАБ. – Ф. 29. Оп. 1. Д. 417.
9. **Лисицын, В. М.** За тюремной стеной: история Гродненской тюрьмы (XIX век – 1939) / В. М. Лисицын. – Гродно : ГОУПП “Гродненская типография”, 2003. – 352 с.
10. НИАБ. – Ф. 299. Оп. 1. Д. 332.
11. НИАБ. – Ф. 299. Оп. 2. Д. 15710.
12. НИАБ. – Ф. 2637. Оп. 1. Д. 49.
13. Обзор десятилетней деятельности Главного тюремного управления: 1879–1889 гг. – СПб. : Тип. Министерства внутренних дел, 1890. – 115 с.
14. Отчет по Главному тюремному управлению за 1911 г. // Тюремный вестник. – 1913. – № 4. – С. 8–27.
15. НИАБ. – Ф. 2637. Оп. 1. Д. 35.
16. Личный состав служащих по тюремному ведомству за 1911 г. // Тюремный вестник. – 1911. – № 6. – С. 818–840.
17. Отчет по Главному тюремному управлению за 1912 г. // Тюремный вестник. – 1914. – № 6. – С. 1–18.
18. НИАБ. – Ф. 299. Оп. 2. Д. 15964.

Поступила в редакцию 02.11.2018 г.
Контакты + 375 44 709-15-39
(Чайкин Сергей Николаевич)

Chaikin, S. THE DEVELOPMENT OF PRISON ADMINISTRATION SYSTEM IN THE BELARUSIAN LANDS IN THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY.

Based on the study of archival data the formation of prison administration system in the Belarusian lands in the second half of the XIX – beginning of the XX centuries is examined. The pattern of its development, common both for the Belarusian lands and the Russian Empire, the establishment of the local prison administration, and the process of the centralization of the prison administration by the General Directorate of the Corps of Prison and in the Belarusian lands by County prison inspections, are determined. The importance of the Prison Reform of 1879 for the development of prison administration system in the Belarusian lands is appreciated.

Keywords: Russian Empire, warden of prison castle, prison guard, county prison inspector, the Prison Reform of 1879, the General Directorate of the Corps of Prison, County prison inspection.

УДК 94(32)

ЗАРОЖДЕНИЕ КУЛЬТА ОБЕЛИСКОВ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

А. А. Спартак

магистр исторических наук,
соискатель степени кандидата
исторических наук
Белорусский государственный
университет

Статья посвящена рассмотрению проблемы зарождения культа обелисков в Древнем Египте. Исследование базируется на имеющихся в распоряжении египтологов археологических памятниках и памятниках древнеегипетской эпиграфики (на языке оригинала). Основным выводом исследования является заключение о том, что обелиски солярных храмов Древнего царства и обелиски гробниц, несмотря на подобие формы, имели изначально различное предназначение и являлись элементами различных культов. Обелиски солярных храмов определенно были элементами соляного культа гелиопольского бога Ра, в то время как обелиски гробниц были элементами заупокойного культа представителей царского рода, на основании чего делается вывод о том, что в период Среднего царства при Сенусерте I, по известным данным, происходит объединение двух культов и обелиски приобретают совершенно новое значение.

Ключевые слова: обелиск, Древнее царство, солярный культ, солярный храм, заупокойный культ.

Введение

Несмотря на стремительное развитие египтологии в последние десятилетия, наличие существенного объема как археологического, так и текстового материала, до сих пор остается нерешенным вопрос о культовом назначении древнеегипетских обелисков, достоверно не определе-

но, с чем связана их установка. Данная проблема связана с несколькими причинами:

- Во-первых, с наличием большого количества несистематизированных артефактов. На сегодняшний день существуют лишь отдельные собрания египетских текстов, составленные по хронологическому принципу (династиям либо царям), включающие в себя надписи на обелисках. Не существует единого каталога всех известных на сегодня текстов надписей на обелисках. Это связано как с широким географическим, так и временным разбросом артефактов.

- Во-вторых, известные иероглифические тексты надписей на обелисках порой разнятся в написании у различных авторов (многие надписи на самих обелисках при этом повреждены, и нет возможности на сегодняшний день их сопоставить). У различных авторов разнятся не только иероглифические тексты, но и их переводы на современные языки.

- В-третьих, историография обелисков огромна и включает в себя разновременные работы, написанные на различных языках, что представляет значительные трудности для узкоспециализированных исследователей-египтологов.

Проблема понимания обелисков также связана, на наш взгляд, с обилием в материальной культуре Древнего Египта, а также иных регионов Востока различных обелископодобных артефактов. Достаточно тяжело провести классификацию всех находок и отнести те или иные обелископодобные памятники и формы к разряду обелисков. Особенно остро эта проблема возникает при работе с археологическими памятниками, относящимися к периоду Древнего царства.

Основная часть

Время появления обелисков точно неизвестно. Согласно источникам первые обелиски, имеющие сходство с классическими, фиксируются во времена Древнего царства в период правления IV–VI династий (XXVI–XXII вв. до н.э.) [1, р. 490–491].

Как известно, к этому периоду относится появление так называемых солярных храмов, центральными объектами которых были, как считается, обелиски. Однако если своей формой они и напоминают более поздние классические обелиски, то по составу и размерам они не соотносятся с ними никак. К тому же нет сведений о том, что они имели какие-либо надписи.

Первым царем, построившим подобный храм, согласно Я. Малеку, был Усеркаф (XXV в. до н.э.), V династия [2, с. 108]. Согласно титулам жрецов известны солярные храмы царей Сахура, Неферирикара I, Неферерефа (Ранеферерефа), Ниусерра и Менкаухора. Но локализованы и раскопаны только храмы Усеркафа и Ниусерра [3, р. 154].

Первый солнечный храм царя Усеркафа носил имя Nhn-Ra “крепость Ра” [4, р. 85]. Он был найден К.Р. Лепсиусом еще в 1842 г., однако не был идентифицирован как солярный храм (из-за плохой сохранности исследователь предположил, что это руины комплекса пирамид). Раскопки же храма были проведены Л. Борхардом в начале XX в., а позже, в 50-х гг., Г. Рике. Энциклопедия археологии Египта отмечает, что при всей экономической мощи солярных храмов отдельного термина для его обозначения не засвидетельствовано [4, р. 85]. Храм был найден сильно разрушенным. Есть мнение, что обелиск в храм был добавлен не Усеркафом, а царем Ниусерром.

Известно название солнечного храма Ниусерра – Šsp-ib-R’ “любимое место Ра” [3, р. 154]

Обелиск храма Ниусерра в Абу Гураб (на берегу озера Абусира) известен лишь по упоминаниям и описаниям из текстов. Он имел колоссальные размеры и скорее представлял из себя отдельное здание, нежели элемент архитектуры в сравнении с более поздними обелисками и обелисками гробниц. Высота его современными исследователями оценивается около 35 м. Он был составлен из блоков известняка неправильной формы и сверху облицован [4, р. 86].

Неизвестно, какая взаимосвязь была между небольшими по размерам обелисками гробниц и масштабными обелисками первых солярных храмов. Однако определенно связь между ними существует, хотя бы на основании того, что они имеют подобную форму. В то же время нельзя говорить о том, что гигантские обелиски первых солярных храмов стали прообразом обелисков гробниц. Это были элементы двух различных по своему происхождению культов – погребального культа предков и культа бога солнца Ра, и они существовали в некоторой степени независимо друг от друга.

Самые древние сохранившиеся обелиски классической формы относятся к периоду Древнего царства, времени правления V династии (XXV–XIV вв. до н.э.) [1, р. 491].

Самый древний надписанный обелиск принадлежит царю Тети (около 2305–2279⁺²⁵ гг. до н. э.) [1, р. 491], первый из VI династии) согласно Л. Хабаши [5, р. 43]. Обелиск содержит имя *Hr*, имя *nswt-bit*, имя *nbty* обрывается. Очевидно, обелиск имел продолжение. Согласно Лабибу Хабаши, этот обелиск был порядка 3 м в высоту [5, р. 42]. Найден он был в 1970 г. в пригороде Каира в г. Айн-Шамс (древний Гелиополь). Примечательно, что в городе есть университет, герб которого представляет собой обелиск с двумя Хорами по бокам.

Этот же обелиск является самым древним царским обелиском. Сейчас обелиск находится в пригороде Каира (район Эль-Матарейя). Материал, из которого сделан обелиск, – кварцит, разновидность песчаника. Кварцит мог быть белым, желтым или красноватых оттенков. А. Лукас отмечал, что в качестве строительного материала кварцит использовался редко. Это пороги нескольких дверей в храме при пирамиде Тети в Саккаре, облицовка погребальных камер в Хаварской пирамиде, в северной и южной пирамидах в Мазгуне [6, с. 68]. Известно несколько мест добычи кварцита: в Джебель Ахмаре, к северо-востоку от Каира, на восточном берегу Нила к северу от Ассуана и на Синае. Кварцит – самый прочный камень в Египте. Как известно, классические обелиски в подавляющем большинстве изготавливались из розового гранита (сиенита), в греческом варианте – *πυρροπόικιλος* – “огненнопестрый” [Plin. Nat. 36.64].

Изображение же обелиска впервые, согласно известным текстам, фиксируется в период правления IV династии (XXVI–XXV вв. до н.э.) [1, р. 491] в надписях восточных гробниц Плато Гизы, относящихся к пирамиде Хуфу “*wr mAt Abw xwfw nTr Hm*” [Lepsi, Denkm, Abth. II. Bd. 3 Bl. 22] “большой обелиск из красного гранита Элефантины царя Хуфу, божественного господина”, где *mAt Abw* – “обелиск из красного гранита Элефантины”, или “обелиск из сиенита”.

К периоду правления VI династии относится первая фонетическая запись “*txn*” – в надписи управляющего Ассуанским районом Сабни при правлении Пепи II, открытая Л. Хабаши. Надпись свидетельствует о том, что обелиски изготавливались в Ассуане, причем в надписи фигурирует именно пара обелисков *txnwu* (дв. число) [5, р. 41]. Также есть упоминание *txnwu*

в одной из надписей погребального комплекса пирамид Пепи I [4, р. 41].

Также были найдены обелиски, относящиеся к периоду правления V династии, которые имели небольшие размеры, были сделаны из известняка и располагались возле входов в гробницы представителей царского рода. На данный момент один из них находится в Берлинском музее (около 0,5 м высотой).

Кроме того, известны обелиски цариц из заупокойных храмов в Саккаре. В 2017 г. был найден обелиск царицы Анхесенпепи II, матери царя Пепи II (VI династия).

Помимо этого, в некоторых гробницах были обнаружены изображения обелисков среди сцен, показывающих участие владельца гробницы в его ритуальном шествии к Богини Запада Аментет. Также в некоторых гробницах были обнаружены маленькие деревянные обелископодобные предметы, которые хранились вместе со статуэтками ушебти.

Таким образом, обелиски солярных храмов V династии и обелиски гробниц, по своей сути были элементами заупокойного культа. Обелиски солярных храмов были элементами заупокойного культа гелиопольского бога Ра и одновременно прижизненного культа “живого” царя, а обелиски гробниц были элементами погребального культа представителей царского рода.

С периода Древнего царства по период Среднего царства нет никаких данных о существовании культа обелисков. Вероятно, это связано с отсутствием ресурсов на их возведение, поскольку известно, что Египет в этот период переживает кризис, связанный с децентрализацией власти, повлекшей за собой проблемы ирригации и, соответственно, продовольственный кризис [7, р. 119–120].

Возобновление строительства обелисков происходит, согласно из-

вестным данным, в период правления Сенусерта I (1920–1875⁶) [1, p. 491].

К.Р. Лепсиусом был обнаружен обелиск нетрадиционной формы с округлым навершием в районе Меридова озера, современный Бегиг (древний Sdt, греческий Κροκοδείλων πτόλις) [Leps, Denkm, Abth. II. Bl. 119]. Сейчас находится на площади в г. Эль-Файюм. Надписи сильно повреждены, однако они сохранились в автографиях Лепсиуса. На широкой части обелиска были выгравированы сцены подношений различным богам Египта. Царь в Красной короне Нижнего Египта и царь в Белой короне Верхнего Египта совершает подношения богам египетского Пантеона.

По сохранившимся надписям на узких частях обелиска можно понять, что он посвящался богу Монту (царь назван MnTw mri “любимый богом Монту”) и богу Птаху (PtH rswt mri “возлюбленный Птаху, того, который за южной стеной”).

У. Бадж не относил данный памятник к разряду обелисков в связи с его формой. Безусловно, его нельзя рассматривать с точки зрения культового объекта солярного храма. Он не имеет посвящения божественному предку царской династии – Ра. Мы можем лишь предполагать, что при Сенусерте I, учитывая его активную строительную деятельность, предпринималась попытка применения обелископодобной формы в качестве памятника, не относящегося к солярному культу. Определенно памятник являлся подношением богам, использовался для запечатления царской титулатуры.

Ко времени правления Сенусерта I относится первый классический обелиск из Гелиополя, ныне находящийся в Каире. Надписи на обелиске не сообщают нам никакой информации о времени и месте его возведения, за исключением того, что обелиск

устанавливается по случаю хеб-седа царя. Они содержат исключительно царскую титулатуру. На всех 4 сторонах обелиска надписи идентичны.

jr anx mstw nsw-bit xpr-kA-ra nbtu
anx mstw sA ra wsrtsn bAw iwnw mry
anx Dt nTr nfr xpr-kA-ra /// sp Hb-sd ir.f
di anx Dt

Хор — жить рожденный, Царь Верхнего и Нижнего Египта, Хеперкара¹, Обе Владычицы — жить рожденный, Сын Ра – Сенусерт², тот, кого любят ба³души Иуну⁴, тот, кто живет вечно. Жить рожденный Хор Золотой плотью, живой бог, Хеперкара, во время хеб-седа делает он (это)⁵, тот, кому дано жить вечно [Обелиск Сенусерта I, Эль-Матарейя, Каир, Египет].

Учитывая тот факт, что именно ко времени правления Сенусерта I относится первая полная фиксация царской титулатуры, совершенно не удивительно, что она была выписана на обелиске (как и на многих других памятниках архитектуры) [8, p. 76].

Арабские средневековые хроники сохранили повествование о том, что изначально обелиски Гелиополя были парные. Кроме того, они имели медные навершия. Об этом упоминает в своих записях выдающийся ученый и врач, работавший в университете Каира при Айюбидах (XIII в.), Абд аль-Латиф. Он посещал Египет примерно в начале 1200 г., потому что в своем труде он описал, как своими глазами видел последствия потопа вследствие разлива Нила (возможно, ученый посещал Египет и позднее). В XIX в. французским исследователем Сильвестром де Сасси был сделан перевод хроники на французский язык [9].

¹ Тронное имя Сенусерта I.

² Др.-егип. – “человек богини Усерт”.

³ Понятие, обозначающее глубинную сущность и жизненную энергию человека, города.

⁴ Гелиополь.

⁵ Установку обелисков.

Абд аль-Латиф писал о том, что видел пару обелисков, один из которых лежал на земле, был разломан на несколько частей и с него было снято медное навершие, но остались следы его наличия, второй же обелиск имел медное навершие, которое в процессе окисления приобрело зеленоватый оттенок [9, p. 225]. Кроме того, ученый пишет, что рядом находится достаточно большое количество обломков других обелисков.

Датский ученый Э. Иверсен, рассматривая развитие культа обелисков с периода зарождения солярного культа и представлений о сотворении мира солярным богом Атумом-Ра до времен римского правления, заключил, что обелиски, без сомнения, являлись прообразом вознесенного над землей холма $\text{b}^{\text{p}}\text{b}^{\text{p}}$ (что, в свою очередь, отмечал еще У. Бадж [10]. Иверсен выдвинул идею о том, что основной функцией обелисков было обеспечение бессмертия имени-души m автора установки обелиска и его предка. Таким образом, обелиск, увенчанный золотым пирамидионом, по Иверсену, нес функцию оживления имени царя, поскольку освещаемый солнцем пирамидион отражал солнечные лучи, наполнял солнечным светом пространство вокруг и как бы улавливал и передавал камню солнечное тепло, этим самым оживляя имя-душу m , начертанное на обелиске [11, p. 17].

Древнеегипетское общество, традиционно рассматриваемое как общество, основанное на религиозных принципах, первоочередную роль отводило именно религиозному культу. А основной задачей религиозного культа было обеспечение бессмертия или непрерывности жизненных циклов человека, государства, царя. Вся жизнь древнего египтянина кажется проникнутой идеей о том, что жизнь должна быть продолжена после смер-

ти, но для этого нужны определенные действия и ритуалы живущих. Поэтому погребальному культу уделялось особое внимание. Личность человека древним египтянином рассматривалась как целое, состоящее из нескольких сущностей: тело, душа Ба, двойник Ка, тень и имя m [12]. Отсюда стремление сохранить не только тело, но и все остальные сущности, в том числе и имя.

Заключение

Таким образом, в отличие от обелисков Древнего царства, обелиски Среднего царства имели металлические навершия, надписи, устанавливались парами в храмах культа солнца. Откуда следует, что именно в период Среднего царства формируется культ классических обелисков и начинается история классических обелисков, которые в противоположность обелискам более раннего периода не имели прямого отношения к погребальному культу и не устанавливались в гробницах. А одной из отличительных функций было запечатление имени на обелиске с целью его сохранения.

Также очевидно, что в период Среднего царства, при Сенусерте I, происходит объединение двух культов и обелиски приобретают совершенно новое значение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ancient Egyptian Chronology / Edited by Erik Hornung, Rolf Krauss and David A. Warburton. – Leiden, Boston, Köln : Brill, 2006. – 517 p. – (Handbook of Oriental Studies. Section 1 The Near and Middle East, Volume: 83)
2. **Malek, J.** Sun-Temples and the Ascendancy of the God Ra / J. Malek // The Oxford History of Ancient Egypt / ed. by I. Shaw. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2000. – P. 108–109.

3. Cultural Atlas of Ancient Egypt / by John Baines and Jaromír Málek. – Rev. ed. Checkmark Books, 2000. – 240 p.
 4. **Goelet, Ogden.** Abu Gurab / Goelet // Encyclopedia of the archaeology of ancient Egypt / Goelet Ogden / ed.: Kathryn A. Bard, Stephen Blake Shubert. – London ; New York : Routledge, 1999. – P. 85–87.
 5. **Habachi, L.** The obelisks of Egypt: skyscrapers of the past / L. Habachi. – Cairo, Egypt : American University in Cairo Press, 1984. – 203 p.
 6. **Лукас, А.** Материалы и ремесленные производства Древнего Египта / А. Лукас. – Москва : Рипол Классик, 1958. – 441 с.
 7. The Oxford History of Ancient Egypt / ed. by I. Shaw. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 512 p.
 8. **Ronald, J. Leprohon.** The Great Name: Ancient Egyptian Royal Titulary / Leprohon Ronald J. – Society of Biblical Lit, Atlanta, 2013 г. – 280 p.
 9. Abd al-Laīf al-Badādī. Relation de l’Egypte par Abd-Allatif, medecin arabe de Bagdad. Silvestre de Sacy. Paris. Treuttel et Würtz, 1810. – 752 p.
 10. **Budge, Wallis E. A.** Cleopatra’s needles and other Egyptian obelisks / Wallis E. A. Budge. – London, 1926. – 368 p.
 11. **Iversen, E.** Obelisks in exile. Vol. I: The obelisks of Rome. Vol. II: The obelisks of Istanbul and England / E. Iversen. – Copenhagen, 1968–72. – 168 p.
 12. Древнеегипетская “Книга Мертвых” // Вопросы истории ; пер. с др.-егип., введение и комментарии М. А. Чегодаева. – 1994. – № 8. – С. 4.
- Список условных сокращений.**
Leps, Denkm – Lepsius C. R. Denkmäler aus Aegypten und Aethiopen. Berlin, 1849 – 1859.
Plin. Nat – Pliny the Elder, Naturalis Historia.
- Поступила в редакцию 05.09.2018 г.
Контакты: spartak@bsu.by
(Спартак Алла Александровна)
- Spartak A. OBELISK CULT INCIPIENCE IN ANCIENT EGYPT.**
The article is devoted to the problem of obelisk cult in Ancient Egypt. The study is based on the available for Egyptologists archaeological sites and monuments of ancient Egyptian epigraphy (in the original language). The author concludes that despite the similarity of form obelisks of solar temples of the Old Kingdom and tomb obelisks had different purposes and were elements of different cults. Obelisks of solar temples of the Old Kingdom were definitely the elements of the solar cult of Heliopolitan god Ra, while tomb obelisks were the elements of the funeral cult of the royal family. Thus during the Middle Kingdom during the reign of Senusret I there existed a union of two cults and obelisks acquired a completely new meaning.
- Keywords:** obelisk, the Old Kingdom, solar cult, solar temple, funeral cult.

УДК 94(476) "1906/1913"

ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ: СОЦИАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Н. А. Шемплехова

аспирант

Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова

В данной статье рассматривается избирательная кампания в Государственный Совет на территории белорусских губерний. Проводится подробный анализ социального, возрастного и образовательного ценза кандидатов в верхнюю палату. В статье представлены источники, основанные на архивных материалах – списках лиц, имевших право избрания в Государственный Совет. Кроме того, в статье анализируются различные виды документов, в том числе жалобы на нарушения в процессе выборного производства.

Ключевые слова: Государственный Совет, избирательная кампания, белорусские губернии, В.П. Войнич-Сяноженский.

Введение

Исследование выборов представителей белорусских губерний в Государственный Совет Российской империи позволяет провести мониторинг выборщиков. Оценить их социальное происхождение, имущественное положение, возраст и образовательный ценз. Такие данные доступны в основном благодаря архивным документам, к которым относятся материалы о выборах в Государственный Совет от белорусских губерний. Наиболее значимую и конкретную информацию можно почерпнуть из списков лиц, имеющих право быть избранными в состав верхней палаты. Их изучение позволяет сопоставить данные по кандидатам и членам Государствен-

ного Совета, которые избираются или переизбираются в Госсовет, а также уточнить информацию, касающуюся характеристики выборных членов. Кроме того, большую часть сведений о функционировании выборов дают материалы, связанные с законами и распоряжениями правительства. Благодаря им можно уточнить условия проведения выборов и изучить постановления о переустройстве Государственного Совета. В целом данные о выборах дают возможность отслеживать деятельность членов Государственного Совета, не упуская важные детали, связанные с их законодательской деятельностью.

Основная часть

Первая избирательная кампания в Государственный Совет проходила с 16 марта по 26 мая 1906 г. Основные положения о выборах в верхнюю палату были изложены в именном высочайшем указе от 21 февраля 1906 г. (статья 198 "О переустройстве учреждения Государственного совета"). Согласно указу члены Госсовета избирались сроком на девять лет при условии, что каждые три года одна треть каждого разряда из его состава выбывает в очередном порядке [1, л. 58]. Избрание членов производилось надлежащими съездами под председательством специально выбранных лиц. В состав Госсовета не могли быть избраны следующие лица: граждане, не достигшие сорокалетнего возраста; не окончившие хотя бы курс в высшем учебном заведении или не выдержавшие соответствующего испытания; иностранцы [1, л. 58–59]. Запрещалось одновременно быть членом Государственного Совета и Государственной Думы. В выборах не принимали участие губернаторы, вице-губернаторы, градоначальники и их помощники, работники полиции. На людей, имевших воинское звание, этот запрет не распространялся [2, с. 8].

В соответствии с данным указом выборы проходили путем закрытого голосования посредством баллотировки шарами или с помощью записок [1, л. 59].

В связи с нарушением проведения выборов в течение трех дней могла подаваться жалоба на имя Государственного Совета [1, л. 59].

Списки лиц, имеющих право быть избранными в состав верхней палаты, составлялись уездными земскими управами. Далее информация поступала губернатору и впоследствии публиковалась в местных ведомостях не позднее двухнедельного срока до начала выборов. Постановления губернской комиссии, касающиеся выборов, являлись окончательными и обжалованию не подлежали [1, л. 61].

Также члены Государственного Совета по выборам в течение сессии получали суточное жалование из казны в размере 25 рублей. Помимо этого представителям верхней палаты раз в год возмещались путевые издержки – в размере 5 копеек за версту от места жительства до Санкт-Петербурга. Член верхней палаты по выборам обходился казне примерно в 6,5 тыс. руб. Вся выборная часть Совета – примерно в 650 тыс. руб. [3, с. 98]. Члены Госсвета при вступлении в его состав приносили присягу по специально установленной форме [1, л. 59].

В соответствии с вышеуказанными правилами нередким явлением в ходе выборов членов Государственного Совета являлось рассмотрение жалоб о нарушениях выборного производства. Например, наиболее типичными были жалобы, связанные с исключением из списков лиц, имеющих право быть избранными в Госсвет. Одна из подобных жалоб поступила от землевладельца Витебской губернии В. Коссова [4, л. 1]. Его исключили из списков ввиду отсутствия информации о возрасте и образовании. Витебская уездная комиссия по

делам о выборах в Государственную Думу просила предоставить сведения для разрешения возникших проблем. В дальнейшем все необходимые данные были переданы Витебскому городскому полицейскому управлению. По окончании всех процедур В. Коссов был включен в список землевладельцев Витебского уезда, имеющих право быть избранными в члены Госсвета [4, л. 2].

Граф Г.Х. Броэль-Плятер направил жалобу об исключении его из списков кандидатов в члены Госсвета по Двинскому уезду [4, л. 1–2]. Он не был допущен к выборам в связи с тем, что действовал по доверенности своей жены графини М.Э. Броэль-Плятер. Она, владея полным избирательным цензом, могла принять участие в выборах только при помощи своего мужа или сына. Граф выступал против ограничительного закона “непосредственного голоса” и просил дать распоряжение уездной комиссии по выборам в Государственную Думу об исправлении составленного списка и внесении его в список избираемых в Государственный Совет [5, л. 1–2]. В процессе рассмотрения данного вопроса Витебской губернской комиссией по выборам в Государственную Думу было принято решение (согласно указу от 20 февраля 1906 г.) “О переустройстве учреждения Государственного совета” оставить без удовлетворения просьбы заявителя, так как мужа и сыновья не могли пользоваться правом избираться в Госсвет по доверенностям от женского лица [5, л. 2].

Помимо дел по жалобам, которые позволяют на конкретных примерах рассмотреть условия участия в выборах, более подробный анализ избираемых членов Государственного Совета можно сделать на основании списков лиц, имеющих право быть избранными в состав верхней палаты. Их изучение дает возможность исследовать

довать социальное происхождение и имущественное положение, вероисповедание, возраст и национальность предполагаемых членов верхней палаты.

Такие данные отражены в выше-названных списках по Гродненской губернии. 2 марта 1906 г. Кобринской уездной комиссией по делам о выборах в Государственную Думу были рассмотрены избирательные списки. В результате было принято решение об их утверждении и передаче гродненскому губернатору [6, л. 2]. Согласно списку Кобринской уездной комиссии лиц, имеющих право быть избранными в члены Государственного Совета по *Кобринскому уезду*, насчитывалось 11 человек. Их возрастной ценз был следующим: от 50 лет до 71 года. В соответствии с образованием 3 человека окончили гимназию, 2 человека – институт, 1 человек – кадетский корпус, 4 человека – университет, 1 человек – курс реального училища [6, л. 7–8]. Размеры их владений в десятинах распределились следующим образом: 2 человека – от 700 до 800 десятин, 6 человек – от 900 до 1000 десятин, по одному человеку – от 2000 до 4000 тысяч десятин [6, л. 8].

Кроме Кобринского уезда, были предоставлены списки лиц, имеющих право участия в выборах членов Госсовета, от следующих уездов Гродненской губернии:

Сокольский уезд (всего 16 человек). Количество земли: от 200-400 десятин – 10 человек, от 500-700 – 4 человека, от 800-1000 – 2 человека [6, л. 13].

Брестский уезд (всего 52 человека). Количество земли: от 200-400 десятин – 21 человек, от 500-700 – 15 человек, от 800-1000 – 8 человек, от 2000-4000 – 6 человек, от 5000-6000 – 2 человека [6, л. 13].

Волковысский уезд (всего 57 человек). Количество земли: от 200 до 400 десятин – 29 человек, от 500 до 700 –

7 человек, от 800 до 1000 – 17 человек, от 2000-4000 тысяч – 2 человека, от 5000-8000 – 2 человека [6, л. 13].

Пружанский уезд (всего 33 человека). Количество земли: от 200-400 десятин – 11 человек, от 500-700 – 10 человек, от 800-1000 – 10 человек, от 2000-4000 – 2 человека [6, л. 13].

Белостокский уезд (всего 28 человек). Количество земли: от 200-400 десятин – 13 человек, от 500-700 – 5 человек, от 800-1000 – 8 человек, от 5000-6000 – 2 человека [6, л. 13].

Кобринский уезд (всего 68 человек). Количество земли: от 200-400 десятин – 29 человек, от 500-700 – 16 человек, от 800-1000 – 15 человек, от 2000-4000 – 7 человек, от 8000-10000 – 1 человек [6, л. 4 л. 13].

Гродненский уезд (всего 52 человека). Количество земли: от 200-400 десятин – 21 человек; от 500-700 – 13 человек, от 800-1000 – 14 человек, от 2000-5000 – 4 человека [4, л. 13].

Данных по возрасту, образованию и вероисповеданию нет ни в одном из указанных уездов по Гродненской губернии [6, л. 13].

В Государственный Совет I созыва от белорусских губерний были избраны: И.О. Корвин-Милевский – от Виленской губернии (имел в собственности 4600 десятин и винокурный завод в Виленской губернии); Г.В. Выковский, владелец 1423 десятин, – от Могилевской губернии; С.И. Лопацинский – от Витебской губернии (владел родовым имением в 10000 десятин в Витебской губернии) [7].

Помимо данных о лицах, имеющих право быть избранными в состав верхней палаты по Гродненской губернии, есть подробные сведения о претендентах, имеющих право быть избранными в Госсовет на территории других белорусских губерний. Например, на основе списков лиц, имеющих право быть избранными в члены Гос-

совета от Минского губернского земского собрания, можно сделать следующие выводы: по *Минскому уезду* за 1913 г. было включено в список 4 человека в возрасте от 45 до 58 лет. Все четверо по национальности являлись поляками, по вероисповеданию – католиками. Двое из четверых окончили гимназию, один – реальное училище. Еще один – институт. Владели разным количеством земли (в десятинах). Двое были владельцами более 600 и 700 десятин, еще двое – более 3000 десятин [4].

Кроме того, имеются списки лиц, имеющих право быть избранными в Государственный Совет от Могилевской губернии в 1913 г.

От *Быховского уезда* были включены в список 18 человек в возрасте от 41 до 62 лет. По национальности и вероисповеданию данных нет. Из всех представленных в списке гимназию окончили два человека, институт – три. Еще 7 человек – университет. 4 человека – окончили училище. Один человек выдержал испытание в сельскохозяйственном корпусе. Один – окончил академию. Один человек имел землю в количестве свыше 400 десятин. Четыре человека владели имуществом от 500 десятин. Два – от 600 десятин. Один человек – от 700 десятин и еще один – от 800 десятин. Три человека – от 1000 десятин. Два человека – от 2000 десятин. 1 человек – от 3000 десятин. Два человека – от 4000 десятин. Один человек был владельцем земли в размере от 16000 десятин [8, л. 15].

От *Гомельского уезда* в списках имеющих права быть избранными в состав Государственного совета фигурировало 14 человек в возрасте от 40 до 82 лет. По национальности и вероисповеданию данных нет. Из 14 человек 6 окончили университет. Три человека окончили институт. Два человека – гимназию. Один человек окончил – среднее учебное заведение

(точных данных нет). Один человек окончил училище и еще один – кадетский корпус.

Данные по имущественному цензу следующие: три человека – от 400 десятин, один человек – от 700 десятин. Один человек – от 900 десятин. Пять человек – от 1000 десятин. Два человека – от 2000 десятин. Также два человека от 3000 десятин [8, л. 15].

По *Горецкому уезду* в списках состояло 7 человек в возрасте от 42 до 83 лет. По национальности и вероисповеданию данных нет. Образовательный ценз: три человека окончили училище, один человек окончил кадетский корпус. Один человек окончил университет, двое являлись выпускниками академий. Один человек имел землю в количестве более 500 десятин, один – 600 десятин и один 700. У двух человек в пользовании было свыше 1000 десятин земли, еще у двух – более 2000 десятин [8, л. 15].

От *Климовичского уезда* в списках было представлено 12 человек. Все они были старше 40 лет. Четыре человека из 12 окончили училище. Один человек – лицей. 6 человек получили образование в университете, один – окончил гимназию. Также один человек имел в собственности более 400 десятин, один – более 500 десятин. Еще три – более 600 десятин. Один человек распоряжался более 700 десятинами. Четыре человека имели более 1000 десятин. По одному человеку из представленных в списке имели более 2000 и 3000 десятин [8, л. 15].

По *Могилевскому уезду* в списках насчитывалось 10 человек от 44 до 74 лет. Два человека из них окончили училище, четыре человека – университет, еще два – гимназию. Один представитель из списка был выпускником семинарии. Еще один прошел обучение в институте. Имущественное положение по вышеперечисленным представителям было такое: два

человека были собственниками земли свыше 300 десятин. Еще два – более 400 десятин. Два человека имели более 500 десятин и еще четыре – более 1000 [8, л. 15].

По *Мстиславскому уезду* было представлено 10 человек в возрасте от 41 до 73 лет. Один человек из десяти окончил училище. Четыре человека окончили университет. Один человек был выпускником института, один получил образование в кадетском корпусе. Еще два человека окончили гимназию. Один окончил среднее учебное заведение (точных данных нет). Данные по имущественному цензу следующие: три человека владели землей более 400 десятин. Два – более 500 десятин. Еще два – более 700. Два – более 1000 десятин. Один человек – более 5000 десятин [8, л. 15].

По *Оршанскому уезду* было отмечено 23 человека в возрасте от 45 до 82 лет. Из них 15 человек получили высшее образование. 8 человек – среднее. Один человек имел землю – от 300 десятин. Два человека – более 500 десятин. Два человека – от 600 десятин. Один человек – от 700 десятин. Три человека – от 800 десятин. Семь человек – от 1000 десятин. 3 человека – от 2000 десятин. Два человека – от 3000 десятин. Один человек – от 4000 десятин. Один человек – от 6000 десятин [8, л. 15].

По *Рогачевскому уезду* в списки было внесено 19 человек в возрасте от 42 до 72 лет. Пять человек окончили университет. Три человека – институт. Три человека – училище. Два человека – лицей. Один человек – Пажеский корпус, один человек – кадетский. Еще один – лицей. Также один человек получил образование в гимназии. Два человека получили среднее образование (без уточнения). Трех человекам принадлежало более 400 десятин. Одному человеку – более 600 десятин. Одному – более 700 десятин. Одному – более 900 десятин. Трех – более 1000

десятин. Также трем – более 2000 десятин. Четырем – более 3000 десятин. Двум человекам – более 4000 десятин. Одному человеку – более 9000 десятин [8, л. 15].

Одним из наиболее активных представителей, который избирался от Могилевской губернии, был В.П. Войнич-Сяноженский. Он был избран в состав Государственного Совета в 1907 г. Благодаря архивным данным можно отследить его возрастной, образовательный и имущественный цензы в период выборов. Так, в 1913 г. Владислав Платонович входил в списки лиц, имеющих право быть избранными в состав Государственного Совета. На момент подачи сведений ему было 54 года, образование он получил в университете и владел землей в количестве выше 3000 десятин [8, л. 15].

Заключение

Выборные представители от белорусских губерний в основном были представлены землевладельцами, имеющими, как правило, очень разные земельные владения и возрастной ценз. Согласно архивным материалам белорусские представители принимали активное участие в выборах. Они нередко подавали жалобы на имя Государственного Совета и отстаивали собственные интересы. Наиболее распространенные жалобы касались исключения из списков лиц, имеющих право быть избранными в Государственный Совет. Причины, по которым чаще всего исключали из списков, были связаны преимущественно с отсутствием необходимой информации о возрасте, образовании и других сведениях кандидатов. В случае предоставления недостающих данных происходило включение претендентов в списки. В общем они давали возможность изучить и проанализировать деятельность членов Государственного Совета. Исходя

из вышеизложенного следует, что за право быть членами верхней палаты боролись в основном польские аграрии, которые избирались от западных губерний.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем сенате] // Национальный исторический архив Беларуси г. Гродно. – Ф. 1202. Оп. 1. Д. 1.
2. **Арчegov, С. Б.** Верхняя законодательная палата Российской Империи по учреждению Государственного Совета 1906 года / С. Б. Арчegov. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14, Право. – 2010. – № 3. – С. 3–14.
3. **Бородин, А. П.** Государственный Совет России (1906–1917) / А. П. Бородин. – Киров : Б. и., 1999. – 366 с.
4. Дело по жалобе графа Г. Броель-Плятера об исключении его из списка кандидатов для выборов в члены Государственного совета (15–25 марта 1906 г.). / Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2558. Оп. 1. Д. 21.
5. Дело по жалобе землевладельца В. Коссова об исключении его из списка землевладельцев, имеющих право быть избранным в члены Государственного совета по Витебскому уезду (28–31 марта 1906 г.) // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2558. Оп. 1. Д. 20.
6. Дело по составлению списков о выборах в Государственный совет [протокол заседания комиссии и списки избирателей и кандидатов для избрания в Государственный совет по Кобринскому уезду и Гродненской губернии с указанием имущественного ценза и образования] // Национальный исторический архив Беларуси г. Гродно. – Ф. 59. Оп. 1. Д. 4.
7. Государственный совет Российской империи 1906–1917 / отв. ред. В. В. Шелохаев. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 343 с.
8. Материалы о выборах в члены Государственного совета от Могилевской губернии 24 июня 1913 – 2 августа 1913 г. – Ф. 2058. Оп. 1. Д. 13.

Поступила в редакцию 29.11.2018 г.
Контакты: schemplehova@mail.ru
(Шемплехова Наталья Александровна)

Shemplekhova N. ELECTIONS TO THE STATE COUNCIL OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE TERRITORY OF BELARUSIAN PROVINCES: SOCIAL AND NATIONAL ASPECTS.

The article discusses the election campaign to the State Council in the territory of the Belarusian provinces. A detailed analysis of the social, age and educational qualifications of the upper chamber candidates is carried out. The article presents sources based on archival materials – lists of persons who had the right to be elected to the State Council. In addition, the article analyzes various types of documents, including complaints about irregularities in the electoral production process.

Keywords: State Council, election campaign, Belarusian provinces.

УДК 070.46 : 94(476) "1917"

ИНФОРМАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В ФЕВРАЛЕ – АПРЕЛЕ 1917 г.

А.В. Попов

аспирант

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

В статье на основе информационно-кибернетического подхода, предложенного К. Дойчем, рассматривается процесс проникновения, распространения и восприятия информации о Февральской революции населением белорусских губерний в феврале – апреле 1917 г. Автором показаны особенности данного процесса, выделены его этапы, уровни и механизмы функционирования. Проанализированы основные источники информации о революции в Петрограде, охарактеризованы основные социальные группы, занимавшиеся распространением сведений среди населения белорусских губерний, дана оценка отношению населения к данной информации.

Ключевые слова: информационно-кибернетический подход, информация, Февральская революция, Временный комитет Государственной Думы, Временное правительство, Ставка Верховного Главнокомандующего, пресса, телеграммы, слухи.

Введение

Создание Временного правительства 2 марта 1917 г. знаменовало собой новый этап политико-правового развития как России в целом, так и ее белорусских губерний. Вопрос государственной власти является ключевым вопросом любой революции [1, с. 200]. Поэтому изучение процесса оформления нового государственного строя, освоение новых механизмов управления видится нам важным для

понимания динамики общественно-политической ситуации в феврале – октябре 1917 г.

Немаловажным для понимания формирования властной вертикали Временного правительства и особенностей ее работы на территории белорусских губерний является оценка работоспособности механизмов обратной связи политической системы по линиям “Вызов – Ответ” и “Центр – Периферия” на основе информационно-управленческой коммуникации.

Основная часть

Актуальность изучения настоящей темы объясняется, по-нашему мнению, недостаточным освещением данного вопроса в современной историографии. Данная тема лишь отчасти затрагивалась в современной российской историографии. Прежде всего, в работах, посвященных взаимоотношению власти и общества в 1917 г., в исследованиях механизмов власти Временного правительства. Так, можно назвать работы Ф.А. Гайды “Механизм власти Временного правительства” [2], Г.А. Герасименко “Народ и власть (1917)” [3], диссертационное исследование Н.А. Коваленко [4]. Но в перечисленных исследованиях вопрос распространения информации о Февральской революции по России затрагивается фрагментарно, в контексте общего развития событий февраля-октября 1917 г. Подобная тенденция сохраняется и в обобщающих работах последнего времени [5].

В белорусской историографии можно выделить работу Н.Е. Семенчика “Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.)”. В первой части этого исследования отдельный раздел посвящен анализу распространения сведений о Февральской революции на территории Беларуси [6]. Но, по-нашему мнению, анализ

степени влияния информационного фактора на политическую коммуникацию в первые месяцы Февральской революции, сделанный Н.Е. Семенчиком, требует на современном этапе некоторого дополнительного, более подробного изучения.

Одним из важнейших факторов, влияющих на формирование и развитие механизма власти, является коммуникация между властью и обществом. В рамках сформулированного им информационно-кибернетического подхода политолог Карл Дойч считал, что производство и обмен информацией в рамках политической системы обеспечивают политическое управление, при этом качество самого процесса управления зависит от постоянства потока политической информации. Он также представлял политическую систему как информационно-коммуникативную [7, с. 74–75].

Нам представляется важным при анализе процесса формирования нового механизма власти учитывать особенности проникновения и распространения информации о событиях в столице империи на ее окраины. Задержка при поступлении сведений о политических изменениях в столице империи, их неполнота, отсутствие детальных инструкций по поводу реализации политических решений из центра влияли на скорость формирования новых структур и институтов власти на местах, качество их деятельности, а также на авторитет новой власти у населения белорусских губерний.

Образованный при Временном комитете Государственной Думы отдел сношений с провинцией в своем отчете указывал, что весть о произошедшем перевороте распространялась в высшей степени неравномерно, и осведомление о нем народа в первое время имело характер случайный (в зависимости от тех или иных условий) [8, с. 3].

Авторы отчета объясняли подобную неравномерность распространения информации тем, что центр, сам будучи в водовороте событий, не имел возможности оперативно сообщать на периферию о свершившемся перевороте [8, с. 3].

Прифронтовое положение белорусских губерний и связанная с этим деятельность органов военной цензуры является особенностью в распространении на данной территории сведений о революции в России.

Одним из важнейших источников новостей о событиях в Петрограде были телеграммы, передаваемые из столицы в Ставку, в штаб Западного фронта, и из штаба – командующим армиями. Но передача этих данных полностью контролировалась командованием.

В советской историографии истории Беларуси подобный контроль именовался намеренным сокрытием сведений и трактовался как сопротивление представителей старой власти революции [9, с. 76].

Нам же кажется, что подобное поведение продиктовано внезапно произошедших перемен и естественным желанием военного руководства сохранить боеспособность армии, не допустить падения дисциплины среди солдат и паники среди гражданского населения.

Первые сведения о революции в Петрограде в Минск попали в ночь на 27 февраля [6, с. 16]. Важную роль в распространении информации о революции сыграло Министерство путей сообщения. При помощи железнодорожного телеграфа, существовавшего отдельно от общегосударственной сети, прогрессист А.А. Бубликов разослал циркулярное воззвание, подписанное М.В. Родзянко [10, с. 179].

В нем указывалось, что Государственная Дума взяла в свои руки создание новой власти, также А.А. Бубликов призывал железнодорожников

к спокойствию и продолжению работы [11, с. 119].

Телеграмма А.А. Бубликова привела в замешательство военных на местах. Во время разговора по прямому проводу генерала А.С. Лукомского с начальником штаба армий Западного фронта генералом М.Ф. Квецинским 1 марта 1917 г. последний доложил, что текст телеграммы комиссара путей сообщения не распространяется. Военными обсуждалась также возможность ограничения телеграфного сообщения в пределах фронта во избежание вероятных эксцессов. В итоге было решено этого не делать, дабы не лишиться возможности своевременного реагирования на меняющуюся политическую обстановку [12, с. 33].

28 февраля 1917 г. в 11 часов 30 минут командующий Западным фронтом генерал А.Е. Эверт отправил командующим II, III и X армиями телеграмму, в которой сообщил о начавшемся в Петрограде восстании и призвал ответственных лиц принять все меры для недопущения волнений среди солдат [13, с. 27].

1 марта 1917 г. председатель Государственной Думы сообщает начальнику штаба Ставки генералу М.В. Алексееву о переходе власти в столице в руки Временного комитета Государственной Думы [14, с. 36].

2 марта 1917 г. в 1 час 30 минут ночи генерал М.Ф. Квецинский в телеграмме генералу А.С. Лукомскому рекомендовал до выяснения внутреннего положения в стране ограничивать проникновение в войска тех телеграмм, которые рассылаются членами Временного правительства, равно как агентских телеграмм и газет, в которых названные телеграммы могут быть напечатаны [15, с. 62].

Но уже утром 2 марта генерал М.В. Алексеев отдает приказ, разрешающий публикацию тех телеграмм Временного комитета Государствен-

ной Думы, которые направлены на упрочение порядка, сообщают об усилении подвоза продовольствия и припасов [16, с. 64–65].

Жители Витебска узнали о революции в Петрограде на день-два позже минчан. При этом командование Двинского военного округа старалось не допустить волнений и препятствовало публикации телеграмм Петроградского телеграфного агентства [6, с. 17].

Свою лепту в распространение информации о революции в столице внесли деятели общественных организаций на местах. В частности, 2 марта 1917 г. уполномоченный Земского Союза на Западном фронте В.В. Вырубов и заместитель уполномоченного городского союза Г.Ю. Динесман опубликовали сообщение к служащим о победе революции в Петрограде [17, с. 230–231].

В Могилеве первые сведения о революции в Петрограде появились только 2 марта. До этого дня информации практически не поступало. Местная газета «Могилевский вестник» выходила без телеграмм из Петрограда. Жители города узнавали о произошедшей в столице России революции из сообщений газеты «Русское слово» [18, с. 3].

Важным источником информирования населения была и периодическая печать. Но на территории белорусских губерний в дни революции в Петрограде местные газеты либо выходили с купюрами, либо сообщали лишь о том, что в столице не выходят те или иные газеты. Причем публиковались сведения данного рода с задержкой в несколько дней. Сообщений о беспорядках не печатали.

Например, ежедневная газета «Бобруйский курьер» в номере от 24 февраля 1917 г. публикует сообщение об отбытии Николая II в Ставку 22 февраля. Далее в номере от 28 февраля публикуется официальный указ о

ропуске Государственного Совета и Государственной Думы. В номере от 1 марта сообщается, что в Петрограде 25 февраля не вышли все газеты. И только в номере, вышедшем 2 марта, когда власть уже фактически перешла к Временному правительству, “Бобрыйский курьер” на своих страницах публикует сообщение генерала С.С. Хабалова о беспорядках в Петрограде и о решении провести частное заседание депутатов, по итогам которого был создан Временный комитет Государственной Думы [19, с. 2; 20, с. 2; 21, с. 2; 22, с. 3; 23, с. 2].

Но мы думаем, что для современников событий сообщения о не выходе крупнейших газет было достаточно, чтобы догадываться о чрезвычайных событиях в столице. Сродни тому, как догадывались о том же в августе 1991 г. граждане Советского Союза, видя на экранах телевизоров или слушая в эфире радиостанций балет П.И. Чайковского “Лебединое озеро”.

Подтверждением подобного рода интуиции можно считать воспоминания одного из жителей города Горки Могилевской губернии, который писал: “3 марта Горки жили еще в полном неведении о происшедшем в столице и армии. **Жизнь шла спокойно, хотя и тревожно из-за трехдневного отсутствия газет**” (выделено нами. – А.П.) [24, с. 1].

3 марта 1917 г. в минских газетах появилось воззвание Временного Комитета Государственной Думы о взятии им власти в свои руки [17, с. 230–231].

Подобный информационный голод, по-нашему мнению, являлся вызовом для политической системы, и отсутствие на него ответа лишь усиливало слухи и панику на местах.

Можно сделать вывод о том, что региональные газеты из-за отсутствия связи с общероссийскими изданиями не успевали и не могли в полной мере восполнить информационный пробел

и справиться со своей главной задачей – сообщать населению о происходящих событиях, что увеличило роль еще одного источника информационной коммуникации – слухов.

Например, первые сведения об отречении Николая II от престола в Могилеве появились в виде слухов 3 марта, на следующий день, 4 марта, эти слухи подтвердились [18, с. 3].

В этом случае вполне можно согласиться с исследователем Б.А. Колоницким, утверждающим, что слух, передаваемый авторитетным специалистом, мнению которого доверяют в силу его профессиональной компетенции, получает статус экспертной оценки и влияет на принятие политических решений, а слухи, которым верят массы современников, оказывают огромное воздействие на ход истории [25, с. 15].

При этом если в городах слухи могли появляться от искажения информации, исходящей от лиц, имеющих представление о реальном положении вещей, то в деревнях часто первоисточниками подобных слухов были дезертиры. Волею судьбы они явились первыми осведомителями, первыми вестниками освобождения. Крестьяне узнавали, что совершилось что-то огромное, дезертиров в большинстве случаев отправляли и ждали к себе более надежных лиц, от которых можно было узнать “всю правду” [8, с. 34–35].

Еще одним важным способом распространения информации о революции по губернским центрам были поездки представителей Государственной Думы и Государственного Совета в губернии, их избравшие. Так, в Минск 5 марта с целью рассказать о произошедшей революции приезжали представитель Государственной Думы М.П. Воронцов-Вельяминов и член Государственного Совета Г.И. Лашкарев [26, с. 3].

Михаил Павлович Воронцов-Вельяминов (29.12.1886 – после

1929) – депутат IV Государственной Думы от Минской губернии. Русский, православного вероисповедания, потомственный дворянин Тульской губернии, надворный советник. Член фракции русских и умеренно-правых националистов. В сентябре 1915 г. вступил в группу националистов-прогрессистов, в это же время стал членом Прогрессивного блока. В дни Февральской революции выехал из Петрограда в Бобруйск, где взял в свои руки формирование Бобруйского городского общественного комитета. Исполнял обязанности бобруйского уездного комиссара Временного правительства по должности председателя уездной земской управы, хотя, эта должность не была согласована с Временным комитетом Государственной Думы. Участвовал в работе Государственного совещания в Москве. После октября 1917 г. эмигрировал, жил в Париже [27, с. 106].

Григорий Александрович Лашкарев (до 1904 г. – Лошкарев) (18.02.1862 – ?) – депутат II–IV Государственной Думы от Минской губернии. Русский, православного вероисповедания, потомственный дворянин, полковник (1904). Окончил Пажеский корпус в Санкт-Петербурге в 1883 г. Избран во II Государственную Думу от Минской губернии от общего состава выборщиков Минского губернского избирательного собрания (06.02.1907 г.). Входил в группу правых. Был избран в III Государственную Думу от съезда землевладельцев (18.09.1911 г.). Входил в русскую национальную фракцию. Был избран в IV Государственную Думу от съезда землевладельцев (25.10.1912 г.). Был избран членом Государственного Совета от Минского земства, (группа правый центр (25.09.1913 г.). Переизбран в Государственный Совет в 1916 г. Вместо него в Государственную Думу был избран М.П. Воронцов-Вельяминов. В дни Февральской рево-

люции прибыл в Минск (03.03.1917 г.). Позднее входил в группу, готовившую специальную операцию по освобождению бывшего императора Николая II из заключения в Тобольске. Дальнейшая судьба неизвестна [28, с. 319].

В Могилеве 12 марта 1917 г. во время экстренного собрания Губернского Исполнительного комитета с сообщением о причинах и обстоятельствах революции выступал депутат Государственной Думы В.С. Дрибинцев [29, с. 32].

Василий Саввич Дрибинцев (27.02.1864 – 25.04.1926) – депутат IV Государственной Думы от Могилевской губернии, русский; из семьи купцов-старообрядцев, признающих священство (поповец); потомственный почетный гражданин, губернский секретарь. Окончил Новозыбковское реальное училище. Избран в IV Государственную Думу от общего состава выборщиков Могилевского губернского избирательного собрания (19.10.1912 г.). Его выборы были обжалованы православными священниками Зятёвым и Шахрановским, считавшими, что на выборщиков осуществлялось давление. Жалоба оставлена без ответа. Член фракции земцев-октябристов, член Совета старейшин, член Прогрессивного блока. Назначен комиссаром Временного Комитета Государственной Думы и Временного правительства в Могилевской губернии (09.03.1917 г.). Член Совещания для разработки плана финансового преобразования под председательством министра финансов (04.05.1917 г.). После октября 1917 г. в эмиграции. Жил в Панчево (Югославия) [30, с. 172–173].

Влияли на скорость распространения сведений о революции как уровень развития путей сообщения, так и уровень политической культуры местного населения и его настроения. Например, сельское население Витебской губернии, будучи мало ос-

ведомленным, воспринимало вести о революции спокойно, а городское нервничало, при этом фиксировались многочисленные правонарушения в виде самовольного задержания чинов полиции, освобождения из тюрем при помощи военных уголовных преступников [31, л. 253].

Окончательно оповестить о произошедшей революции население городов, местечек и деревень, удаленных от основных железнодорожных магистралей, удалось уже после установления новой власти. Так, в отдельных частях Могилевской губернии не было ничего известно о перевороте вплоть до начала апреля [8, с. 4].

По сообщениям «Известий» Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, в Бабиновичах Могилевской губернии еще в апреле священники продолжали молиться за помазанника Божия, призывали прихожан не верить ложным слухам [32, л. 22].

Начиная с 5 марта 1917 г. во всех губернских и уездных газетах публикуются тексты манифестов об отречении Николая II и великого князя Михаила Александровича, а также сообщение о создании Временного правительства и программа его деятельности [33, с. 1; 34, с. 1; 35, с. 3].

Важная роль в информировании населения о произошедших переменах в жизни страны отводилась интеллигенции (учителям, деятелям земств). Особенно важной считалась информационная работа в деревнях. Возлагалась она на учителей. Они считались основной агитации крестьянства [36, с. 5].

Определением Святейшего правительствующего Синода духовенству предписывалось огласить содержание манифестов об отречении Николая II и великого князя Михаила Александровича для прихожан в городах в первый после получения текста актов день, в сельских храмах – в первый воскресный или праздничный

день. Все это необходимо было сделать после совершения благодарственного молебна [37, с. 3].

Глава Могилевской католической архиепархии Ян Феликс Цепляк обратился к своей пастве до указаний высшего руководства. 4 марта 1917 г. в своем письме он призывал всех католиков, подчиненных Временному правительству, и духовенство Могилевской архиепархии и Минской епархии сплотиться воедино в дружной работе для общего блага и вознести к Всевышнему горячие мольбы о даровании помощи и Света свыше всем нам, а в особенности всем тем, на долю коих выпало вывести Россию на новый путь. Причем это письмо архиепископ просил огласить на родном для народа языке [38, л. 4].

А епископ Полоцкий и Витебский Кирион отправил на имя М.В. Родзянко телеграмму: «5 марта отслужена литургия и молебен о даровании Временному правительству силы к скорейшему восстановлению государственного и общественного порядка в дорогой Отчизне. Да здравствует Временное правительство!» [39, с. 2].

Несмотря на то что духовенство принимало деятельное участие в процессе легитимации новой власти, выступая с призывами к покорности новой власти, проводя торжественные молебны, как это делал 6 марта 1917 г. епископ Слуцкий, викарий Минской епархии Феофилакт (Клементьев), новое губернское руководство все равно отмечало пассивность священников в оповещении населения о произошедших переменах [40, с. 3; 41, с. 14].

Главы земств зачастую зачитывали содержание правительственных телеграмм и других документов на крестьянских собраниях. Например, глава Слуцкого уездного земства Саракумов на крестьянском собрании лично огласил содержание манифестов об отречении Николая II и великого князя Михаила Александровича,

объяснил крестьянам суть произошедших перемен, обращая их особое внимание на то, что в прифронтовой полосе нужно сохранять строгий порядок и спокойно продолжать работу на пользу армии [6, с. 20–21].

Заключение

Подводя итоги, отметим, что вопрос об информировании населения белорусских губерний о событиях Февральской революции требует дальнейшего изучения и привлечения новых источников. В данном процессе применительно к белорусским губерниям можно выделить ряд особенностей. Хронологически процесс оповещения местного населения можно разделить на два этапа: 23 февраля – 2–3 марта 1917 г. и 2–3 марта 1917 г. – начало апреля 1917 г.

На первом этапе развития революции белорусские губернии, по сути, оказались в информационной изоляции по ряду причин. Во-первых, из-за прифронтового положения губерний органами военной цензуры и командованием блокировалось распространение телеграмм, содержащих сведения о революции в Петрограде, дабы не допустить волнений среди солдат. Только после распространения по железнодорожной телеграфной сети телеграммы комиссара путей сообщения А.А. Бубликова информация о революции в столице стала просачиваться к населению.

Во-вторых, нарушение взаимосвязи и информационного обмена столичных и местных газет, а также цензурный контроль над их содержанием со стороны военных привел к тому, что региональная пресса либо не публиковала новостей из Петрограда вовсе, либо упоминала о беспорядках косвенно, сообщая о не выходе в столице газет. Причем публикация сведений происходила с задержкой и в момент появления в местной печати отчасти теряла свою актуальность.

Важно отметить, что информационный голод на местах во многом являлся вызовом для формирующейся в первые дни марта новой административно-политической системы, проблемы с получением, восприятием и интерпретацией информации местным населением в последующем повлияет на функционирование всей социально-политической системы и ее властного механизма.

После окончательной победы революции и формирования Временного правительства процесс информирования населения приобретает массовый характер. Но в отдельных частях белорусских губерний из-за слаборазвитых путей сообщения информация о революционных изменениях в стране распространялась вплоть до начала апреля.

Распределение информации при этом первоначально происходило вертикально по линии “Центр – Периферия” и после попадания на места распространялась горизонтально.

Можно выделить несколько источников информации о революционных событиях на территории белорусских губерний. Это телеграммы военного командования, официальные правительственные сообщения, публикуемые в газетах, а также слухи, во многом распространяемые дезертирами.

Основными социальными группами, которые распределяли информационные потоки среди населения, можно назвать интеллигенцию, учителей, духовенство, деятелей земств, представителей общественных организаций, депутатов Государственной Думы, членов Государственного Совета.

Восприятие сообщений о революции разнилось в зависимости от социального положения человека, его уровня политической культуры, образованности, политических настроений. С учетом всех этих особенностей

можно согласиться с Д.О. Заславским и В.А. Канторовичем, которые писали: “Только Петроград пережил революцию, для России она пришла сверху” [42, с. 56].

В последующем информирование населения о событиях Февральской революции не потеряет своей актуальности, так как станет составной частью процесса легитимации новой власти среди населения белорусских губерний.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Ленин, В. И.** Один из коренных вопросов революции / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. – Москва, 1974. – Т. 34. – С. 200–207.
2. **Гайда, Ф. А.** Механизм власти Временного правительства / Ф. А. Гайда // Западная Русь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zaradrus.su/rusmir/istf/324-1917-41.html>. – Дата доступа: 10.06.2018.
3. **Герасименко, Г. А.** Народ и власть (1917 год) / Г. А. Герасименко. – Москва : Воскресенье, 1995. – 288 с.
4. **Коваленко, Н. А.** Центральная власть и аппарат управления в России (февраль – октябрь 1917 года) : дис. ... д-ра истор. наук : 07.00.02. / Н. А. Коваленко. – Москва, 2000. – 514 с.
5. Российская революция 1917 года: власть, общество, культура : в 2 т. / отв. ред. Ю. А. Петров. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2017. – Т. 1. – 744 с.
6. **Сяменчык, М. Я.** Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцыі (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.) : у 2 ч. / М. Я. Сяменчык. – Мінск : БДПУ, 2001. – Ч. I : Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах дэмакратычнага рэжыму. – 200 с.
7. **Волденков, С. В.** Коммуникационные основы современного политического управления / С. В. Волденков // Известия Саратовского университета. Серия Социология, политология. – 2011. – Т. 11, Вып. 3. – С. 74–78.
8. Март – май 1917 г. // Красный архив. – 1926. – Т. 2(15). – С. 30–60.
9. **Игнатенко, И. М.** Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии / И. М. Игнатенко. – Минск : Наука и техника, 1986. – 344 с.
10. Старцев, В. И. 27 февраля 1917 / В.И. Старцев. – Москва : Молодая Гвардия, 1984. – 255 с.
11. Телеграмма. Во все сети всем начальствующим. Военная // Телеграммы и разговоры по телеграфу между Псковом, Ставкой и Петроградом, относящиеся к обстоятельствам, в коих произошло отречение Государя Императора с примечаниями к ним генерал-адъютанта Н. В. Рузского // Русская летопись. – 1922. – Кн. 3. – С. 119.
12. Разговор по прямому проводу ген. Лукомского с нач. штаба Западного фронта ген. Квевцинским 1 марта 1917 г. // Красный архив. – 1927. – Т. 2(21). – С. 32–34.
13. Копия телеграммы генерала Эверта командующим II, III, X армиями 28 февраля 1917 г. № 6126 // Красный архив. – 1927. – Т. 2(21). – С. 27.
14. Телеграмма Родзянко ген. Алексею 1 марта 1917 г. // Красный архив. – 1927. – Т. 2(21). – С. 36.
15. Телеграмма ген. Квевцинского ген. Лукомскому 2 марта 1917 г. № 6180 // Красный архив. – 1927. – Т. 2(21). – С. 62.
16. Телеграмма генерала Алексева главнокомандующим фронтами 2 марта 1917 г. № 1870 // Красный архив. – 1927. – Т. 2(21). – С. 64–65.
17. **Лавринович, Д. С.** Деятельность общероссийских либеральных партий на территории Беларуси (1905–1918 гг.) / Д. С. Лавринович. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – 328 с.
18. **Ш-вич, Ю.** В бывшей царской Ставке / Ю. Ш-вич // Речь. – 1917. – № 58. – 9 марта. – С. 3.

19. Отбытие Государя в действующую армию [по телеграфу] (официально) // Бобруйский курьер. – 1917. – № 763-47. – 24 февраля. – С. 2.
20. Роспуск Государственного Совета [по телеграфу] (официально) // Бобруйский курьер. – 1917. – № 763-50. – 28 февраля. – С. 2.
21. Роспуск Государственной Думы [по телеграфу] (официально) // Бобруйский курьер. – 1917. – № 763-50. – 28 февраля. – С. 2.
22. Петроград без газет // Бобруйский курьер. – 1917. – № 767-51. – 1 марта. – С. 3.
23. В Петрограде. Объявление командующего войсками // Бобруйский курьер. – 1917. – № 768-52. – 2 марта. – С. 2.
24. **С. Ц.** Первые дни революции в Горках / С. Ц. // Горецкий вестник. – 1917. – № 23. – 18 августа. – С. 1.
25. **Колоницкий, Б. И.** “Товарищ Керенский”: антимонархическая революция и формирование культа “вождя народа” (март – июнь 1917 года) / Б. И. Колоницкий. – Москва : Новое литературное обозрение (НЛО), 2017. – 665 с.
26. Приезд // Бобруйский курьер. – 1917. – № 768-53. – 3 марта. – С. 3.
27. **Николаев, А. Б.** Воронцов-Вельяминов Михаил Павлович / А. Б. Николаев // Государственная дума Российской империи: 1906–1917 : энциклопедия / науч. ред.: Б. Ю. Иванов, А. А. Комзолова, И. С. Ряховская. – Москва, 2008. – С. 106.
28. **Бородин, А. П.** Лашкарев Григорий Александрович / А. П. Бородин, А. Б. Николаев, Р. Б. Ромов // Государственная дума Российской империи: 1906–1917 : энциклопедия / науч. ред.: Б. Ю. Иванов, А. А. Комзолова, И. С. Ряховская. – Москва, 2008. – С. 319–320.
29. Местная жизнь // Вестник Могилевского земства. – 1917. – № 3. – С. 29–32.
30. **Николаев, А. Б.** Дрибинцын Василий Саввич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: энциклопедия / науч. ред.: Б. Ю. Иванов, А. А. Комзолова, И. С. Ряховская. – Москва, 2008. – С. 172–173.
31. Телеграмма № 892 от 06.03. 1917 г. Витебского Губернского Комиссара М. Л. Карташева председателю Государственной Думы М. В. Родзянко // Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАРБ). – Ф. 3445. Оп. 1. Д. 2. Л. 253.
32. Сообщение газеты “Известия Петроградского совета” о действиях сторонников царизма в Могилевской губернии // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 60 п. Оп. 3. Д. 150. Л. 22.
33. Высочайший манифест об отречении Николая II // Витебский вестник. – 1917. – № 52. – 5 марта. – С. 1.
34. Манифест об отречении Великого князя Михаила Александровича // Витебский вестник. – 1917. – № 52. – 5 марта. – С. 1.
35. Программа Временного правительства // Бобруйский курьер. – 1917. – № 771-55. – 5 марта. – С. 3.
36. **Калашников, Г.** Из Полесья / Г. Калашников // Речь. – 1917. – № 92. – 21 апреля. – С. 5.
37. Определение святейшего правительствующего Синода 1917 года марта 6 дня [Телеграмма] // Витебский вестник. – 1917. – № 54. – 8 марта. – С. 3.
38. Письмо архиепископа Я. Цепляка от 4 марта 1917 года № 1170 // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 60 п. Оп. 3. Д. 168. Л. 4.
39. Присоединение к Временному правительству // Вестник Временного правительства. – 1917. – № 2. – 7 марта. – С. 2.
40. Вестник Минского Губернского комиссариата. – 1917. – № 10. – 19 марта. – С. 3.
41. **Кривонос, Ф.** У Бога мертвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы) / Ф. Кривонос. – Минск : Минская фабрика цветной печати (МФЦП), 2007. – 240 с.

42. **Заславский, Д. О.** Хроника февральской революции. Том 1. 1917 г. февраль – май / Д. О. Заславский, В. А. Канторович. – Петроград : Былое, 1924. – 312 с.

Поступила в редакцию 18.06.2018 г.
Контакты: artemporow89@mail.ru
(Попов Артем Владимирович)

Ропов А. INFORMATIONAL AND POLITICAL COMMUNICATION IN THE BELORUSSIAN PROVINCES FROM FEBRUARY TO APRIL 1917.

The article describes penetration, spreading and perception of the information about the February Revolution by the people

in the Belorussian provinces from February 1917 to April 1917 applying the cyber-informational approach by K. Deutsch. The author shows specific features of this process, distinguishes its stages, levels and mechanisms. The main information sources about the Revolution in Petrograd are analyzed in the article alongside with the characterization of the major social groups distributing information among people, and evaluation of their attitude towards this information.

Keywords: cyber-informational approach, information, the February Revolution, the Russian Provisional Government, the Provisional Committee of the State Duma, supreme headquarters, press, telegrams, rumours.

УДК 14 + 37.01

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ СДВИГ И НОВЫЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ОБРАЗОВАНИЯ

М. И. Вишневецкий

доктор философских наук, профессор
Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова

В статье констатируются кризисные явления в современной техногенной цивилизации, ее культуре. В соотношении с ними рассматриваются базовые идеи концепции “смарт”-образования, а также особенности инновационного образования взрослых в свете опыта функционирования организаций нового типа, основанных на широком самоуправлении.

Ключевые слова: Образование, мировоззрение, техногенная цивилизация, “смарт”-технологии, самоуправляемые организации, инновационное образование взрослых.

Мы живем во время больших перемен, которые побуждают к раздумьям о подлинных смыслах и ценностях человеческого бытия, о путях соотносящегося с ними совершенствования практической и образовательной деятельности. В материалах первого белорусского философского конгресса, состоявшегося 18–20 октября 2017 г., большое место заняли вопросы философии образования, и это далеко не случайно. На конгрессе неоднократно звучали драматические констатации проблем и кризисов, которыми охвачен современный мир. Рассуждения одного из докладчиков об истории и логике эволюции техногенной цивилизации, приведшей к глубокому ценностному кризису, сопровождались выводом о том, что происходящая на наших глазах смена стадий развития культуры «находит отражение в антиномичности образов мира и человека, где эмоциональное

довлеет над рациональным; ситуативное – над логическим, последовательным; наглядно-образное – над умозрительным; виртуальное – над реальным; символическое – над понятийным; невербальное – над вербальным; множественность – над единством; эклектичность – над системностью; неопределенность – над определенностью; полисемантическая – над однозначностью; кажимость – над обоснованностью; явление – над сущностью; поведенческое подражание – над интеллектуально осмысленным поведением; прагматизм – над моральностью; антинаучное – над научным и т. п.” [1, с. 590].

Приведенный перечень антиномических определений и вывод о довлении одних характеристик современного мировоззрения над другими является во многом дискуссионным и не применим в полном объеме к таким важным сферам человеческой деятельности, как научная, образовательная, инженерно-технологическая и некоторые другие. Но он указывает на остроту проблем, возникших в современной культуре в целом, в том числе и в образовании. Ссылка на ключевые параметры породившей эти проблемы техногенной цивилизации заслуживает особого внимания. Становление данного типа цивилизации правомерно связывают с развитием науки Нового времени, ускорением технического прогресса и с изменением на этой основе всего миропонимания, базовых ценностных установок и целей человеческой деятельности, а также организационных структур, в рамках которых эта деятельность осуществляется. Последние столетия продемонстрировали небывалое могущество техногенной цивилизации, которая оказалась способной не только произвести огромное количество разнообразных благ, но и уничтожить самое себя и сделать среду нашего обитания непригодной для жизни.

Привычное прежде превознесение достоинств этой цивилизации сменилось мучительными раздумьями над тем, куда и как двигаться дальше, чтобы не просто отойти от края пропасти, но и открыть новые перспективы развития. Одним из возможных ответов на данные вопросы стала выдвинутая в свое время В.С. Степиным [2] идея нового, антропогенного типа цивилизации, связанного с новым пониманием рациональности, характерным для постнеклассической науки.

Постнеклассическая наука имеет дело с весьма сложными и эволюционирующими, в том числе человеко-размерными, объектами и системами – экологическими, биосферными, информационно-техническими и др. Подобные системы не просто неоднородны по своему составу, но и противоречивы с точки зрения свойств входящих в них подсистем; они характеризуются вероятностным поведением, включают в себя процессы самоорганизации и могут эффективно исследоваться только в рамках комплексных междисциплинарных подходов. В ходе их исследования неизбежным становится выдвигание различных и не вполне согласующихся между собой моделей, описывающих структуру и поведение объектов, включение элемента неопределенности в предсказание их дальнейшей эволюции. Вместе с синергетикой в науку входят понятия бифуркации, выбора пути, нелинейности развития и его необратимости. Все большее признание получает идея глобального эволюционизма, распространяющегося и на неживую природу, и на процессы жизни, и на социальную действительность. Особое значение приобретает исследование уникальных природных и социальных комплексов, охватывающих деятельность людей и выдвигающих на первый план проблему коэволюции человека и природы. С ней тесно связаны во-

просы о смысле и ценностях научного и технического творчества, о возможностях и последствиях вторжения с помощью искусственных устройств и специально разрабатываемых технологий в работу нашего организма и мир человеческой психики. Все это имеет прямое отношение к организации и целевой ориентации образовательной деятельности.

В последнее время активно обсуждаются концептуальные и практические вопросы перехода к “смарт”-образованию; говорят даже о “смарт”-обществе [3]. Английское слово “smart” весьма многозначно. Оно может означать остроумие или просто ум, а также находчивость, ловкость, модность, щеголеватость; есть и другой ряд значений: жгучая боль, резкость или сила удара, а также горе, печаль. В научно-техническом сообществе разговоры о “смарт”-технологиях ведутся уже довольно давно и связаны прежде всего с решением задач создания таких “умных” материалов и структур, которые способны целесообразно реагировать на изменяющиеся условия окружающей среды, адаптироваться к новым условиям функционирования, осуществлять самоконтроль и даже определенное саморазвитие. Современное состояние информационно-компьютерных технологий позволяет обеспечивать учет создаваемыми устройствами не только внешних параметров, но и разнообразных потребностей пользователей, в том числе и в сфере образования. Для этих целей могут создаваться “умные” лабораторные приборы, классные доски, учебники и т. д., позволяющее формировать и распространять новый, интегративный и коммуникативный образовательный контент, учитывающий запросы потребителей и обеспечивающий плодотворные контакты с другими людьми. Современные подходы к образованию правомерно усматри-

ваются многими исследователями не только в улучшении условий и совершенствовании технико-технологической оснащенности образовательной деятельности, но и в определенном воздействии на самого человека как субъекта образовательного и вообще жизненного процесса. Человек тем самым становится более “смарт” (в позитивном значении данного понятия). Существенную особенность “смарт”-образования видят в его особенно высокой способности эффективно приспосабливаться к изменяющимся условиям и требованиям, исходящим как из внешней среды, так и из сферы собственных интересов и побуждений образующейся личности. Требования эти обычно связываются пропагандистами “смарт”-образования с развитием творческих способностей людей, позволяющим им выходить за рамки стереотипных схем деятельности и находить новые решения встающих перед ними задач.

В принципе соответствующие технологии могут быть применены на различных уровнях и в самых разных формах образования. Однако особый интерес энтузиасты “смарт”-образования проявляют к сфере высшего образования, связанного с подготовкой квалифицированных специалистов. Учебные материалы, используемые в вузах, действительно имеют свойство быстро устаревать, отставать от “переднего фронта” науки и практики. Новые образовательные технологии позволяют, на основе анализа всего массива информационных запросов студента и с учетом возникающих у него идей, не просто оперативно предлагать нужные в данный момент материалы, но и такие, которые способны в будущем понадобиться ему с учетом решаемых проблем, стать существенными для размышления и просто саморазвития. В целом учебный процесс, построенный на основе “смарт”-технологий, приобретает

гибкий, творческий характер, включая в себя и поисково-познавательную, и проектную деятельность. Такие образовательные технологии позволяют также оптимизировать, сделать более эффективными связи вуза, факультета и отдельных студентов с заинтересованными работодателями, формулирующими пакеты заданий и предоставляющими необходимые материалы для активного включения людей, получающих образование, а также их наставников в выполнение этих заданий.

Индивидуализированные образовательные технологии способны стать для учащегося как бы его вторым “Я” или, по крайней мере, постоянным, умным, предусмотрительным и изобретательным собеседником. Наличие такого собеседника, рассуждая умозрительно и предельно смело, ставит под вопрос надобность в многочисленных преподавателях, а также в некоем воображаемом случае и во многих других людях, составляющих наше обычное жизненное окружение. Человеческие связи, по крайней мере, ментальные, можно попробовать включить в соответствующие информационно-коммуникационные программы и более или менее успешно имитировать их. Кажется, однако, что здесь мы вступаем в уже знакомую нам из научно-фантастической литературы область антиутопии, указывающей на опасность выхода за пределы здравого смысла даже в такой специфической области, как “смарт”-образование.

Использование английского слова “смарт” вместо привычного слова “умный” не является простой данью моде, а включает в себе некое напоминание или урок. “Смарт” ведь может пониматься и как ловкость, хитрость, когда в качестве модного или престижного выставляется определенный программно-информационный товар, который нужно продать подо-

роже, а еще лучше – прочно привязать к нему потребителя, “посадить его на иглу”. “Смарт”-технологии получили особенно широкое распространение в сферах маркетинга и рекламы, и перенесение их на область образования требует высокой осмотрительности. В этой области мода тоже играет немалую роль; здесь случались и в прошлом разные новые веяния, предлагались якобы революционные новшества, но суть дела от этого не изменилась. Благодаря образованию общество, культура воспроизводят себя и вместе с тем обновляются. Наблюдая за людьми, как взрослыми, так и маленькими детьми, ясно видишь, какие они разные и как далеки они бывают от состояния “смарт”, навязываемого модой и корыстными интересами поставщиков соответствующей продукции. Еще более проблематичными, хотя и по-своему интересными представляются рассуждения о “смарт”-обществе.

Напомним еще раз, что утвердившаяся в течение последних столетий научно-техническая рациональность механистического толка, проявляющаяся не только в сфере исследований и разработок, но и в организации хозяйственной и других сопряженных с ней видов деятельности во многом исчерпала свой ресурс. Она становится в наши дни не только малоэффективной, но и расходящейся с глубинными ценностями человеческого бытия и даже создающей угрозу будущему человечества. Вместе с тем спонтанно возникают и получают довольно широкое распространение организации нового типа, в которых сводится к минимуму детальное регламентирование деятельности, преодолевается жесткое разграничение функций, выполняемых отдельными работниками, и строгая иерархичность взаимоотношений между людьми и подразделениями.

Для деятельности любой организации очень важен выбор между

доверием и контролем в отношениях между руководителями и подчиненными. Обычно этот выбор основывается на неосознанных посылках, продиктованных, например, невысокими общими оценками личностных качеств большинства людей – их честности, инициативности, надежности и т. д. Если такие, преимущественно негативные, оценки человеческих качеств работников приводятся в систему, то действительно необходимым становится осуществление многоуровневого контроля за всеми сторонами их деятельности и за результатами этой деятельности. С этим связана также жесткая дифференциация функций и составление детальнейших должностных инструкций, определяющих обязанности работников и формы ответственности за всевозможные нарушения или отклонения от правил. Система контроля, несмотря на использование современных информационных технологий, постепенно становится весьма сложной и громоздкой. Это резко снижает общую эффективность деятельности организации, не только направляя усилия множества людей на осуществление такого контроля, но и, что еще более важно, подрывая мотивацию к сотрудничеству, свободному от конкуренции, взаимного недоверия и подозрительности.

Возможна, однако, совершенно иная организация совместной деятельности людей, основанная на доверии к их честности, трудолюбию и стремлению к самосовершенствованию, их способности к доброжелательной кооперации усилий и совместной ответственности за результаты деятельности. Доверие к людям способно утвердить положительную мотивацию к труду и личностному росту – не только профессиональному, но и моральному и общекультурному, тогда как недоверие и тотальный контроль такую положительную мотивацию ослабляют или вовсе гасят. В аннотации

к книге Фредерика Лалу “Открывая организации будущего” категорично заявляется, что “современные навыки управления безнадежно устарели. Традиционные рецепты, предлагаемые книгами по организационному развитию, являются частью проблемы, а не ее решением” [4, с. 5]. Показанные этим автором на конкретных примерах способы преобразования организации совместной деятельности людей ориентированы, прежде всего, на, возможно, более полную реализацию их способностей к творчеству и личностному росту в процессе труда. В данной книге содержатся описания деятельности отдельных организаций, основывающейся на далеко простирающемся самоуправлении. Такие организации уже существуют не только в сфере материального производства, но и в сферах обслуживания, социального обеспечения, образования и др. Переход к новым формам их деятельности нередко бывал вызван кризисными явлениями, которые ставили организацию, работающую по старинке, как это принято в рамках конкуренции и жесткого формализованного контроля за всеми процессами, на грань упадка. Важным фактором перехода на путь преобразования является также приход нового руководителя, ясно понимающего бесперспективность прежних подходов к управлению и способного воодушевить коллектив, увлечь его на путь обновления.

Конечно, в деятельности организаций нового типа могут занять достойное место “смарт”-технологии, но они здесь как в образовании и вообще где бы то ни было, являются лишь специфическим средством, которое было бы неразумно ставить выше действительной цели. По существу же речь идет о радикальной гуманизации всей деятельности организаций. Она предполагает не только добровольное комплектование первичных коллекти-

вов, но и принятие путем внутреннего консультирования всех без исключения решений, касающихся приема на работу, распределения обязанностей, оплаты труда, осуществления закупок и т. д. Совместно вырабатываются целевые установки организации, ее социально-культурная миссия. Осуществление таких преобразований не просто оптимизирует структуру организации, избавляя ее от многих привычных и многолюдных управленческих и контролирующих подразделений, но и затрагивает глубокие слои мировоззрения людей, вбирающего в себя основополагающие ценности, смыслы и цели человеческой деятельности. Понятно, что это требует действительно непрерывного образования всех тех, кто принял данную систему ценностей и решил на деле следовать ей, ибо если осознанно встать на путь личностного роста, то здесь невозможно достичь окончательных и исчерпывающих результатов.

Особое значение здесь имеет перевод на инновационный путь образования взрослых. М.В. Кларин понимает инновационное образование как порождение и освоение объективно нового культурного опыта [5, с. 71]. Он полагает, что классические представления о содержании образования как о подлежащем трансляции педагогически адаптированном социальном опыте не охватывают многие ключевые моменты современного образования, прежде всего образования взрослых. К взрослым людям как субъектам образования не применимы относящиеся к детям дошкольного и школьного возраста утверждения о том, что они обладают небольшим опытом и его нужно дополнять и расширять, приобщая их к богатствам культуры с помощью хорошо организованных учебных материалов и соответствующих методик. Жизненный и профессиональный опыт взрослого человека может быть весьма обширным, но нередко слу-

чается так, что его недостаточно для решения новых проблем, с которыми столкнулся данный человек или организация, в которую он включен. В таких случаях возникает необходимость не просто получения дополнительных знаний, выработки новых умений, но и расширения кругозора, изменения мыслительных схем, позволявших по-иному взглянуть на сложившуюся ситуацию, по-новому осмыслить суть возникших проблем.

Образование взрослых работающих людей, как правило, тесно связано с их трудовой деятельностью, генерирующей новый опыт, а он может иметь не только личностное или групповое, но и более широкое измерение. Люди в организациях включаются в коллективную деятельность, в процессе которой происходит обмен и взаимообогащение опытом. Новый опыт не только закрепляется, но и обогащается смыслами. Развивающаяся, эволюционирующая организация – это некая особая целостность, которая оказывает влияние на входящих в ее состав людей, определенным образом направляет их профессиональное и личностное развитие. Решая значимые новые задачи и действуя нестандартно, создавая новые образцы решений, новые организационные принципы, понятия и методы деятельности и переосмысливая при этом ценности и цели данной деятельности, люди изменяются как личности. Преобразуется не только их профессиональный опыт, но, в определенной степени, также и их мировоззрение, которое выступает как совокупность основополагающих убеждений относительно сущностных характеристик окружающей действительности, а также природы человека и его места в мире. Накопленный опыт и жизненные позиции людей неодинаковы, и этим обусловлены в конечном счете специфические особенности их мировоззрения. Приобретение же опыта по

существованию совпадает с нашим образованием, личностным становлением и развитием. Именно этот смысл мы и вкладываем в утверждение о непрерывности образования, которое действительно продолжается в течение всей сознательной жизни и вовсе не сводится к получению какой-либо специальной подготовки. Обретая опыт, мы не только учимся, но и переучиваемся, исправляя ранее допущенные ошибки; главное же состоит в том, что реальный, жизненно значимый опыт неразрывно связан с нашей деятельностью.

Инновационное образование взрослых выступает как средство разрешения жизненных, профессиональных, производственных, организационных кризисов, с которыми сталкиваются индивидуальные или коллективные субъекты. Вместе с тем оно обнажает возникающие здесь порой проблемы, связанные с неприятием человеком тех изменений рабочего или жизненного уклада, которые обусловлены внедрением в практику новых идей и подходов. В принципе инновационное образование может способствовать переходу на позитивный ненасильственный путь социальной трансформации, поступательного развития современного общества [5, с. 71]. Данное развитие можно в целом охарактеризовать как ведущее к становлению посттехногенного или, используя терминологию В.С. Степина, антропогенного общества. Изначально и по сути техника и связанные с ней технологии выступают как совокупность искусственно созданных *средств* человеческой деятельности. Преимущественное внимание к средствам создает угрозу забвения или утраты глубинной цели развития, что мы нередко наблюдаем в наши дни. Интенсивное, разностороннее и все ускоряющееся технико-технологическое развитие, превращенное в самоценность, во многом ответственно

за нынешнюю кризисную ситуацию. Настала пора переключить внимание со средств на подлинные цели, определяемые сущностными ценностями человеческого бытия, которые сами по себе далеко не всегда очевидны и являются предметом философско-мировоззренческих исканий и раздумий.

Важное место в ряду этих основополагающих ценностей занимает, конечно, свобода. Однако понятие свободы столь же трудно однозначно определить, как и понятия бытия, жизни, сознания, времени и т. д. Свобода от оков и ограничений (“свобода от...”) только внешне совпадает со свободой как условием или предпосылкой достижения какой-то цели (“свобода для...”). Цель эта может выглядеть весьма возвышенной (уничтожение несправедливости, эксплуатации, неравенства и т. д.). Но мы уже хорошо знаем на основе собственного исторического опыта, что, говоря словами И. Берлина, существует вполне понятный путь от конструктивно истолкованной свободы, предполагающей перестройку жизни на началах знания о законах общественного развития, к авторитарному государству, послушному директивам элиты, состоящей из наставников в духе социальной утопии Платона. В наши дни разломы и конфликты в ходе процесса воспроизводства материального и духовного богатства на основе рыночной экономики и государственного управления могут и не иметь внешней формы классовых антагонизмов, но зато они все чаще принимают очертания социальной патологии, связанной с утратой людьми смысла бытия. Таковы последствия чересчур явного преобладания экономических, бюрократических и вообще когнитивно-инструментальных форм рационализации, порожденных техногенной цивилизацией. “Деньги и власть несовместимы со смыслом и солидарностью. Их нельзя ни купить, ни заставить силой

служить себе” [6, с. 272]. Общество в целом, как отмечает Ю. Хабермас, не является высокоразвитым субъектом самопознания и самосовершенствования. Опорой самоорганизации общества могут, считает он, стать автономные общественные группы, не созданные политической системой и не находящиеся на ее содержании [6, с. 373]. К таким группам можно отнести, надо полагать, также и самоуправляемые, и саморазвивающиеся организации, о которых так убедительно пишет Ф. Лалу.

Многие процессы в современной общественной жизни, культуре свидетельствуют о том, что человечество ныне стоит на пороге весьма основательных перемен, которые затронут и общую организацию жизни, и науку, и образование. Представляется несколько поспешным пытаться выразить это убеждение или, скорее, стойкое ощущение в виде четко оформленной социально-философской или педагогической парадигмы. Действительно значимая парадигма утверждается тогда, когда революционные изменения уже осуществлены и новые формы деятельности обрели отчетливую определенность. Мы еще очень далеки от этого и можем лишь предполагать контуры новой реальности, которая возникает без предварительного плана. Нетрудно, однако, допустить, что некоторые из прежних мировоззренческих догм и неоспоримых педагогических истин вскоре изменят свой статус и уйдут в запасники культуры, а скороспелые обобщения и прогнозы подвергнутся существенной корректировке. С этой точки зрения можно рассматривать и широко развернутую рекламу образовательных “смарт”-технологий. В них нетрудно усмотреть немало ситуативного, конъюнктурного, навешанного интеллектуальной модой и подменяющего сущностные цели образования набором особых средств. Но слово “разум-

ный” – хорошее, многозначительное. Мы действительно нуждаемся в более разумно выстроенном образовании и в действительно разумном человеке как его субъекте.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса. – Минск : Беларус. навука, 2017. – 765 с.
2. **Степин, В. С.** Исторический вызов и проблема общенациональной идеи / В. С. Степин // Социология. – 1999. – № 4. – С. 18–28.
3. **Днепровская, Н. В.** Понятийные основы концепции smart-образования / Н. В. Днепровская, Е. А. Янковская, И. В. Шевцова // Открытое образование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiynye-osnovy-kontseptsii-smart-obrazovaniya>. – Дата доступа: 28.06.2018.
4. **Лалу, Ф.** Открывая организации будущего / Ф. Лалу. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 315 с.
5. **Кларин, М. В.** Практика непрерывного образования: вызовы для дидактической теории / М. В. Кларин // Непрерывное образование в объективе времени : монография / сост.: Е. В. Астахова, Н. А. Лобанов ; под ред. Н. А. Лобанова, В. Н. Скворцова. – СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина ; Харьков, 2014. – С.71–81.
6. **Хабермас, Ю.** Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М. : Весь Мир, 2003. – 416 с.

Потупила в редакцию 09.09.2018 г.
Контакты: vishnevskii@msu.by
(Вишневский Михаил Иванович)

Vishnevsky M.I. CIVILIZATION SHIFT AND NEW WORLD VIEW ORIENTING POINTS IN EDUCATION.

The article highlights crises in modern technological civilization and its culture. The basic ideas of smart education concept are viewed with the reference to the mentioned phenomena. The author also reveals peculiarities of the innovative education for adults through the frame of new types of organizations based on self-management.

Keywords: education, world view, technological civilization, smart-technologies, self-directed organizations, innovative education for adults.

УДК 1(091):796.032.2“652”

ФІЛАСОФІЯ АЛІМПІЗМУ: ФЕНОМЕН СТАРАЖЫТНАЙ ГРЭЦЫІ

У. П. Люкевіч

кандыдат філасофскіх навук, дацэнт
Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. С. Пушкіна

У артыкуле аналізуюцца фундаментальныя аспекты ўзнікнення, фарміравання, функцыянавання і распаўсюджвання спорту на тэрыторыі Старажытнай Грэцыі ў іх філасофскім успрыманні і разуменні. Асабліва ўвага аўтара надаецца паняццю “філасофія алімпізму”, якое ўключае ў сябе актуальныя для сучаснага грамадства ўяўленні пра гарманічна развітую асобу, пра роўныя магчымасці, пра святы мір і сумленную і высакародную канкурэнцыю. Філасофія алімпізму фарміруе алімпійскую ідэю, што дазваляе прасачыць развіццё традыцыйнай сістэмы маральных каштоўнасцей чалавечай культуры да нашых дзён.

Ключавыя словы: філасофія алімпізму, алімпійская ідэя, святы мір, агон, экехейрыя, калакагатыя.

Уводзіны

Культура Старажытнай Грэцыі для сучаснага грамадства з’яўляецца крыніцай і ўзорам пераважнай большасці ідэй, якія на працягу тысячагоддзяў былі развітыя і ўдасканаленыя ў шмат якіх накірунках чалавечай дзейнасці. Такого роду сцвярджэнне з’яўляецца актуальным у адносінах да феномену спорту ў шматлікіх яго праявах. Нараджэнне сістэмы спаборніцтваў вельмі хутка прывяло да таго, што яны шырока распаўсюдзіліся па ўсёй гістарычнай тэрыторыі тагачаснай Элады, якая ўключала ў сябе поўдзень Балканскай паўвыспы, выспы Эгейскага мора, узбярэжжа Фракіі, заходнюю берагавую паласу Малой Азіі. Да цэнтраў правядзення гульняў з са-

мых розных накірункаў дабіраліся ўсе жадаючыя, каб стаць пераможцам у спаборніцтвах. Традыцыйная на сённяшні дзень назва гульняў – Алімпійскія – незусім дакладна абазначае тыя спаборніцтвы, што адбываліся ў розных старажытнагрэчаскіх месцах. Калі браць пад увагу той факт, што калі б гісторыя была інтэрпрэтаваная іншым чынам, то ў сучасную эпоху гэтыя самыя буйныя спартыўныя спаборніцтвы маглі б называцца, напрыклад, Піфійскія гульні, Істмійскія гульні, Нямейскія гульні і інш. Але, як вядома, гісторыя не дапускае “перазагрузкі”. Сутнасць філасофіі алімпізму выяўляецца ў шэрагу старажытнагрэчаскіх тэкстаў, дзе ў дыялагічнай форме адбываецца асэнсаванне і абгрунтаванне гэтага феномену культуры: “Анахарсис. Скажи мне, Солон, для чего юноши проделывают у вас все это? Одни из них, перевившись руками, подставляют друг другу ножку, другие дают и вертят своих товарищей, валяются вместе в грязи и барахтаются в ней, как свиньи. А между тем сначала, как только они разделись, ведь я сам это видел, они жирно намазались маслом и совсем мирно по очереди натирали друг друга; потом неизвестно, что случилось, они стали толкать друг друга и, наклонившись, начали сшибаться головами, как бараны... [цыт. па: 1, с. 11]. И вот, мне хотелось бы знать, чего ради они так поступают: по-моему, всё это похоже на безумие, и нелегко будет разубедить меня, что люди, поступающие так, не сумасшедшие...”

Солон. Это место, Анахарсис, мы называем гимнасием, и оно посвящено Аполлону Ликейскому... Что же касается гимнастических упражнений, то эта возня в грязи называется “борьбой”; борются также и в песке. Когда же юноши бьют друг друга стоя на ногах, мы называем это панкрати-ем. Есть у нас и другие гимнасии – для кулачного боя и метания диска и для

прыганья, і в них во всех мы устраиваем состязания, а победивший признается нами лучшим из сверстников и получает награду.

Анахарсис. Каковы же у вас награды?

Солон. На олимпийских играх венки из дикой маслины, на истмийских – из сосновых ветвей, в Немее – венок из сельдерея, в Дельфах – яблоки с деревьев, которые посвящены богу. У нас же на панафинейских играх мы даем масло от священного оливкового дерева... [цит. па: тамсама, с. 12] ...Но более всего мы стараемся, чтобы граждане были прекрасны душою и сильны телом, ибо именно такие люди хорошо живут вместе в мирное время и во время войны спасают государство и охраняют его свободу и счастье... [цит. па: тамсама, с. 15].

На жаль, геніяльная ідэя часоў старажытнасці пра станаўленне гарманічна развітой асобы губляе папулярнасць. Тым не менш падаецца важным нагадаць, як зараджаліся гульні ў тыя далёкія часы, калі культура Старажытнай Грэцыі на тысячагоддзі наперад вызначала найбольш значныя напрамкі чалавечай жыццёвай дзейнасці. Асобнае месца належыць тут алімпійскай ідэі, якая, здаецца, безальтэрнатыўна паўстае ў якасці самай даўгавечнай глабальнай ідэі ў гісторыі чалавечай думкі. Алімпізм як сацыяльная з’ява ўзнікае раней за рэлігію. Але на ўздыме захаплення Алімпійскімі гульнямі ў іх сучасным увасабленні неабходна пазначыць і тое, што ў старажытнасці не толькі яны фармавалі традыцыі, якія дайшлі да нашага часу і сёння рэальна вызначаюцца як узоры выхавання і адукацыі дзяцей і моладзі ў самых разнаітых сферах [2, с. 3].

Несумненым атрыбутам філасофіі алімпізму неабходна лічыць агон (*agon* – у перакладзе з грэчаскай мовы ў самым шырокім сэнсе абазначае ўсялякае спаборніцтва). Гэтае па-

няцце мела самае непасрэднае дачыненне да супрацьборства атлетаў, але ў адносінах да старажытнага спорту перш за ўсё распаўсюджвалася на сістэму гульняў. Таксама ўжывалася ў сувязі з конкурсамі паэтаў, судовымі справамі ці нават у адносінах да выбараў па крытэрыях прыгажосці, што, зразумела, ні ў якім выпадку не памяншае яго ўплыў на спартыўную дзейнасць, асабліва тады, калі барацьба вялася за ўзнагароды. Як ужо падкрэслівалася вышэй, на тэрыторыі Старажытнай Грэцыі гульні праходзілі ў розных месцах і мелі, адпаведна, неаднолькавы рэйтынг. Калі грунтавацца на нейкай умоўнай класіфікацыі, то самымі важнымі лічыліся Алімпійскія гульні, потым Піфійскія гульні ў Дэльфах, затым ішлі Істмійскія гульні ў Карынфе і, нарэшце, Нямейскія гульні ў раёне Аргаліды. Усе яны мелі агульны панэліністычны статус. Праводзіліся таксама і іншыя, менш папулярныя спаборніцтвы, у тым ліку і такія, дзе прызначаліся грашовыя ўзнагароды. Усе спаборніцтвы падзяляліся на дзве групы. Да першай адносіліся тыя, пераможцы якіх атрымлівалі ў якасці галоўнага прыза, напрыклад, аліўкавы вянок. Другая група вызначалася тым, што ўзнагарода мела грашовае вымярэнне. Цікава заўважыць, што тыя пераможцы, якія атрымлівалі ў якасці галоўнага прыза вянец, мелі (перш за ўсё ад ўдзячных жыхароў свайго горада) шматлікія прывілеі. Вяртанне да дому адбывалася на калясніцы, якая павінна была праехаць праз спецыяльна зроблены разлом у крапасной сцяне. Атлеты, якія атрымлівалі грашовыя прызы, не сустракаліся з такім высокім узроўнем павагі, а памеры ўзнагароды звычайна вагаліся паміж адным талантам (*talantiaoi*) і паловай таланта (*hemitalantiaoi*). Праўда, трэба дадаць, што прызавыя сумы даволі часта падлягалі змяненням, а самі спаборніцтвы неаднойчы змянялі свой статус [3].

Асноўная частка

Філасофія алімпізму мае свае крыніцы ўзнікнення і да сённяшняга часу ўтрымлівае моцныя кантакты са шмат якімі сацыяльнымі феноменамі. Як падкрэслівае прафесар Юзэф Ліпец, само паняцце “філасофія алімпізму” выступае адразу ў некалькіх магчымых семантычных згадках і, перш за ўсё, у сваім першасным кантэксте, альбо старажытнагрэчаскай традыцыі правядзення спартыўных спаборніцтваў у святым анклаве Алімпіі. Іншае ўяўленне звязваецца з вызначэннем алімпізму з пазіцыі гістарычнай акрэсленасці ў яе кубертэнаўскім успрыманні, хоць, па вялікім рахунку, сам П’ер дэ Кубертэн разглядаў алімпійскі рух увогуле хутчэй з пункту гледжання рамантызму і сентыменталізму. Таксама алімпізм паўстае як своеасаблівае ідэалогія альбо праект сістэмы каштоўнасцей, які ўбудаваны ў алімпійскі ідэал. Яшчэ алімпізм можа разглядацца як дактрына грамадскага руху, што ператвараецца ў алімпійскі рух. Адсюць можна канстатаваць, што алімпізм распаўсюджваецца на прастору ўсяго спорту, а далей – на прастору ўсёй чалавечай культуры [4, s. 67–68].

Як адзначалася вышэй, акрамя Алімпійскіх гульняў, на тэрыторыі Старажытнай Грэцыі праводзіліся і іншыя спартыўныя спаборніцтвы падобнага ўзроўню, якія хоць і саступалі па сваёй папулярнасці алімпійскім, аднак з’яўляліся значнымі падзеямі ў жыцці краіны. Найбольш вядомымі з іх (ці тымі, звесткі пра якія дайшлі да нас) былі Піфійскія, Істмійскія і Нямейскія гульні. Да гэтага пераліку варта дадаць таксама традыцыйнае свята, што праводзілася ў гонар Афінаў на трэці год Алімпіяды ў перыяд жніва жыхарамі гэтага горада, неад’емнай часткай якога былі спартыўныя спаборніцтвы. Спаборніцтвы насілі агульнагрэчаскі характар, у іх прымалі ўдзел прадстаўнікі розных гарадоў-полісаў.

Піфійскія гульні праводзіліся ў Факідзе недалёка ад Дэльфаў, на Цырэйскай раўніне, у гонар бога Апалона праз кожныя чатыры гады, на трэці год Алімпіяды. Існуе міф пра тое, што Піфійскія гульні Апалон заснаваў на тым месцы, дзе ён забіў жаклівага змея Піфона. Пра асаблівую сувязь Піфійскіх гульняў з культурам Апалона сведчыць і тое, што першапачаткова ў іх праграму ўваходзілі толькі мусічныя спаборніцтвы (выступленні музыкантаў, спевакоў, танцораў, апекуном якіх лічыўся сам Апалон). Гістарычная традыцыя даводзіць, што ў 586 г. да н.э. пасля адной з войнаў паміж грэчаскімі гарадамі ў памяць пра загінуўшых былі ўпершыню праведзены паблізу Дэльфаў гонкі на калясніцах, а з 582 г. да н.э. гэтыя мясцовыя свята ператварыліся ў агульнагрэчаскія. З 586 г. да н.э. пачалі адлік чатырохгоддзяў – піфіяд. Пад уплывам спартанскіх звычаяў удзельнікі спаборніцтваў выступалі аголенымі. У спаборніцтвах стартавалі мужчыны, хлопцы і дзяўчаты. Узнагародай пераможца спачатку былі яблыкі, пазней – вянкi з галінак лаўра, што і да сённяшняга часу застаецца сінонімам самага высокага ганаровага вызначэння [5].

Гульні ў Дэльфах ствараюць магчымасці экстрапаляцыі адносна не толькі назвы агульнавядомых Алімпійскіх гульняў, але таксама вызначэння непасрэдных удзельнікаў. Калі ў 1896 г. намаганнямі французскага барона П’ера дэ Кубертэна было здзейснена адраджэнне Алімпійскіх гульняў і менавіта яны сталіся ўзорам для наступнага развіцця спорту, усе іншыя традыцыйныя формы саперніцтва, што нарадзіліся на тэрыторыі Старажытнай Грэцыі, засталіся на другім плане. Менавіта Алімпіяды, а не Дэльфіяды дамінаюць у сучаснай культуры грамадства. Як вядома, на Алімпіядых паміж сабой сапернічаюць спартоўцы. А вось у

Дэльфіядах удзел бралі пераважна прадстаўнікі мастацтва. І такі падыход спрабуе аднавіць у цяперашні час *International Delphic Council*, які створаны ў Берліне ў 1994 г. Мадэль спорту спрабуе прыстасавацца для канкурэнцыі майстроў у шэрагу жанраў мастацтва. Міжнароднае журы ў розных узроставах груп ацэньвае творы па выпрацаваных крытэрыях тых удзельнікаў, якія належаць, напрыклад, да творцаў скульптуры, жывапісу, кінамастацтва і інш.

Неабходна падкрэсліць, што сучасны дэльфійскі рух мае прамыя запазычванні менавіта з той культурнай імпрэзы, якая была заснавана ў Старажытнай Грэцыі. Жыхары Элады свята верылі, што асабіста Апалон спрычыніўся да заснавання традыцыі Піфійскіх гульняў. Як падаецца ў шэрагу крыніц Апалон, пад патранатам якога знаходзіліся музыка і паэзія, пастанавіў праводзіць ў Дэльфах артыстычныя гульні ў свой гонар. Першыя з іх, гульні 582 г. да н.э., распачаліся з цырымоніі паднашэння ахвяраў, а пасля гэтага сакральнага рытуалу можна было ўбачыць інсцэніроўку змагання Апалона з Пітонам, затым урачыстае шэсце, а ўжо потым праводзіліся розныя конкурсы ў музыцы, паэзіі, жывапісе і тэатральным мастацтве. Пераможцы атрымлівалі лаўровыя вянкi, а ў асаблівых выпадках ім ставілі помнікі. Дарэчы, помнікі ставілі таксама і ўдзельнікі гульняў. Адны з іх рабілі гэта ў якасці падзякі сваім багам і музам за ўласныя поспехі, а другія – за тое, што былі аштрафаваны за асабістыя несумленныя ўчынкі падчас саперніцтва. Пазней гэтыя сумы прызначаліся на ўзвядзенне новых сакральных пабудоў [6].

Менш вядома пра Істмійскія і Нямейскія гульні, якія традыцыйна лічацца найважнейшымі на тэрыторыі Старажытнай Грэцыі.

Істмійскія гульні былі арганізаваны ў гонар Пасейдона – уладара мора.

Яны праводзіліся ў сасновым гаі ў Істме на Карынфскім перашыйку з 581 г. да н.э. кожныя два гады, у першы і трэці год Алімпіяды, вясной. Праграма складалася з выступленняў флейтыстаў і кіфарэдаў і спартыўных спаборніцтваў, у якія ўваходзілі бег, барацьба, гонкі на калясніцах і конныя скачкі. Стартавалі ў іх мужчыны ў трох узроставых груп. Пераможцу ўзнагароджвалі вянком з сасновых галінак, (па іншых звестках, гэта быў вянок з галінак сэлера – расліны, якая прысвячалася Пасейдону). Карынф, паблізу якога адбываліся гульні, быў багатым і ўплывовым горадам, таму спаборніцтвы заўсёды праходзілі вельмі ўрачыста і прыцягвалі мноства людзей. Пераможцаў Істмійскіх гульняў узвялічвалі паэты, перш за ўсё Піндар і Вакхілід [5].

Нямейскія гульні праводзіліся ў гонар бога Зеўса і лічыліся рэлігійным святам, і ўпершыню яны адбыліся ў Нямеі (Аргаліда на Пелапанэсе) больш чым праз 200 гадоў пасля пачатку Алімпійскіх гульняў – у 573 г. да н.э. Пасля гэтага гульні праводзіліся кожныя два гады: на другі год алімпійскага чатырохгоддзя – восенню, на чацвёрты – зімой. Пры раскопках у Нямеі знайшлі руіны фундаментаў спартыўных аб'ектаў – стадыёна з трыбунамі для вялікай колькасці глядачоў, а таксама фундаменты шматлікіх заезных двароў з корчмамі, лазняў і басэйнаў для плавання. У праграме Нямейскіх гульняў былі розныя віды спорту, аднак самымі папулярнымі былі бег, барацьба і пентатлон. Пераможцы ўзнагароджваліся дубовымі вянкамі, і нават, як лічаць некаторыя гісторыкі вянкамі з плюшчу ці сельдэрэю. Арганізатары Нямейскіх гульняў неаднаразова спрабавалі дабіцца захавання ў Эладзе на час спаборніцтваў усеагульнага міру. Аднак, нягледзячы на ўсе іх намаганні, мір неаднойчы парушаўся, асабліва спартанцамі [5].

Трэба заўважыць, што практычна кожны старажытнагрэчаскі горад арганізоўваў свае спартыўныя спаборніцтвы. Найчасцей яны мелі лакальны характар і выглядалі як падрыхтоўка да тых найважнейшых гульняў, якія па прэстыжнасці ішлі адразу за Алімпійскімі гульнямі, а менавіта Піфійскіх, Істмійскіх і Нямейскіх. Акрамя названых вышэй гульняў, на тэрыторыі Старажытнай Грэцыі праводзіліся таксама іншыя спаборніцтвы, пра якія зараз узгадваюць не так часта, але яны тым не менш мелі адпаведны ўплыў на фарміраванне алімпійскай ідэі.

Напрыклад, Панафінскія гульні спалучаліся з традыцыйным святам у гонар Афінаў, якое арганізавалася на трэці год Алімпіяды. Праходзіла яно падчас жніва. Ад 586 г. да н.э. Панафінскія гульні прынялі спартыўны характар і сталі праводзіцца праз кожныя чатыры гады. Спартыўная праграма ўключала музычныя і конныя спаборніцтвы. Самай важнай часткаю праграмы лічыўся “лямпададрома” (*lampadodromos*), альбо бег са знічамі (менавіта адсюль бярэ пачатак добра вядомая зараз традыцыя эстафеты алімпійскага агню ад Алімпіі праз краіны і кантыненты да месца правядзення спаборніцтваў. Мэтаю ўдзельніка было пераадоленне вызначанай дыстанцыі такім чынам, каб полымя не згасла. Наступны ўдзельнік павінен быў перадаць паходню чарговаму бегуну сваёй каманды. Стартавалі выключна мужчыні ў трох узроставых катэгорыях. Пераможцы атрымлівалі рэчавыя ўзнагароды, сярод якіх былі і каштоўныя амфары чорнага колеру з намаляванымі фігурамі [5; 7].

Асобна неабходна пазначыць Герайскія гульні, ці гульні для жанчын. Яны арганізаваліся кожныя чатыры гады ў Алімпіі. Спаборніцтвы праводзіліся толькі ў адной дысцыпліне – бегу

на дыстанцыі у 5/6 стадыёну (160,22 м). У іх бралі ўдзел дзяўчаты, якія падзяляліся на тры ўзроставыя катэгорыі. Бегалі з распушчанымі валасамі ва ўбраннях, якія дасягалі каленяў і адкрывалі плечы да самых персяў. У якасці ўзнагароды атрымлівалі вянок з алівы і права выставіць у Алцісе свой асабісты намаляваны партрэт. Некаторыя гісторыкі лічаць, што агонь дзяўчат у Алімпіі старэйшы па часе, чым гульні сярод мужчын [5; 8]. Што датычыцца жанчын, то дадаткова трэба паведаміць, што ім увогуле было забаронена з’яўляцца на спартыўных аб’ектах, але гэтая забарона распаўсюджвалася толькі на Алімпійскія гульні. Спаборніцтвы сярод дзяўчат падчас Герайскіх гульняў праводзіліся практычна на тых самых стадыёнах, дзе спаборнічалі мужчыны. Рэлігійна-спартыўныя ўрачыстасці ў гонар багіні Геры мелі важнае культурнае значэнне. Захаваліся звесткі пра тое, што падчас Піфійскіх гульняў агонь праводзіліся не толькі сярод хлопцаў, але і сярод дзяўчат. Так, згодна са сведчаннямі гісторыка Атэнаіаса, у змаганнях на востраве Хіас у барацьбе дзяўчаты выступалі разам з маладымі мужчынамі. Як сцвярджаў Плутарх, ужо ў IX ст. да н.э. у Спарце дзяўчаты павінны былі трэніравацца ў бегу, барацьбе, кіданні дыску і дзіды. Гэта трэба было рабіць для таго, каб будучае дзіця развівалася ва ўлонні здаровай маці [9].

Варта дадаць, што азначаныя вышэй гульні разам з алімпійскімі спаборніцтвамі ўтваралі непарыўную сувязь, пра што сведчыць факт усталявання тытула Перыядоніка для таго атлета, які падчас аднаго алімпійскага чатырохгоддзя (ці аднаго перыяду) перамагаў у Алімпіі, Нямеі, Факідзе і ў Істміі Карыінфскай. Да нашага часу захавалася каля 60 імёнаў такіх трыумфатараў. Сярод іх выключных поспехаў дасягнулі Герадорас з Мегары, які перамагаў дзесяць разоў сярод трубачоў (328–292 гг. да н.э.), а так-

сама Мілон з Кратону, што шасціразова быў лепшым у барацьбе (540 г. да н.э. і ў 532–516 г. да н.э.).

Адным з найважнейшых дасягненняў філасофіі Старажытнай Грэцыі было фармаванне глабальнай ідэі гарманічна развітой асобы. На падставе яе ўзнікае паняцце “калакагатыя” (*kalos kai agathos* – прыгожы і добры), што спалучала прыгажосць фізічную і прыгажосць духоўную. Прычым, *kalós* акрэслівала прыкметы цела, якія дасягаліся дзякуючы фізічным практыкаванням і спартыўнай трэніраванасці, а *agathóa* адносілася да духоўных прыкмет – цнатлівасці, шляхетнасці, а таксама дасягнення сілы волі – памяркоўнасць і стрыманасць [7]. Тэарэтычныя падставы калакагатыі былі распрацаваныя Платонам (427–347 г. да н.э.), які сам быў пераможцам гульні ў Дэльфах. На думку Платона, розум і душа фарміруюць цялесную прыгажосць як эстэтычную каштоўнасць, але гэта адбываецца толькі тады, калі існуе свядомае імкненне да такога роду дасканаласці праз фізічныя практыкаванні.

Калакагатыя ў старажытных грэкаў паўстала ў якасці ідэала выхавання, дзе асабліва ўвага надавалася гарманічнаму развіццю душы і цела. Гэтае акрэсленне ў Старажытнай Грэцыі азначала ідэал развіцця чалавека, гарманічнае спалучэнне прыгажосці цела і духа. Калакагатыя гэтаксама можа інтэрпрэтавацца як арыстакратычны ідэал старажытнаафінскага выхавання. Дасягнуць такога стану можа такі чалавек (муж, мужчына), чыя цялесная прыгажосць дазваляе яму выказаць і адэкватна асэнсоўваць сваю асабовасць. Гэтаму ідэалу спрыяе высакароднае правядзенне вольнага часу, якое палягае на адданасці спартыўным практыкаванням, што адначасова маюць маральны ўплыў. Пазней пад уплывам Сакрата і сафістаў ідэал прыгожага чалавека-мужчыны

і смелага воіна замяняецца ідэалам асобы, якая паўстае ў вобразе добрага грамадзяніна, што інтэлектуальна развітаецца. Супярэчнасці паміж розумам і целам выказваюцца адносна таго, што духоўная прыгажосць супрацьпастаўляецца цялеснай пачварнасці. У дыялогах згаданага ўжо Платона праводзіцца думка пра тое, што маральнае і інтэлектуальнае развіццё немагчымыя без клопату пра цела.

Этычныя прынцыпы, якія былі абавязковымі для атлетаў, што змагаліся на спаборніцтвах, мелі свае жорсткія палажэнні, за парушэнне якіх існавалі розныя сістэмы пакарання. Напрыклад, штрафныя санкцыі накладваліся на тых спартоўцаў, якія спазняліся прыбыць у Эліду за месяц да пачатку гульні. Гісторыя захоўвае яшчэ шмат іншых фактаў, што сведчаць аб спаганні грашовых сум рознай велічыні. Прычым, галоўнымі з’яўляліся такія прычыны, як падманы, подкупы, стаўкі на вынікі спаборніцтваў, а аднаго разу пакаранне адбылося за баязлівасць. Грошы, якія былі атрыманы за несумленныя ўчынкі, прызначаліся на пабудовы статуі Зеўса. Згодна са старадаўнімі крыніцамі, усяго было ўсталявана 18 такіх помнікаў [10].

Такім чынам, старажытнагрэчаскія гульні падаюцца не толькі своеасаблівым парадом фізічных уменняў і дасягненняў тагачаснай культуры, але выконваюць вельмі важную ролю ў працэсе ўзнікнення, станаўлення, развіцця і распаўсюджвання шэрагу глабальных ідэй, якія дайшлі да нашага часу. Такі падыход мусіць выкарыстоўвацца ў дачыненні да сістэмы выхавання і адукацыі моладзі сённяшняга дня.

Заклучэнне

Спартыўныя гульні Элады маюць багатую і цікавую гісторыю. Дамінаванне менавіта Алімпіі ў шэ-

рагу разнастайных спаборніцтваў на вызначанай тэрыторыі абумоўлена самымі рознымі фактарамі, якія з неабходнасцю патрабуюць дадатковага асэнсавання і аналізу. Трэба, аднак, падкрэсліць, што Алімпійскія гульні па прэстыжнасці істотна пераважалі іншыя агульнагрэчаскія спаборніцтвы. Напрыклад, Салон, калі параўноўваў значнасць Алімпійскіх і Істмійскіх гульняў, адзначаў, што пераможца Алімпійскіх гульняў атрымліваў 500 драхмаў, а Істмійскіх – усяго 100. Гульні на тэрыторыі Грэцыі паўстаюць як феномен культуры і звязваюцца са спецыфікай развіцця самога грамадства, яго вераваннямі, традыцыямі, эканомікай, адносінамі да суседзяў і г. д. Амбіцыйнасць грэкаў, іх імкненне да перамогі, да таго, каб вызначыцца ў той ці іншай галіне чалавечай дзейнасці, павінны былі б знайсці нейкі выхад і па-за межамі бесперапынных войнаў. Антрапацэнтрызм з яго ідэяй гарманічна развітой і адначасова прыгожай асобы становіцца дамінантай філасофскай думкі на некалькі тысячагоддзяў наперад. Нездарма за эстэтычныя ідэалы грэкаў так ухапіліся мысліцелі эпохі італьянскага Адраджэння. Гульні праводзіліся не толькі дзеля саміх гульняў, яны прысвячаліся багам і праводзіліся ў гонар багоў.

Асаблівая размова павінна весціся пра свяшчэнны мір. На час правядзення старажытных Алімпійскіх гульняў ён быў падпісаны ў храме Геры ў Алімпіі на падставе пагаднення паміж Іфітам – правіцелем Эліды, Клейстэнам – правіцелем Пісы і Лікургам – правіцелем Спарты, змест якога быў выгравіраваны на бронзавым дыску. Гэты пакт можа лічыцца адной з найважнейшых характарыстык філасофіі алімпізму. Ён датуецца 884 г. да н.э. Яго падпісанне з’яўлялася гарантыяй перамір’я.

Свяшчэнны мір увасобіўся ў паняцці *ekecheiria*, што абазначала

“спыненне вайны”. Перамір’е на 1–3 месяцы было абавязковым падчас правядзення старажытных Алімпійскіх гульняў. Кожны раз спецыяльна высланыя вяшчальнікі паведамлялі грэкам пра дату гульняў і тлумачылі, што наступае экехейрыя. Свяшчэнны мір абавязваў усіх грэкаў да спынення ўзброеных канфліктаў на час падрыхтоўкі і правядзення спаборніцтваў. Да захавання свяшчэннага міру адносіліся вельмі сур’ёзна. У гісторыі вядомыя толькі некалькі выпадкаў, калі фіксаваліся парушэнні. У 420 г. да н.э. Спарта выслала тысячу салдат супраць горада Фіркас. За гэта яна была аштрафавана, а калі адмовілася плаціць штраф, то яе выключылі з ліку ўдзельнікаў гульняў. Аднак нехта Ліхас, які прадстаўляў менавіта Спарту, выставіў на спаборніцтвы сваю калясніцу, якая ў выніку была на фінішы першай. Перамогу адразу анулявалі і імя Ліхаса нідзе не ўзгадваецца ў афіцыйных спісах пераможцаў Алімпійскіх гульняў. Другі раз перамір’е спынілі ў 364 г. да н.э., калі Алімпію захапілі аркадзейцы, якія разам з пісанцамі паспрабавалі перахапіць арганізацыю гульняў. Яны трапілі пад абструкцыю з боку ўсіх іншых грэчаскіх гарадоў-полісаў, спаборніцтвы засталіся непрызнанымі, ці, як акрэслілі іх самі эліны, *anolympas* (неалімпіяда) [11].

Філасофія алімпізму ў сучаснай яе інтэрпрэтацыі ў выглядзе алімпійскай ідэі і алімпійскага руху, што ўтрымліваюць у сабе ідэі святога міру, роўнасці, гарманічна развітой асобы і Fair play, дадаюць шмат магчымасцей сістэме выхавання і адукацыі дзяцей і моладзі. Фізічнае выхаванне, спорт і фізічная рэкрэацыя ў культуры правядзення вольнага часу дапамагаюць паспяхова супрацьстаяць самым разнастайным дэвіяцыям, якія імкліва сталі распаўсюджвацца па ўсім свеце. Фарміраванне адпаведнай структуры спаборніцтваў у

асяроддзі моладзі дазваляе паспяхова змагацца з недахопам рукавай дзейнасці, адцягвае ад спажывання ў раннім узросце алкаголю і наркатыкаў, ад курэння, памяншае рызыку крымінальнай небяспекі. Шырокае распаўсюджванне інфармацыі пра старажытныя гульні, суаднесенне іх з сучаснымі тэндэнцыямі развіцця грамадства, заахвочванне дзяцей і моладзі да ўдзелу ў спартыўных спаборніцтвах з выкарыстаннем дасведчанасці папярэдніх пакаленняў ствараюць умовы для забеспячэння сацыяльнай раўнавагі. У сваю чаргу, прафесійны спорт знаходзіцца на скрыжаваннях свайго далейшага развіцця. Адзін з верагодных накірункаў вядзе да стварэння сістэмы Open games, калі атлеты ў сваіх змаганнях не будуць абмежаваны практычна ні ў чым, акрамя выканання падставовых правілаў у адпаведных відах спорту. Другі напрамак можа быць рэалізаваны згодна з палажэннямі сумленнай і высакароднай гульні – *Fair play games*, што ўтрымлівае ў сваім змесце галоўныя тэарэтычныя падыходы і распрацоўкі філасофіі Старажытнай Грэцыі ў яе алімпійскім успрыманні.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Лукиан.** Диалог скифа Анахарсиса с Солоном (об упражнении тела) / Лукиан // Олимпийский огонь; Спорт в творчестве поэтов мира : сб. / сост. В. П. Бурич. – Москва : Физкультура и спорт, 1980. – С.11–18.
2. **Люкевіч, Ул. П.** Гульні Старажытнай Элады / Ул. Люкевіч // Гульні і забавы ў культуры правядзення вольнага часу дзяцей і моладзі: тэорыя і практыка : зб. навук. прац / Брэсц. дзярж. ун-т імя А.С.Пушкіна [і інш.] ; рэдкал.: Ул. П. Люкевіч [і інш.]. – Брэст, 2014. – С. 3–7.
3. Agon: igrzyska [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://encenc.pl/agon-igrzyska/>. – Дата доступу: 29.05.2018.
4. **Lipiec, J.** Filozofia olimpizmu /

J. Lipiec. – Warszawa : Polskie Wydawnictwo Sportowe SPRINT, 1999. – 234 s.

5. Igrzyska nemejskie [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.olimpijski.pl/pl/126,inne-igrzyska.html>. – Дата доступу: 19.03.2014.
6. Olimpiada, czy delfiada? [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://religie.wiara.pl/doc/472424.Olimpiada-czy-delfiada>. – Дата доступу: 29.05.2018.
7. Heraje [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://historia.gazeta.pl/historia/1,107605,8083521,Starozytne_igrzyska_olimpijskie.html#ixzz1kScz2Q87. – Дата доступу: 01.02.2012.
8. Panatenaje [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.olimpijski.pl/pl/126,inne-igrzyska.html>. – Дата доступу: 19.03.2014.
9. Starozytne igrzyska olimpijskie (geneza, trwanie, konkurencje) [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.eduteka.pl/doc/starozytne-igrzyska-olimpijskie-geneza-trwanie-konkurencje>. – Дата доступу: 19.03.2014.
10. Kalokagathia [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.olimpijski.pl/pl/134,starozytne-idee.html>. – Дата доступу: 01.06.2018.
11. Ekecheiria [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.olimpijski.pl/pl/134,starozytne-idee.html>. – Дата доступу: 01.06.2018.

Паступіў у рэдакцыю 30.08.2018 г.
Кантакты: lucul@brsu.brest.by
(Люкевіч Уладзімір Паўлавіч)

Liukevich U. PHILOSOPHY OF OLYMPISM: PHENOMENON OF ANCIENT GREECE.

The fundamental aspects of sport appearance, formation, spreading and functioning in Ancient Greece are viewed with the philosophical interpretation. The author focuses attention on the philosophy of Olympism which implies modern ideas about the harmonious development of personality, equal rights, holy peace and fair play. The philosophy of Olympism shapes the Olym-

pic idea and helps to trace the development of the traditional system of moral values till modern times.

Keywords: philosophy of Olympism, Olympic idea, Olympic Games, holy peace, agon, ekecheiria, kalokagathia.

УДК 811.161.1'42:001

ИНТЕРРОГАТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ

О. Н. Чалова

кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

В статье рассматриваются особенности функционирования вопросительных актов речи в таком жанре общения, как устная научная дискуссия. Предпринимается попытка систематизировать обнаруженные в научной дискуссии вопросы, классифицировать их в соответствии с несколькими критериями, а именно с точки зрения их языкового оформления, характера запрашиваемой информации, способности реализовать тот или иной вид коммуникативной инициативы и некоторых других. Кроме того, в работе обосновывается количественная представленность разных типов вопросов.

Ключевые слова: научный диалог, вопросительные речевые действия, прямые и косвенные вопросы, интеррогативная иллокуция, коммуникативная инициатива.

Введение

В рамках настоящей работы под интеррогативной составляющей научного дискурса подразумевается совокупность вопросов, представленных в такой разновидности общения, как научная коммуникация.

При этом в фокусе нашего исследования находится не весь диапазон научной речи во всех ее проявлениях, а конкретный жанр, а именно **устная научная дискуссия**, то есть вербальное взаимодействие ученых, протекающее в реплицирующем режиме и разворачивающееся на научных форумах любого формата, например на на-

учной конференции, защите диссертации и др. Говоря иначе, устная научная дискуссия представляет собой непосредственный диалог представителей научной общественности с целью обсуждения научной проблемы.

Как показывают наши наблюдения, одним из самых частотных типов реплик, составляющих научный диалог, являются вопросы (интеррогативы). Высокая степень их востребованности в научной дискуссии объясняется той ролью, которую вопросы играют в процессе научной коммуникации. Во-первых, они активизируют коммуникацию, являются базой для возникновения общения как такового. Во-вторых, интеррогативные речевые действия организуют речь участников дискуссии, развивают диалог в определенном направлении. В-третьих, они служат средством контроля над выступлением собеседника и пр. Другими словами, прагматический потенциал вопросов в научной речи весьма высок и поэтому заслуживает внимательного изучения со стороны исследователей, включая лингвистов, ведь знание прагматики научной коммуникации, в том числе ее интеррогативной составляющей, может способствовать выявлению потенциальных трудностей, возникающих в процессе вербального взаимодействия ученых, и решению определенных коммуникативных проблем, а следовательно, оптимизации научного общения.

Несмотря на то что вопросительные речевые действия являются довольно популярным объектом лингвистического анализа [1; 2; 3 и др.], устная научная дискуссия, по нашим сведениям, сквозь интеррогативную "призму" подробно не рассматривалась. В связи с этим внимания заслуживает полная инвентаризация вопросительных высказываний.

Цель данной статьи, таким образом, заключается в квалификации и классификации интеррогативных

речевых действий, представленных в научной дискуссии, с точки зрения ряда параметров, что позволит увидеть механизмы возникновения, развития и завершения научного диалога (материалом исследования послужили стенограммы современных русскоязычных научных дискуссий по разным вопросам и отраслям знания).

Рассмотрим детально интеррогативную составляющую научного диалогического дискурса с точки зрения нескольких критериев (способ оформления, характер запрашиваемых сведений, способ регулирования коммуникативной инициативы и др.), которые, на наш взгляд, являются наиболее значимыми для характеристики вопросов в научной речи.

Основная часть

1. Способ оформления вопроса. Прямые и косвенные вопросы.

В научной дискуссии к **вопросам** следует относить любые запросы сведений, то есть речевые действия, направленные на получение определенной информации, вербальной реакции со стороны собеседника.

В изучаемом типе общения такие информационные запросы могут иметь как традиционное языковое оформление, предполагающее, например, использование вопросительных местоимений, специфическую интонацию, директивные глаголы (*поясните, расскажите, объясните, приведите пример*), так и косвенное.

В первом случае мы имеем дело с **прямыми вопросами**, во втором – с **имплицитными (косвенными)** интеррогативами, которые в синтаксическом отношении являются утверждением, а фактически представляют собой информационное требование, предполагающее комментарий партнера по общению, например: **Я считаю, что мы пока не готовы к политике глобализации.** – А я по-

лагаю, что нам пора научиться регулировать эти процессы. В приведенном диалогическом единстве первая реплика, по сути, вопросом не является, однако оппонент воспринимает ее именно как “приглашение” высказаться по соответствующему поводу, поделиться своими соображениями, что и позволяет приписывать ей статус вопроса.

По нашим наблюдениям, в научном диалоге можно выделить следующие разновидности косвенных вопросов:

1) сообщения об отсутствии определенной информации (<...> **Вы не сказали, но в тексте у Вас написано о деятельностном подходе, что это специфический подход методологического исследования** <...> – *Для меня исследование лучше всего иллюстрируется на методе восхождения от абстрактного к конкретному* <...>);

2) сообщения о непонимании (*Я просто обращаю внимание докладчика на то, что **понять текст нельзя.** Дальше я также **многого не понимаю** и не знаю, как быть.* – <...> *Я говорю о достижениях*);

3) тезис или предположение, подразумевающее подтверждение или опровержение (**Из Ваших слов следует, что в университете учатся только те, кто хочет уехать на Запад.** – *Нет. Процентом 30–40 так не думает, но 60 думает так.* <...>);

4) констатация собственного неведения/незнания (<...> **Не знаю, как здесь выходить из ситуации.** – <...> *если вести речь о позиционности, она и позволяет вывести субъективный план. Если это пространство прорисовывать*);

5) пожелание услышать определенную информацию (<...> **Я хочу послушать Никитина, поскольку считаю, что я вышел из ММК, ММК остался где-то позади, я в пространстве переноса опыта, и говорю всег-**

да, что история в ММК выступала в функции обоснования проектного подхода <...>);

б) критическое замечание (*Мне неинтересны ассоциации Никитаева или Тюкова по поводу твоего текста*).

Как видно, к косвенным обычно относятся высказывания, которые выражают конкретное эпистемическое состояние коммуниканта, а также отличаются семантикой, включающей модальные значения (в частности, модальное значение желания, согласия/несогласия).

Остановимся более подробно на последней из вышеупомянутых разновидностей косвенных вопросов – **критических замечаниях**, к которым в рамках данной работы причисляются любые негативнооценочные комментарии исследовательской позиции оппонента, а также выражение несогласия с ней (*Я не разделяю Вашего мнения. Вы хотите верить в это? Верьте. Но имейте в виду, что я считаю вашу веру наивной и, в какой-то мере, для XX века смешной и некультурной* <...>).

Приписывать негативнооценочным речевым действиям статус интеррогатива позволяет тот факт, что в научном дискурсе критика всегда вызывает ответную реакцию со стороны адресата, побуждает оппонента взять слово и отстоять или уточнить свою точку зрения, например: <...> *Кроме того, я не согласна с Вашим тезисом о том, что Сибирь и Дальний Восток находятся на начальном этапе индустриального развития. – Нет, не Сибирь, конечно, и не Западная Сибирь тем более. Я говорил о Бурятии и значительной части Дальнего Востока* <...>.

Объяснить появление критических замечаний в научной дискуссии легко: помимо того, что критика служит эффективным средством вовлечения коммуникантов в диалог, она

также выполняет и другие важные задачи в научной речи, в частности осуществляет мониторинг формы и содержания сообщений партнера по общению.

Что же касается остальных видов косвенных вопросов, то их наличие в научном дискурсе, основными качествами которого являются, как известно, четкость, строгость, ясность, эксплицитность и прочее, можно объяснить лишь с большей или меньшей степенью вероятности. Возможно, их использование в научном общении связано со стремлением коммуникантов снизить компонент директивности, присутствующий в традиционных вопросах (на наличие элемента директивности в вопросах указывал еще Дж. Серль [4]), или с желанием говорящего указать на причину появления своего вопроса (незнание, непонимание и пр.). Кроме того, употребление косвенных запросов информации может быть вызвано отсутствием необходимости формулировать вопрос целиком и т. д.

2. Характер запрашиваемых сведений.

Ранжирование вопросительных речевых действий по данному признаку отражает содержательную сторону интеррогативной составляющей научного дискурса.

Согласно данному параметру все представленные в научной дискуссии интеррогативы целесообразно разделить на три типа:

1) **справочные** – ориентированные на получение от собеседника объективной информации, не зависящей от точки зрения говорящего (*В каком году вышло первое издание? Реакция Вассермана была негативирована у всех больных?*);

2) **апеллирующие** – обращающиеся к модусу мнения собеседника (*Как Вы считаете? Ваши соображения на этот счет? Предполагаешь ли ты в своей конструкции рефлек-*

сии <...> различать ретроспективную, текущую и проспективную рефлексивность?);

3) **аранжирующие** – отвечающие за организацию и структурирование речевого взаимодействия (*Кто начнет? Можно по порядку? Повторите, пожалуйста, в микрофон*).

Понятно, что именно **справочные** и **апеллирующие** действия, которые составляют более 90% от общего числа вопросов, играют решающую роль в информативном развитии научного диалога. Видимо, по этой причине они представлены целым рядом разновидностей, например **интродуктивными интеррогативами** – вводящими новый аспект информации (*Является ли набор имеющихся средств необходимым и достаточным, чтобы считать, что с методологией можно иметь дело?*) или **уточняющими** – дополняющими, вспомогательными, нацеленными на разрешение возникших коммуникативных трудностей (*Что значат слова, что препарат зарегистрирован?*).

Что касается **аранжирующих** вопросов, то они, как правило, указывают на начало диалога или его завершение, а также на необходимость смены темы и проч. (*Ну что, перейдем к обсуждению? Я предлагаю обменяться мнениями и отпустить докладчика в связи с недостатком времени. Давайте буквально по минуте. Давайте обсудим что-нибудь одно*). Кроме того, они могут носить переспрашивающий характер (*Повторите еще раз тезис. Как он звучит?*).

К какому бы типу не принадлежал вопрос, очевидно одно: он призван выполнять исключительно важную функцию в диалоге – функцию коммуникативного развития речевого взаимодействия, что позволяет приписывать интеррогативным речевым действиям статус обязательного элемента научного диалогического обще-

ния, его неизменного атрибута и условия порождения.

3. Способ регулирования коммуникативной инициативы.

Помимо **передачи** слова собеседнику, интеррогативы в научной дискуссии способны осуществлять и другие виды контроля над коммуникативной инициативой (подробнее о регулировании коммуникативной инициативы [5, с. 214–219]), а именно взятие, захват или навязывание инициативы, а также отстранение или отказ от нее.

Взятие коммуникативной инициативы (далее – КИ) – переход инициативы, при котором слушающий берет ведущую роль, не пренебрегая волей собеседника (*Можно я попробую изложить некую интерпретацию конструкции и заодно поставить вопрос? Реплику можно?*)

Захват КИ отличается от взятия своим некооперативным характером, зачастую сопровождается перебиванием партнера по общению, например: (*Перебивает*) *Можно мне уже хоть что-то сказать?*

Наряду с захватом КИ в научном диалоге обнаруживаются вопросы, способные манифестировать и другие виды регулирования речевой инициативы, которые нарушают принципы кооперативного и толерантного общения либо не удовлетворяют такому требованию научного дискурса, как содержательная насыщенность (высокая информативность). К подобным способам контроля над КИ стоит причислять **навязывание** инициативы, представляющее собой, например, целую серию вопросов, адресованных одному человеку, **отстранение** от КИ с последующим предложением высказаться по другому поводу (*Перебивает*) *Я задаю вопрос раньше. Что значит “могут”?*), а также **отказ** от нее (*Может, кто-нибудь другой ответит на этот вопрос?*).

Конечно, наиболее типичными для интеррогативов, функционирующих в научной дискуссии, являются

такие способы реализации речевой инициативы, как **передача** и **взятие** КИ, так как они играют важную роль в организации и развитии научного диалога и полностью соответствуют всем требованиям институционального дискурса.

Что же касается вопросов, соотносящихся с приемами регулирования КИ, отступающих от норм конструктивного диалога (**захват**, **навязыванием**, **отстранение** и **отказ**), то они исключительно редко встречаются в научной дискуссии. Наличие подобных вопросов в изучаемом типе общения не является обязательной или желательной характеристикой научного дискурса, а есть не что иное, как своеобразный “отпечаток” реального режима времени, в рамках которого разворачивается научная дискуссия и который выделяет ее из ряда других жанров научной коммуникации.

4. Другие критерии дифференциации вопросов.

С нашей точки зрения, три выделенных и описанных выше критерия дифференциации вопросов наиболее полно раскрывают характер интеррогативной составляющей научного диалога.

Безусловно, можно выделить и другие параметры, в той или иной степени демонстрирующие специфику вопросительных действий, представленных в научной диалогической речи. В частности, критерий “кооперативный/некооперативный порядок оформления вопросов” позволяет разделить все интеррогативные акты на **кооперативные** и **некооперативные** (отвечающие и не отвечающие принципу вежливости). Однако такой подход к интерпретации вопросов едва ли можно назвать актуальным, так как, во-первых, он напрямую соотносится с классификацией интеррогативов по способу регулирования коммуникативной инициативы (см. предыдущий раздел), а во-вторых, он

не несет в себе особой эвристической ценности в силу минимальной (единичной) представленности в научной речи вопросов, имеющих некооперативную формулировку.

Кроме того, вопросительные действия в научной дискуссии можно разделить на **коммуникативные** (собственно вопросы, не несущие никакой дополнительной информации о ходе речевого взаимодействия) и **метакоммуникативные** (осуществляющие мониторинг содержания и формы общения, то есть уточняющие кодовые характеристики сообщений, предвосхищающие коммуникативные неудачи и пр.): *Кому был адресован вопрос? Что значит “реализована”?* Однако подобный подход очевидно коррелирует с классификацией вопросов по характеру запрашиваемых сведений (см. пункт 2), и, таким образом, необходимость в нем фактически отпадает.

Помимо этого, на первый взгляд может показаться любопытной дифференциация вопросов на **монофункциональные** – содержащие только вопросительную иллокуцию и **полифункциональные** – отличающиеся наличием нескольких иллокуций, например вопросительной и негативно-оценочной (**Вопрос-возражение: вы употребляете слово “технология” не так, как его...**) или вопросительной и утвердительной (**Хотелось бы узнать, как Вы собираетесь работать с политиками**). С другой стороны, данный исследовательский ракурс тесно связан с разделением интеррогативов на прямые и косвенные. Косвенные вопросы всегда характеризуются наличием двух иллокуций – интеррогативной и негативно-оценочной (в случае с критическими замечаниями) или интеррогативной и утвердительной (в случае со всеми остальными видами косвенных вопросов; о разновидностях косвенных вопросов см. подробнее пункт 1).

Заклучение

В заключение всего вышесказанного можно сформулировать вывод о том, что наиболее значимыми критериями для квалификации интеррогативной составляющей научного дискурса являются следующие: “способ оформления вопросов”, позволяющий выделить прямые и косвенные вопросительные действия, “характер запрашиваемых сведений”, предполагающий подразделение интеррогативов на справочные, апеллирующие и аранжирующие, а также “вид регулирования коммуникативной инициативы”, указывающий на способность вопросов осуществлять разные виды контроля над ведущей речевой ролью. Все остальные критерии классификации вопросов можно считать вспомогательными, так как они лишь дополняют основные.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Голубева-Монаткина, Н. И.** Вопросы и ответы диалогической речи: классификационное исследование / Н. И. Голубева-Монаткина. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 199 с.
2. **Казаковская, В. В.** Вопросно-ответные единства в диалоге “взрослый – ребенок” / В. В. Казаковская. – СПб. : Наука, 2006. – 456 с.
3. **Кузин, А. Н.** Вопросно-ответные единства: синтаксис и прагматика: на материале русских и английских пьес : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А.Н. Кузин ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2007. – 23 с.
4. **Searle, J. R.** Indirect Speech Acts / J. Searle // Syntax and Semantics / P. Cole, J. L. Morgan. – New York, 1975. – Vol. 3 : Speech Acts. – P. 59–82.
5. **Иссерс, О. С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 4-е изд. – Москва : УРСС, 2006. – 288 с.

Поступила в редакцию 03.10.2018 г.
Контакты: oksana-chalova@mail.ru
(Чалова Оксана Николаевна)

Chalova O. INTERROGATIVE COMPONENTS OF SCIENTIFIC DISCUSSION.

The article considers the problem of interrogative speech acts and their functioning in a scientific discussion as a communication genre. All the questions found in the scientific discussions under study have been systematized, i.e. classified according to several criteria, for example by their linguistic manifestation, their information potential, their ability to control communicative initiative and some others. Besides, the article has to do with the interpretation of some quantitative characteristics of interrogatives.

Keywords: scientific dialogue, interrogative speech acts, direct and indirect questions, interrogative illocution, communicative initiative.

УДК 11.133.1'37:811.161.3'37(045)

ФРАНЦУЗСКАЯ И БЕЛОРУССКАЯ СЕМЬЯ В КОНТЕКСТЕ КРОСС- КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е. А. Гапанович

кандидат филологических наук,
доцент
Минский государственный
лингвистический университет

В статье устанавливаются семантические основания варьирования коммуникативных ролей в ситуации межкультурного общения. Констатируется недостаточная представленность культурно-маркированных слов в белорусских и французских словарях, что не позволяет установить переводческие соответствия между реалиями семейной жизни в разных лингвокультурных сообществах и создает препятствия для сохранения в полном объеме культурного компонента лексических единиц (ЛЕ), репрезентирующей собственную национальную культуру при его передаче иноязычным коммуникантам. Особую значимость для раскрытия семантических оснований кросс-культурного общения и извлечения культурно-маркированных ЛЕ приобретает содержание аутентичных текстов. При выражении культурной семантики важно учитывать специфику внеязыковых расширенных контекстов, реконструкция которых обеспечивает высокий уровень сформированности социокультурных компетенций на практических занятиях по французскому языку в лингвистическом вузе.

Ключевые слова: кросс-культурная коммуникация, социокультурные компетенции, реалии, тематическая лексема, культурно-маркированный, коннотация, семантика, контекст.

В соответствии с современными лингводидактическими принципами на занятиях по иностранному языку в вузе обучаемые должны овладеть умениями расшифровывать нацио-

нально-культурную и эстетическую насыщенность вербального сообщения, что предполагает формирование у них социокультурных компетенций. В этом случае работа с аутентичными документами проводится как для отработки навыка самостоятельного извлечения студентами культурно-маркированных лексических единиц (ЛЕ), так и для контроля, в том числе и самопроверки уровня сформированности социокультурных компетенций. Несмотря на то что теория и технологии, ориентированные на эффективное обучение пониманию текста на иностранном языке, постоянно развиваются (Е. Е. Анисимова, Е.Н Соловова, Л. А. Филимонюк, Д. А. Удод, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов), до сих пор не был разработан четкий алгоритм действий, позволяющий не только осмыслить лингвокультурологическую специфику сообщения, но и раскрыть семантические основы процесса трансляции культурной семантики в ситуации общения, моделируемой после прочтения текстов. Разработанные ранее методические рекомендации ориентировали на поиск переводческих соответствий и были сведены к разъяснению, как достичь **адекватности перевода**. Отсюда действия преподавателя, направленные на достижение понимания обучаемыми иноязычного текста, заключались лишь в снятии языковых трудностей, т.е. в объяснении семантико-функциональных особенностей новых ЛЕ. Однако инструкции для самих обучаемых, как обнаружить и декодировать культурно-маркированные единицы, а также указания, что считать приоритетом – переводные соответствия или же актуализацию национально-культурного компонента семантики ЛЕ – до сих пор не были предложены. Отметим, что современные лингвокультурологические изыскания ориентированы на раскрытие лексикосемантических способов

описания родной культуры средствами иностранного языка. Как видим, в учебных материалах констатируется усиление культурной составляющей, направленное на развитие чувства национального достоинства.

На продвинутом этапе изучения иностранного языка кросс-культурная коммуникация часто моделируется как диалог носителя и не-носителя языка. В таких условиях важность приобретает способность говорящего как назвать предмет мысли, так и передать адресату свои эмоционально-чувственные представления и культурно-оценочные коннотации, связанные с референтом. Вместе с тем наблюдается недостаточность учебно-методической литературы, освещающей данную тематику.

Целью данного исследования является раскрытие семантических оснований варьирования коммуникативных ролей в ситуации межкультурного общения на практических занятиях по французскому языку в лингвистическом вузе.

Как показывает наблюдение и анализ практических занятий по французскому языку как второму иностранному (например, по дисциплинам “Практика устной и письменной речи”, “Лингвострановедение второго иностранного языка”), при введении национально-маркированных лексических единиц (ЛЕ) преподаватель, как компетентный и авторитетный источник знаний, сам предоставляет студентам соответствующие комментарии страноведческого и культурологического характера. Возможна также отсылка к толковым или переводным словарям, где основным ориентиром служит лексикографическая помета, называющая регион употребления данной ЛЕ (например, *en France/ en Afrique/ en Belgique* ‘во Франции, в Африке, в Бельгии’). Однако подобная экспликация национальной принадлежности социокультурных фактов

представлена в недостаточном объеме. Так, из 132124 значений французских ЛЕ, входящих в корпус “Нового французско-русского словаря” [1], самого полного на сегодняшний день из существующих французско-русских словарей, выявлено только 472 маркированных ЛЕ, что не позволяет его считать основным источником лингвострановедческой информации. Например, для ЛЕ тематического поля “Семья” методом сплошной выборки из словаря было выявлено всего четыре ЛЕ, а именно *fleur de lis* ‘геральдическая лилия (эмблема королевской власти во Франции) Династия Бурбонов во Франции’, *la fête des Mères* ‘Женский день, День матерей (во Франции, отмечается в июне)’, *résidence privilégiée* ‘льготное пребывание (для лиц, имеющих супруга или родственников во Франции, срок до 10 лет)’, *droit de prélèvement* ‘право французских наследников на часть находящегося во Франции наследственного имущества при признании права на наследование за иностранными наследниками’. В самих учебных пособиях по французскому языку крайне редко встречаются лингвострановедческие комментарии за исключением специализированной серии изданий типа *Civilisation en dialogues* или *Civilisation progressive*.

В отношении критериев отбора учебного лингвострановедческого материала характерна большая концентрация безэквивалентных (лакун и реалий), коннотативных и фоновых ЛЕ, тропов и прецедентных феноменов. Заметим, что таковыми могут быть тексты аутентичных документов, относящиеся в первую очередь к социальной сфере общения, а именно *les échanges et relations sociales* ‘контакты и социальные отношения’ [2, р. 3–9] и в частности посвященные тематической номинации *famille* ‘семья’. Так, в ходе лингвистического анализа за корпусов специализированных,

художественных и газетных текстов, а также результатов ассоциативных экспериментов нами была установлена высокая степень культурной маркированности последнего¹. Отметим, что заслуженным спросом пользуются современные зарубежные учебно-методические комплексы, например, *Les Loustics* 'Семья Лустиков', букв. "Семья шутников", предлагающие коммуникативно-ситуативное обучение, в которых семья является личностно-коммуникативным пространством и определяется *fait culturel* 'культурным фактом' [3, р. 71], а обучаемые таким образом знакомятся со всеми реалиями повседневной жизни ячейки французского общества.

Для того чтобы иноязычная лексема вошла в активный словарь обучаемых, одного только анализа набора ее языковых и прагматических значений недостаточно. Так, Т.А. Иванкова справедливо считает важным сохранение контекста родной культуры в иностранном языке путем передачи значений, смыслов, коннотаций, ценностных категорий, не выпадающих в представлениях разных наций об одних и тех же или сходных объектах действительности [4, с. 118]. Как видим, в семантические основы ситуации межкультурного общения, следует включать и контекст принимающей культуры.

Важно отметить, что работа с культурологическим контекстом включает в себя несколько уровней анализа, а именно: денотативный, когда культурозначимые сведения выражены в прямой эксплицитной форме; коннотативный, на котором культурная специфика содержится в экспрессивных и эмоционально-оценочных обертонах; ассоциативный, когда культурная специфика представлена в ассоциативных связях лексических

и фразеологических единиц; метафорический, который объединяет культурноспецифичные сведения, отраженные в метафорах, сравнениях и образах, присущих тому или иному языковому коллективу [5, с. 203].

Вместе с тем полисемантический характер внутренней формы тематической номинации "Семья" обуславливает возможность ее употребления как в узком, так и в широком контекстах.

Под узким культурным контекстом мы понимаем реализацию ЛЕ в конкретной ситуации межличностного общения, т. е. носитель языка с носителем языка. Например, при сенсификации тематической лексики "Семья" для привлечения внимания и создания интереса у обучаемых студентам предлагается прослушать диалог двух француженок, в котором одна из них делится новостью о рождении племянника и приятных хлопотах [2, р. 6], связанных с этим поводом, или, как его иначе называют французы, употребляя устойчивую номинацию *heureux événement* 'радостное событие'. Как видим, в этом случае носителями языка используется коннотативно-окрашенная устойчивая номинация. Сравним также вопрос о предстоящем прибавлении в семье: *C'est pour quand, cet heureux événement?* Кроме того, для представления о лингвострановедческих реалиях, определяющих своеобразие современной французской семьи, обучаемым необходимо ассоциировать с национально-маркированными лексическими единицами французского языка ту же информацию, что и типичный носитель языка. С этой целью актуализируются такие фоновые ЛЕ, как французские личные имена мальчиков и девочек, популярные во франкоязычном обществе. Вместе с тем на денотативном уровне осмысления культурного контекста внимание обучаемых обращено на такие француз-

¹ В тематических рядах данного поля приблизительно каждое шестое слово отражает специфику французской национальной языковой картины мира.

ские реалии, как *faire-part* 'уведомление (о рождении, свадьбе)', *le livret de famille* 'семейная книжка, удостоверение семьи', *déclaration de naissance* 'заявление о рождении и регистрация ребенка в государственных органах', содержание которых раскрывается с помощью дефиниционного анализа.

Лексико-семантические основы межкультурной коммуникации о фактах и феноменах семейной жизни французов расширяются в ходе анализа шуточного содержания аутентичных документов и понимания/декодирования, например, в поздравительных открытках игры слов и даже прецедентных² иллюстраций, изображающих мальчиков в кочане капусты, а девочек в окружении роз.

Однако для полноценной актуализации в ситуации общения средств лексической трансляции **собственной** (белорусской) национальной культуры учебного материала, опирающегося только на самые типичные ситуации общения для носителя французского языка, недостаточно. Поэтому, кроме понимания культурных коннотаций чужой культуры, особую методическую значимость имеет сравнение с аналогичными реалиями, существующими в родной культуре, а в нашем случае – белорусскоязычном обществе.

В свете вышесказанного методическую ценность также имеют расширенные контексты употребления, т. е. межнациональные и межкультурные ситуации межкультурного общения.

Однако, обратившись к текстам, представляющим для французского сообщества белорусские реалии социальной, и в том числе семейной, жизни (например, к путеводителям по стране), мы можем выявить ряд переводческих несоответствий.

² Согласно французскому поверью о том, что "les petits garçons naissent dans les choux et les petites filles dans les roses" 'мальчиков находят в капусте, а девочек среди кустов роз'.

Этим подтверждается целесообразность учитывать семантические основы ЛЕ исходя из контекстуального анализа культурной семантики, а не путем поиска словарных эквивалентов.

Так, в путеводителе "Le petit futé. Biélorussie" в тексте, посвященном браку и семье, реалией, характеризующей особенности семейной жизни белорусов, является *la babouchka*³, *la tatie*, а не *маці* [6, с. 60–65]. В отличие от контекстуального окружения ЛЕ *маці*, ЛЕ *бабуля* в белорусском языке может сочетаться с отрицательными эпитетами. Кроме того, в ассоциативном словаре число негативных реакций на слово-стимул БАБУЛЯ [7, с. 24] было больше практически в два раза количества негативных реакций на слово-стимул МАЦІ (15 против 8). Сравним: три первых реакции на слово-стимул БАБУЛЯ → *старая* (74); *добрая* (32); *старэнькая* (16) и для слова-стимула МАЦІ → *сродная* (43); *бацька* (38); *мая* (31) [7, с. 146, 148]. Как следует из дефиниции в словаре *Larousse: Vieille femme russe* [8, p. 129]. 'Старая русская женщина'. Например, в высказывании:

Les babouchkas continuent à pelleter les amas de neige fraîche, protégées par leurs éternelles chapkas 'старые женщины в России не перестают убирать лопатами сугробы не-

³ Лексема с такой внешней формой (посредством транслитерации) вошла в словари французского языка благодаря роману "Французское завещание" Андрея Макина, а также переведенным на французский язык художественным произведениям Льва Толстого. Например: *Elle traversait la cour sans jamais aller s'installer sur le banc des babouchkas, L'institution sans laquelle la cour russe n'est pas pensable* 'Она проходила через двор, никогда не присаживаясь на скамейку рядом с бабушками, своего рода местную организацию, без которой жизнь во дворе немислима' (Andreï Makine, Le testament français, p. 33). Или: *Tout le monde comprenait que Charlotte n'était pas tout à fait une babouchka russe* 'Все понимали, что Шарлотта не совсем русская бабушка' (Andreï Makine, Le testament français).

давно выпавшего снега и носят постоянно шапки' (Antoine Cibirski, Quarante, p. 78) данная номинация имеет невысокую положительную оценку.

Кроме того, переводчиками справочного издания *Petit faté. Biélorussie* была допущена ошибка: в белорусском литературном языке нет слова *бабушка*, но есть *бабуля*. Как видим, авторы не стали вводить во французский язык еще одну реалию исходя из общности русской и белорусской культур. Сравним представление данной реалии в путеводителе, посвященном России:

Comment présenter la famille russe sans évoquer la babouchka? La grand-mère occupe une place centrale, c'est le pilier de la famille. On l'imagine un peu enveloppée, les joues rosies par le froid, emmitouflée dans un manteau un peu fatigué et son visage dans un fichu coloré. Elle semble avoir traversé les époques et les difficultés. Elle est solide et ne se plaint pas, enfin, si on ne lui parle pas de la Russie d'aujourd'hui. Elle vous dira alors que "c'était mieux avant". La vie y était certes difficile, mais ils étaient soignés, avaient un toit et de quoi se mettre sous la dent. Les temps ont changé, ne rendant pas la vie plus facile aux retraités. 'Как представить русскую семью, не вспомнив про бабушку? Бабушка занимает центральное место, это основа семьи. Мы ее представляем закутанной в одежды, с щеками, раскрасневшимися от мороза, закутанной в слегка заношенное пальто и в разноцветном платке. Кажется, она пережила все времена и трудности. Она крепкая и не жалуется, если только не говорить с ней о сегодняшней жизни в России. Тогда она скажет вам, что "раньше было лучше". Жизнь тогда была, конечно, трудной, но они были ухожены, имели крышу над головой, и у них было, что положить в рот. Времена изменились, но жизнь пенсионеров не стала легче' [9].

Выявленные переводческие неточности не снижают ценности и культурной насыщенности исследуемой реалии. Так, ее национальная специфика заключается и в том, что она представляет не только субъект, но и социально значимый и культурный феномен: бабушки, сидящие на лавочке (*le banc des babouchkas*). А также: *Elle est non seulement le pilier de la famille, mais de la société aussi sur laquelle elle exerce une forme de contrôle. Solide et optimiste, traditionnellement assise sur un banc dans la cour, la babouchka observe scrupuleusement ce qui se passe autour d'elle n'épargnant pas les remarques adressées à tous ceux qui, de son point de vue, ont une conduite inconvenante. La société contemporaine lui semble incompréhensible.* 'Она не только основа семьи, но и общества, за которым она осуществляет своеобразный контроль. Крепкая и оптимистичная, традиционно сидящая на скамейке во дворе, бабушка внимательно наблюдает за происходящим вокруг нее, не жалея замечаний, адресованных всем тем, кто с ее точки зрения ведет себя неподобающе. Современное общество кажется ей непонятным' [6].

Как видим, тематическая номинация родства, не являющаяся наиболее частотной в родной белорусской культуре (таковой является *маці*), позволяет создать культурный контекст. Ее культурная значимость заключается в том, что именно через ее обобщенный образ и его атрибуты носитель французского языка воспринимает специфику белорусской семьи. *Et si vous lui demandez son avis sur le monde d'aujourd'hui, elle vous dira que c'était mieux avant quand les gens travaillaient dur sans jamais se plaindre et que les jeunes ne sont jamais satisfaits car ils sont gâtés et ne savent plus travailler* 'И если вы спросите ее мнения о жизни сегодня, она ответит вам, что раньше было лучше, хотя и

приходилось много работать, но тогда люди никогда не жаловались, современная же молодежь никогда ничем не довольна, потому что она избалована и не умеет работать'.

Кроме того, сравнительный анализ двух текстов на французском языке про белорусскую и русскую бабушку при кажущемся сходстве дефиниций позволяет выявить различие культурных контекстов. Для русской бабушки используются описательные конструкции, и ее отличительным признаком является одежда (закутанная в пальто и в разноцветный платок). Очевидно, это обусловлено тем фактом, что французы обращают в первую очередь внимание на суровые погодные условия в России. В то время как для белорусской бабушки значима специфика ее поведения и жизненной позиции, т. е. роль наставника в жизни общества. Другими словами, русская бабушка – это отдельно взятая коммуникативная личность, белорусская же бабуля олицетворяет собой коммуникативное пространство. Именно в таком широком культурном контексте ЛЕ *babouchka* закреплена во французском языке и встречается в других употреблениях. Сравним название театральной труппы *“Le Grenier de Babouchka”*, объяснение которого предлагается зрителям на официальном сайте: *Babouchka c'est la grand-mère en russe, celle qui raconte des histoires aux enfants pour les aider à s'endormir, celle qui véhicule les légendes, qui transmet le savoir, la sagesse... Tout comme le théâtre, ce lieu magique où tout est possible. 'Babouchka – иначе говоря, бабушка (по-русски) – та, которая рассказывает детям на ночь сказки, та, которая сохраняет и передает легенды, передает знания, мудрость... Совсем как в театре, в этом волшебном месте, где все возможно' [10].*

В заключение отметим, что возможные трудности перевода единиц

тематической группы “Семья” не являются существенными для передачи релевантной ей культурной семантики. Важным признается тот факт, насколько корректно сохраняется специфичное культурное наполнение национальных, а в нашем случае белорусскоязычных номинаций терминов родства и образов семейной жизни при их передаче на французский язык. С этих позиций в содержание методических рекомендаций по формированию социокультурной компетенции обучаемых предлагается включать особенности реализации культурно-маркированных ЛЕ в различных контекстах культуры. Незначительное присутствие во французских и белорусских лексикографических изданиях культурно-маркированных единиц тематического поля «Семья» делает тексты аутентичных документов единственным источником для извлечения указанных ЛЕ. Вышеназванные факты обуславливают объективные трудности в процессе формирования социокультурных компетенций, а также возможные ошибки в кросс-культурной коммуникации белорусов и французов. Вместе с тем выявленные в ходе лингвокультурологического анализа узкий и широкий культурные контексты употребления тематической номинации “Семья” характеризуются вариативностью коммуникативных ролей, а именно межкультурное общение носителя с носителем языка и носителя с не-носителем языка соответственно. Вербальная объективация фактов собственной культуры с исключительно положительно-оценочной коннотацией (в отличие от иноязычных эквивалентов) позволяет развить познавательный интерес к белорусскоязычной культуре и повысить мотивацию и стремление обучаемых выразить ее национальные достоинства средствами иностранного языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большой французско-русский словарь АБВУД Lingvo / М. Сизых (ред.). – М. : АБИ Пресс, 2010. – 980 с.
2. **Grand-Clément, O.** *Civilisation en dialogues : niveau débutant / O. Grand-Clément.* Paris : CLE International, 2007. – 128 p.
3. **Denisot, H.** *Les loustics 2 : Livre de l'élève / H. Denisot.* – Paris : Hachette FLE, 2013. – 72 p.
4. **Иванкова, Т. А.** Национально-маркированная лексика в англоязычных газетах России / Т. А. Иванкова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – № 3(105). – С. 113–118.
5. **Добросклонская, Т. Г.** Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи : монография / Т. Г. Добросклонская. – М. : УРСС Эдиториал, 2005. – 288 с.
6. *Biélorussie, guide touristique Petit Futé 2018–2019 : Mode de vie // Petit Futé Biélorussie* [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: https://www.petitfute.com/p_181-bielorussie/guide-touristique/c47773-mode-de-vie.html. – Дата доступа: 25.10.2018.
7. **Уфимцева, Н. В.** Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов. – М., 2004. – 800 с.
8. *Le petit Larousse illustré.* – Paris : Larousse, 2016. – 2044 p.
9. *Russie, guide touristique Petit Futé : Mode de vie // Petit Futé Russie.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.petitfute.com/pl82-russie/guide-touristique/c40197-mode-de-vie.html>. – Дата доступа: 01.10.2018 г.
10. *Le grenier de Babouchka* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legrenier.asso.fr/>. – Дата доступа: 25.10.2018.

Поступила в редакцию 06.12.2018 г.
 Контакты: Gapanovich74@tut.by
 (Гапанович Евгения Александровна)

Hapanovich Y. FRENCH AND BELARUSIAN FAMILIES IN THE CONTEXT OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION.

The article deals with semantic grounds for variation in communication roles in situation of intercultural communication. The author submits that there is an insufficient representation of culturally marked words in Belarusian and French dictionaries, that does not allow to establish equivalence between family life's realities belonging to different linguistic and cultural communities. Under these circumstances it is impossible to retain cultural component of lexical units in its entirety when it is transmitted to foreign-language communicants and represents one's own national culture. The content of authentic texts is of particular importance for revealing the semantic bases of cross-cultural communication as well as extracting culturally marked lexemes. When expressing cultural semantics, it is important to take into account the specifics of extra-linguistic extended contexts. Their reconstruction provides a high level of students' socio-cultural competence studying French at linguistic university.

Keywords: cross-cultural communication, sociocultural competences, realities, thematic lexeme, culturally marked, connotation, semantics, context.

УДК 81'25(045)

О НЕПЕРЕВОДИМОСТИ В ПЕРЕВОДЕ, ИЛИ МОЖНО ЛИ ПЕРЕВЕСТИ НЕПЕРЕВОДИМОЕ

Т. И. Гаранович

старший преподаватель
Минский государственный
лингвистический университет

В статье рассматриваются различные взгляды ученых на проблему непереводимости. Непереводимость представляется в философских категориях формы и содержания в контексте проблемы их взаимосвязи. Анализируются языковые единицы, которые традиционно представляются непереводимыми, в частности особенности передачи реалий, игры слов и грамматических категорий, отсутствующих в языке оригинала.

Ключевые слова: непереводимость, содержание, форма, эквивалент, реалия, игра слов, способы и приемы перевода.

Введение

Среди лингвистов, переводчиков, философов существовали и существуют абсолютно разные мнения относительно возможности передачи при переводе текста оригинала – от убежденности в невозможности перевода в принципе до полного отрицания непереводимости.

Основная часть

В. Гумбольдт, придерживавшийся мнения о единстве языка и мышления, считал перевод невыполнимой задачей, поскольку, как он пишет в письме к А. Шлегелю (23 июня 1796 г.), цитируемому нами по работе А.В. Федорова, “каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет своего

подлинника. Нечто среднее между тем и другим не только трудно достижимо, но и просто невозможно” [1, с. 42]. А.В. Федоров также приводит мнение А. Шлегеля, уподобившего процесс перевода поединку, “в котором неизбежно погибает один из его участников – либо автор подлинника, либо переводчик” [1, с. 42].

М. Сервантес сравнивает перевод с рассматриванием фламандских ковров с изнанки, когда “хоть и видишь фигуры, они все же затуманены покрывающими их нитями, и пропадает вся окраска и гладкость лицевой стороны” [2, с. 353].

Х. Ортега-и-Гассет в эссе “Нищета и блеск перевода” задается вопросом о том, не является ли перевод утопическим занятием, поскольку “писать хорошо – значит постоянно подтачивать общепринятую грамматику, существующую норму языка”, а переводчик вместо того, чтобы сражаться с грамматикой, предпочтет обратное: “заклучит переводимого писателя в темницу лингвистической нормы, словом, предаст его” [3, с. 337]. Двойную операцию “быть просто-напросто понятным и в то же время поколебать обыденное употребление языка... осуществить труднее, чем пройти по слабо натянутому канату” [3, с. 338].

В приведенных цитатах под непереводимостью понимается невозможность сохранения при переводе одновременно и содержания, и формы оригинала. Однако обязательно ли сохранять при переводе и содержание, и форму и возможно ли это в принципе? Эта проблема упирается в философскую проблему взаимосвязи формы и содержания и, в частности, в вопрос о том, что из них первично.

Если исходить из того, что первична форма и любое ее изменение неизбежно влечет за собой изменение содержания, то перевод действительно невозможен в принципе по причине различий между языками, так как при

переводе форма – уже на уровне отдельного слова – меняется практически всегда: русское слово *стол* мы передадим на немецкий язык как *Tisch*, на английский как *table*, а на китайский как 表, т. е. меняется и звучание слова *стол*, и его написание. Если под сохранением формы при переводе понимать дословный перевод оригинала и сохранение структуры предложений, то и это часто невозможно в силу различий в объеме значений слов в исходном и переводящем языках и различий в их грамматическом строе.

Если же считать форму вторичной по отношению к содержанию и рассматривать ее исключительно как способ выражения содержания, то вполне можно допустить, что таких способов может быть больше одного, т. е. что “одно и то же содержание может облекаться в различные формы” [4, с. 278]. При таком подходе необходимость изменения при переводе формы оригинала непереводимости не означает.

Именно передачу содержания ставят во главу угла сторонники возможности полноценного перевода с одного языка на другой. Ярким представителем ученых, имеющих такое видение перевода, был Р. Якобсон, утверждавший, что “весь познавательный опыт и его классификацию можно выразить на любом существующем языке” [5, с. 364].

Эту же мысль мы встречаем в объяснениях межъязыковых различий В.А. Плунон: “Языки отличаются друг от друга не тем, что на одном языке о чем-то можно говорить, а на другом нельзя: давно известно, что на любом языке в принципе можно выразить любую мысль” [6, с. 92].

Мы полагаем, что, поскольку потребность в переводе существует, выполнять перевод необходимо. Делать это, вероятно, можно абстрагируясь от теоретической проблемы тожде-

ства и различия оригинала и перевода, а именно того, считать ли перевод тем же текстом, что и оригинал, воспроизведенным на другом языке, или же уже другим текстом, но концентрируясь на максимально полной передаче как содержания, так и формы оригинала.

Так, Х. Ортега-и-Гассет, хотя и рассуждает о невозможности перевода, не считает его бессмысленным делом, отмечая, что ему “было очень важно подчеркнуть нищету перевода, особенно определить его трудности, его неосуществимость, но вовсе не для того, чтобы на этом остановиться; напротив, чтобы, оттолкнувшись от этого положения, мы смогли устремиться к возможному блеску искусства перевода” [3, с. 349].

Согласно У. Эко, несмотря на теоретические рассуждения о невозможности перевода, “на практике мы всегда сталкиваемся с парадоксом об Ахилле и черепахе: теоретически Ахилл никогда не догонит черепаху, но в действительности, как учит опыт, он ее обгоняет” [7, с. 18].

Об этом же пишут и С. Влахов и С. Флорин, по мнению которых, “теорию непереводимости опровергла живая переводческая практика, превосходные работы плеяды талантливых переводчиков, и доказывать ее несостоятельность значило бы ломиться в открытую дверь” [8, V].

Если попытаться выделить конкретные единицы и явления в исходном языке, которые могут считаться непереводимыми, то мы остановимся, во-первых, на реалиях, во-вторых, на игре слов и, в-третьих, на грамматических категориях, которые разным образом представлены в разных языках.

Во многих научных работах по переводу, посвященных анализу передачи реалий, делается вывод о большой сложности или даже невозможности их перевода в силу культурной специфики и отсутствия эквивалентов,

т. е. прямых регулярных соответствий, в переводящем языке. Таким образом, с неперебиваемостью отождествляется отсутствие эквивалента.

Между тем отсутствие в переводящем языке эквивалента реалии вовсе не означает невозможности ее передачи. Как отмечает В.Н. Комиссаров, “наличие безэквивалентных единиц не означает, что их значение не может быть передано в переводе или что они переводятся с меньшей точностью, чем единицы, имеющие прямые соответствия” [9, с. 148], т. е. существует ряд способов создания окказиональных соответствий.

Согласно Р. Якобсону, “там, где отсутствует понятие или слово, можно разнообразить и обогащать терминологию путем слов-заимствований, калек, неологизмов, семантических сдвигов и, наконец, с помощью парафраз” [5, с. 364].

Действительно, какими бы национально специфическими ни были реалии, их всегда можно передать одним из универсальных способов перевода, к которым относятся транскрипция, транслитерация, калькирование и описательный перевод. Кроме того, три первых способа могут сопровождаться переводческим примечанием. Для передачи реалий также используются генерализация, т. е. обобщенный перевод, и функциональные аналоги [9; 10].

Таким образом, рассматривая перевод реалий на определенном материале, остается лишь анализировать частотность и причины выбора того или иного способа перевода в конкретных случаях, поскольку сами способы перевода реалий хорошо известны и подробно описаны в переводческой литературе.

В связи с этим нам представляется уместным обратиться к работе С. Влахова и С. Флорина “Неперебиваемое в переводе”, которая посвящена как раз тому, как переводятся “не-

переводимые” реалии разных видов. Свою задачу авторы видят в том, чтобы по прочтении их книги переводчик пришел “к заключению, что на самом деле неперебиваемого в переводе нет” и не относил “неудачи, обусловленные отсутствием настойчивости и сообразительности, за счет неперебиваемой игры слов” [8, VIII].

Игра слов, так же, как и реалии, часто представляется неперебиваемой, а ссылка на нее – приемлемым оправданием отсутствия перевода. Вспомним, например, цитату из известного фильма:

Дальше следует неперебиваемая игра слов с использованием местных идиоматических выражений (к/ф “Бриллиантовая рука”, реж. Л.И. Гайдай).

С неперебиваемостью при этом отождествляется невозможность сохранить при переводе неизменными одновременно и форму игры слов, и замысел автора.

Поскольку игра слов чаще всего строится на многозначности, когда обыгрываются разные значения одного слова, либо на омонимии, то сохранение ее формы в переводящем языке действительно часто затруднительно. В таких случаях, однако, применяется прием компенсации, суть которого состоит в замене элемента, который невозможно передать дословно, другим, соответствующим нормам переводящего языка и замыслу автора.

Многие опытные переводчики, признавая сложность передачи игры слов, не относят ее к неперебиваемым явлениям. Н. Галь, например, пишет о необходимости искать при переводе способы и приемы, позволяющие избежать потерь и передать все “краски автора”. “Что-то выйдет удачно, что-то похуже. Одно плохо *всегда* – обычное оправдание, сноски: “*неперебиваемая игра слов*”. Это – расписка переводчика в собственном бессилии” [11, с. 209].

Эту же мысль мы встречаем и у Д.М. Бузаджи и А.В. Ковальчука, по мнению которых, “непереводимость... не следует смешивать с непереведенностью. Иными словами, не должно признаваться непереводимым то, что перевести можно, даже если это очень трудно” [12, с. 62]. Игру слов и подобные явления Д.М. Бузаджи и А.В. Ковальчук не относят к непереводимым потому, что если одному переводчику их передать не удалось, то это “не означает, что удовлетворительное решение не могло быть найдено в принципе” [12, с. 62].

Всю абсурдность списывания возникающих при переводе трудностей на непереводимость иллюстрирует следующий пример из книги Н. Галь “Слово живое и мертвое”: “...один наш математик переводил специальный труд и вдруг застрял – не удавалось проникнуть в суть мысли автора. И какой-то весельчак, видимо начитавшийся романов с этими самыми сносками, присоветовал: – А ты напиши: дальше следуют пятьдесят страниц непереводимой игры слов...” [11, с. 209].

Что касается разного представления в языках грамматических категорий, то в случаях, когда в исходном языке есть категория, которой нет в переводящем, особых трудностей при переводе не возникает, поскольку “отсутствие в ПЯ одностипного соответствия для той или иной формы ИЯ означает лишь невозможность использовать в переводе аналогичную форму или пословный перевод” [9, с. 150].

По Р. Якобсону, “труднее точно следовать оригиналу, когда мы переводим на язык, в котором есть грамматическая категория, отсутствующая в языке оригинала” [5, с. 365]. Речь идет о том, что переводчик может оказаться в ситуации, когда по правилам переводящего языка ему обязательно надо указать, например, род или

число, которые не выражены в исходном языке. Именно в этом, согласно Р. Якобсону, и состоит основное отличие языков: “языки различаются между собой главным образом в том, что в них не может не быть выражено, а не в том, что в них может быть выражено” [5, с. 365]. В.А. Плунон формулирует эту мысль следующим образом: “языки отличаются друг от друга теми сведениями, которые, говоря на каждом из них, нельзя не сообщать – то есть, иными словами, тем, о чем на этих языках сообщать обязательно” [6, с. 92].

Рассмотрим эту весьма существенную, по нашему мнению, трудность перевода на примерах.

Немецкое существительное *Geschwister* не содержит точного указания на число и пол обозначаемых лиц и не имеет однословного соответствия в русском языке. Вне контекста, на уровне отдельного слова, однозначно ясно только то, что обозначаемых словом *Geschwister* лиц как минимум два и что это лица разного пола. И если в определенном контексте *Geschwister* можно перевести как *братья и сестры*, не выясняя дополнительной информации, например, *Hast du Geschwister? – У тебя есть братья и сестры?*, то во многих случаях это невозможно.

Например, если при переводе предложения *Er streitet sich oft mit seinen Geschwistern* мы используем соответствие *братья и сестры*, мы можем допустить смысловую ошибку, так как у человека, упоминаемого в немецком предложении, может быть один брат и одна сестра, несколько братьев и одна сестра, несколько сестер и один брат, несколько сестер и несколько братьев. Соответственно, с точки зрения объема значения слова *Geschwister*, возможны 4 варианта перевода этого предложения на русский язык:

1) *Он часто ссорится с братом и сестрой.*

2) Он часто ссорится с братьями и сестрой.

3) Он часто ссорится с братом и сестрами.

4) Он часто ссорится с братьями и сестрами.

В таком случае для выбора адекватного варианта перевода необходимы дополнительные сведения о количестве и поле лиц, упоминаемых в оригинале, поскольку переводчику обязательно нужно указать в русском языке род и конкретизировать число.

Необходимость указания рода возникает и при переводе с русского языка на польский глаголов в форме 3-го лица множественного числа прошедшего времени. В русском языке в предложении *Они пришли вовремя* форма *пришли* может относиться к лицам любого пола. В польском языке переводчику необходимо сделать выбор между лично-мужской формой *przyszli*, относящейся к мужчинам или группе лиц, в которой есть хотя бы один мужчина, и нелично-мужской формой *przyszly*, которая используется, когда речь идет о женщинах, детях, животных или о неодушевленных предметах. Соответственно, в таком случае переводчику требуются дополнительные сведения, так как по правилам польского языка не сообщить их при переводе он не может.

В английском языке у многих существительных отсутствует категория рода, характерная для русского языка. Это значит, что такие слова, как *student* или *writer* могут относиться к лицам как мужского, так и женского пола. В русском языке этим словам соответствуют по два существительных: одно для обозначения лица мужского пола – *студент*, *писатель* и одно для обозначения лица женского пола – *студентка*, *писательница*. К этой же категории относится и слово *friend* из следующего предложения:

Russian Grand Duchess Anastasia Nikolaevna at the age of 13 was one of

the first teenagers to take her own picture using a mirror to send to a friend in 1914.

Для выбора одного из двух соответствий – существительного мужского рода *друг* и существительного женского рода *подруга* – переводчику необходимо знать, о лице какого пола идет речь, иначе может быть допущена смысловая ошибка.

Однако дополнительные сведения, о необходимости получения которых упоминалось и в предыдущих примерах, не всегда можно найти в контексте. В данном случае контекст не содержит указания на пол адресата Анастасии Николаевны, а в интернет-источниках вообще встречается информация о том, что Великая княжна делала фотографию для отца или посылала ее друзьям, т. е. нам не удастся установить, кто именно обозначается в английском языке словом *friend*.

Возможно, именно в этом случае одним из вариантов преодоления возникшей трудности может быть опущение, поскольку в широком контексте информация об адресате несущественна, однако такой прием не решает проблемы передачи категории рода в аналогичных случаях в принципе. К тому же существенность и несущественность информации – понятия весьма относительные.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что непереводаемость трактуется учеными по-разному и представляет собой сложную теоретическую проблему, которая на сегодняшний день не имеет единого решения. Вместе с тем практика показывает, во-первых, что переводы как продукт многочисленны и востребованы и, во-вторых, что существует целый ряд способов и приемов, позволяющих успешно преодолевать возникающие при переводе трудности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Федоров, А. В.** Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностранных языков : учеб. пособие / А. В. Федоров. – 5-е изд. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Издательский Дом “ФИЛОЛОГИЯ ТРИ”, 2002. – 416 с.
2. **Сервантес Сааведра, М. де.** Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский / М. де Сервантес Сааведра. – Москва : Наука. – 2003. – Т. 2. – 790 с.
3. **Ортега-и-Гассет, Х.** Нищета и блеск перевода / Х. Ортега-и-Гассет // Что такое философия? – Москва : Наука, 1991. – С. 336–352.
4. **Спиркин, А. Г.** Философия : учебник / А. Г. Спиркин. – 2-е изд. – Москва : Гардарики, 2006. – 736 с.
5. **Якобсон, Р.** О лингвистических аспектах перевода / Р. Якобсон // Избранные работы. – Москва : Прогресс, 1985. – С. 361–368.
6. **Плунгян, В. А.** Почему языки такие разные / В. А. Плунгян. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. – 272 с.
7. **Эко, У.** Сказать почти то же самое: опыты о переводе / У. Эко. – СПб. : Симпозиум, 2006. – 568 с.
8. **Влахов, С.** Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – Москва : Международные отношения, 1980. – 342 с.
9. **Комиссаров, В. Н.** Теория перевода: (Лингв. аспекты) / В. Н. Комиссаров. – Москва : Высш. шк., 1990. – 250 с.
10. **Мисуно, Е. А.** Перевод с английского языка на русский язык : практикум : учеб. пособие / Е. А. Мисуно, И. В. Шаблыгина. – Минск : Аверсэв, 2009. – 255 с.
11. **Галь, Н.** Слово живое и мертвое / Н. Галь. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 352 с.
12. **Бузаджи, Д. М.** Сущность, причины и виды непереводимости / Д. М. Бузаджи, А. В. Ковальчук // Мосты. – № 1(49). – 2016. – С. 58–70.

Поступила в редакцию 05.12.2018 г.
 Контакты: tatiana_garanovich@rambler.ru
 (Гаранович Татьяна Игоревна)

Garanovich T. UNTRANSLATABILITY IN TRANSLATION, OR IS IT POSSIBLE TO TRANSLATE THE UNTRANSLATABLE.

The article describes different views on the issue of untranslatability. Untranslatability is represented in philosophical categories of form and content in the context of the problem of their interconnection. The author analyzes language units that are traditionally considered untranslatable, in particular peculiarities of rendering cultural references, pun and grammatical categories that are absent in the source language.

Keywords: untranslatability, content, form, equivalent, cultural reference, pun, ways and methods of translation.

УДК 821.161.3.09

**БЕЛАРУСКАЯ АПАВЯДАЛЬНАЯ
ГІСТОРЫЯ 20–30-х гг. XX ст.:
АСАБЛІВАСЦІ ФОРМЫ І СТЫЛЮ**

А. В. Шарапава

старшы выкладчык
Беларуска-Расійскі ўніверсітэт
(Магілёў)

У артыкуле разглядаецца жанравая мадыфікацыя “апавядальная гісторыя” 20–30-х гг. XX ст. на прыкладзе творчасці Сымона Баранавых, Андрэя Мрыя, Лукаша Калюгі. Вызначаюцца форма- і стылеўтваральныя асаблівасці гэтай мадыфікацыі, характарызуецца сказавая форма як адзін з варыянтаў апавядальнай гісторыі.

Ключавыя словы: жанр, апавяданне, жанравая мадыфікацыя, апавядальная гісторыя, сказ, канкрэтны і абстрактны аўтар, наратар і нарататар, няўласна-аўтарскі апавед, тэкставая інтэрферэнцыя.

Уводзіны

Пазнанне мастацкага твора немагчыма без усебаковага яго аналізу, без асэнсавання спецыфікі адлюстравання рэчаіснасці ў ім. Кожная новая эпоха, новы гістарычны перыяд уплываюць на мастакоў слова, што прыводзіць да адметнага пошуку імі ідэйна-тэматычнага і структурна-стылёвага кшталту. Адпаведна, жанралогія ўвесь час працуе не толькі з нейкімі застылымі формамі, а і з такімі, што мяняюцца, удасканальваюцца, мадыфікуюцца. Таму жанравастылёвы аналіз мастацкага твора пры наяўнасці пэўных аксіём, апрыёрных тэзісаў таксама павінен увесь час удасканальвацца з улікам з’яўлення новых мастацкіх тэкстаў, бо не заўсёды тэарэтычныя жанралагічныя высновы, зробленыя ў адносінах да папярэдніх перыядаў развіцця літаратуры, падыходзяць да перыядаў наступных.

У артыкуле характарызуецца такая жанравая мадыфікацыя апавядання, як апавядальная гісторыя. А.М. Макарэвіч вылучае найбольш важныя паказчыкі падобнай мадыфікацыі – наяўнасць апавядальніка і сітуацыі расказвання¹, а таксама звяртае ўвагу на ступень дачынення апавядальніка да падзей мінулага, на яго мэты пры ўзнаўленні пэўных фактаў мінулага і на адпаведнасць паміж светапоглядам і перакананнямі апавядальніка і аўтарскай мастацка-філасофскай пазіцыяй [1, с. 115]. Аналіз апавядальных гісторый вызначанага перыяду паказвае, што да метадалагічных прыёмаў, якія плённа “працавалі” пры даследаванні твораў XIX – пачатку XX стст., неабходна далучыць і іншыя, распрацаваныя ў галіне нараталогіі.

Асноўная частка

20-я і 30-я гг. XX ст. у гісторыі беларускай літаратуры вызначаюцца адметнасцю ў формаўтваральных і стылёвых адносінах. Змест твораў, якія адлюстроўвалі сучасную аўтарам рэчаіснасць, сам па сабе быў ужо наватарскім, яшчэ нязведаным (асабліва гэта тычылася перыяду 20-х гг.). “Светапогляд новага часу дае глебу для ідэі бесперапыннага змянення, працэсу. Народжаныя ім ідэі цягнуцца да бясконцасці. І паставіць кропку, вырвацца з мітусні і калейдаскапічнага мігцення ўяўленняў, зрокавых формаў, фарбаў і г. д., “закругліць” [усё гэта. – А.Ш.] – мастаку новага часу дае сілу менавіта прычашчэнне да традыцыі: жанру, сюжэта, вобраза”² [2, с. 60]. Але імкненне творцаў да новага выражалася ў той жа час і ў абнаўленні

¹ “Кампазіцыйна арганізуючым цэнтрам апавядальнай гісторыі з’яўляецца вобраз апавядальніка, які ўзнаўляе праз успамін-распавед адно ці некалькі здарэнняў з уласнага жыцця альбо жыцця знаёмых яму людзей” [1, с. 114].

² Тут і далей пераклад з рускай і ўкраінскай мовы аўтара гэтага артыкула.

класічных жанраў, наданні ім новага гучання. У гэты час назіраецца сітуацыя, калі мадыфікацыя “апавядальная гісторыя” не толькі існуе ў сваім класічным выглядзе (выразная сітуацыя расказвання, персаніфікаваныя вобразы наратора, часам некалькіх, і – не заўсёды – аднаго ці некалькіх нарататараў³, рэтраспекцыйнае ўзнаўленне рэчаіснасці⁴, але і набывае новыя рысы. Гэтыя пошукі ў галіне ўскладнення і абнаўлення формы твораў у беларускай літаратуры сведчылі пра ўзросшы духоўны патэнцыял суб’ектаў беларускага прыгожлага пісьменства. “<...> форма ёсць выражэнне актыўных цэнсных адносін аўтара-творцы і ўспрымальніка (супрацьтворцы формы) да зместу; усе моманты твора, у якіх мы можам адчуць сябе, сваю актыўнасць, што цэнсана адносіцца да зместу, і якія пераадольваюцца ў сваёй матэрыяльнасці гэтай актыўнасцю, павінны быць аднесены да формы” [3, с. 77]. Такім чынам, у гэты перыяд апавядальная гісторыя не проста існуе, але і эвалюцыяніруе: набывае новыя стылі- і формаўтваральныя асаблівасці.

Вылучэнню варыяцый гэтай жанравай мадыфікацыі дапамагае авалоданне катэгарыяльным апаратам і аксіёмамі тэорыі апавядання – нараталогіі, а таксама выкарыстанне іх пры аналізе мастацкага тэксту⁵.

³ Наратар і нарататар – асноўныя катэгорыі нараталогіі (тэорыі апавядання), якія абазначаюць адпаведна апавядальніка і ўспрымальніка інфармацыі. Гэта апавядальныя інстанцыі ўнутрытэкставай камунікацыі [4, с. 55, 72; 5, с. 72, 83; 6, с. 39–40].

⁴ Класічныя ўзоры апавядальных гісторый дае М. Гарэцкі (цыклы апавяданняў “Досвіткі”, “Сібірскія абразкі”). Больш падрабязна пра гэта гл. крыніцы [1; 7; 8].

⁵ Кожны твор мае некалькі апавядальных (камунікатыўных) узроўняў, на якіх, калі карыстацца высновамі І.П. Ільіна, “камуніцыруюць адзін з адным галоўныя апавядальныя інстанцыі (адпраўшчык і атрымальнік мастацкай інфармацыі) <...>” [4, с. 94]. Першы, найбольш выразны, апавядальны ўзровень – канкрэтны аўтар і канкрэтны чытач: я, ты, ён. Другі ўзровень – абстрактны (імпліцытны) аўтар,

вядома, што наратар з’яўляецца кампазіцыйным цэнтрам апавядальнай гісторыі. Абапіраючыся на думку французскіх, некаторых нямецкіх, рускіх і ўкраінскіх наратолагаў [4, с. 73; 5, с. 83–84; 6, с. 72–73] пра тое, што ненаратывнага апавядання не існуе, а апавядальнік можа быць як ярка выяўлены (экспліцытны наратар), так і з нулявой ступенню выяўлення ўвогуле (імпліцытны наратар), да апавядальнай гісторыі можна адносіць тэксты з неперсаніфікаваным наратарам, у якіх прысутнічаюць: а) фармальныя прыкметы сітуацыі апавядання; б) больш-менш выяўлены вобраз слухача ці чытальніка (нاراتатара)⁶. М.М. Бахцін увогуле надаваў адрасатам выказвання вялікае значэнне: “Гаворачы, я заўсёды ўлічваю аперцэпцыйны фон успрымання майго маўлення адрасатам <...>. Гэты ўлік вызначыць і выбар жанру выказвання, і выбар кампазіцыйных прыёмаў, і, нарэшце, выбар моўных сродкаў, гэта значыць стыль выказвання” [3, с. 467].

Паказальныя ў гэтым плане вынікі аналізу апавядання Сымона Баранавых “Моцька” (1928). Яно пачынаецца і заканчваецца зваротам-заклікам да чытача, і гэта ўтварае своеасаблівую канструкцыю абрамлення. “Калі вы будзеце ехаць альбо праходзіць цераз пасёлак Навадвор’е, дык, будзьце паскавы – заходзьце да старо-своеасаблівае, як адзначае І.П. Ільін, “другое я” [4, с. 46] пісьменніка, і абстрактны (імпліцытны) чытач, які можа выяўляцца як мяркуемы чытач або як ідэальны рэцыпіент (гэта ўжо залежыць ад яго функцыянальных асаблівасцей). Трэці апавядальны ўзровень – наратар (апавядальнік, апавядач) і нарататар. Чацвёрты апавядальны ўзровень – гэта персанажы мастацкага свету, пра які расказвае наратар. Выдзяленне апавядальных узроўняў было прапанавана В. Шмідам, які творча перапрацаваў ідэі М.М. Бахціна (у першую чаргу), Ф.К. Штанцэля і інш. Пазнейшыя спробы стварэння мадэляў камунікатыўных узроўняў узыходзілі да мадэлі В. Шміда, напрыклад, аналагічная мадэль Я. Літвельта.

⁶ Спалучэнне гэтых умоў дапаможа пазбегнуць памылкі аднясення ўсіх тыпаў суб’ектнага апавядання да апавядальнай гісторыі.

га Моцькі!” [9, с. 45] – пачатак; “Дык будзьце ж ласкавы, калі будзеце ў тым баку, дзе жыве Моцька, – будзьце так уважлівы – заходзьце. <...> Заходзьце, а то, яў-права, закрыўдуе” [9, с. 55] – фінал твора. Звароты да чытача неаднаразова сустракаюцца і ў тэксце. Цікава, што яны спалучаюцца з разнастайнымі індэксамі сітуацыі расказвання, напрыклад, з указаннем часу здарэння і, адпаведна, рэтраспекцыйным узнаўленнем гэтага здарэння: “Раней гэта было. Тады, як Моцька яшчэ быў у карчме. Вы не ведалі Моцькі. Вам не было ніякага інтарэсу да чалавека, які жыве ў гэтай выветранай будыніне, што выкінута за вёску, нібы вывезенае, непатрэбнае смяццё” [9, с. 46]. Экспліцытнае выяўленне нарататара⁷ засноўваецца на выяўленні апавядальніка, таму ідэальны рэцыпіент з лёгкасцю можа выклікаць у сябе пэўны вобраз апошняга.

Цікавай асаблівасцю твора з’яўляецца пераважнае ўжыванне дзеясловаў у форме цяперашняга часу незакончанага трывання (*вісіць*⁸ *лямпа*, *кажа* *стары Лявон*, *Элька махае рукой* і г. д.). Паводле В.У. Вінаградава, “Цяперашні час сам па сабе пазбаўлены руху. <...> Ён сумяшчае ў сабе і намінацыйную і семантычную функцыі” [10, с. 229]. Магчыма, прыхільнасцю да дзеяслоўных формаў цяперашняга часу тлумачыцца той факт, што ў творчасці С. Баранавых апавядальная гісторыя, якая патрабуе “апавядальнага дынамізму” [10, с. 229], шырока не прадстаўлена. Сведчаннем жа пошукаў у гэтым кірунку з’яўляецца апавядальная гісторыя “Боты” (1928). Тут пісьменнік спалучае формы дзеясловаў цяперашняга (пры абмалёўцы статыч-

ных эпізодаў: “Цяпер от сядзіць за сталом, *абедае ды кляне*” [9, с. 57]) і прошлага (пры расказе пра мінулае дзядзькі і непасрэдна пра прадмет аповеду – здарэнне з ботамі: “Але ж, *але – адсталі ад падэшвы, выскалілі зубы*” [9, с. 61]) часу. Ды і сам твор мае традыцыйную для гэтай жанравай мадыфікацыі кампазіцыю: уступ, здарэнне, фінал з вывадамі. Часткі гэтыя аддзяляюцца адна ад адной нават графічна. Наратар у гэтым творы апасродкавана, праз пэўныя індэксы, выяўляецца адукаваным чалавекам, які хутчэй за ўсё сам назіраў гэта здарэнне і хоча як мага дакладней перадаць яго. Менавіта ў гэтым ключы неабходна разглядаць уступ як своеасаблівы план-канспект гісторыі (“Па-першае, хто такі мой дзядзька? Колькі яму гадоў? <...>” [9, с. 56]); на гэта ж працуюць і неаднаразова тлумачэнні незразумелых слоў персанажаў (*пераяда*, *валока*). Яшчэ адна асаблівасць дадзенай апавядальнай гісторыі – ужыванне ў апаведзе наратара слоў персанажа, якія ён (апавядальнік) акцэнтуюе, выдзяляючы двукоссем (“*боскі*” *дар*, “*святлыя*” *абразы*, “*малакасосавы*” *насмешкі*). В. Шмід называе такую з’яву “*прамая намінацыя*” [6, с. 215] і звязвае з ёю інтэрферэнцыю (налажэнне, аб’яднанне) тэкстаў наратара і персанажа.

“Пры ўсім уяўным раўнапраўі тэксту наратара і тэксту персанажа нельга выпусціць з-пад увагі, што гэтыя тэксты злучаны ў апавядальны тэкст “арганізуючай сілай” тэксту наратара <...>” [6, с. 197]. “<...> *выказванне спаласавана нібыта далёкімі і ледзь чутнымі водгукамі зменаў суб’ектаў маўлення і дыялагічнымі абертанамі, да канца аслабленымі межамі вызначэнняў, зусім пранікальнымі для аўтарскай экспрэсіі*” [3, с. 465]. Гэтыя цытаты (а іх можна прыводзіць шмат) звяртаюць увагу даследчыкаў на пра-

⁷ Варта адзначыць папулярнасць падобнага прыёму ў беларускай апавядальнай гісторыі названага перыяду. Пра гэта гл. у крыніцы: [11, с. 340].

⁸ Тут і далей падкрэслена аўтарам гэтага артыкула.

блему інтэрферэнцыі тэкстаў, якая з'яўляецца асабліва актуальнай для суб'ектывізаванага аповеду, а значыць, і для апавядальнай гісторыі, што развіваецца пераважна ў межах падобнага тыпу нарацыі.

Асабліва выразна назіраецца падпарадкаванне маўлення персанажа маўленню наратора ў такой форме апавядальнай гісторыі, як сказ. Сказ як тып аповеду быў прадметам шматлікіх літаратурных дыскусій. Але ў апошнія часы пад гэтым тэрмінам маецца на ўвазе не толькі прыцып моўнай стылізацыі⁹, а і пэўная сюжэтная-кампазіцыйная завершанасць. Б. Эйхенбаум, Ю. Тынянаў, В. Вінаградаў, Н. Кажэўнікава ў сваіх даследаваннях падзялялі сказ на два тыпы. Падсумоўваючы папярэднія даследаванні, наратолаг В. Шмід адрознівае: “1. *Характэрны сказ* <...>. 2. *Арнаментальны сказ* <...>” і характарызуе іх так: “*Якому-небудзь дакладнаму апісанню паддаецца толькі першы, “класічны” тып. Другі тып існуе толькі на фоне першага як дыяпазон разнастайных адхіленняў, якія атрымліваюцца ў выніку накладання арнаментальнай фактуры на апавядальны тэкст. Гаварыць пра сказ у вузкім сэнсе гэтага паняцця мэтазгодна, калі маюцца наступныя прыкметы: 1. Наратарыяльнасць <...>. 2. Абмежаванасць разумовага гарызонта наратора <...>. 3. Двухгаласасць <...>. 4. Вуснасць <...>. 5. Спантаннасць <...>. 6. Размоўнасць <...>. 7. Дыялагічнасць <...>” [6, с. 190–191].*

Сказ як квінтэсэнцыя апавядальнай гісторыі захоўвае яе формаўтваральныя асаблівасці. На першы план у ім выступаюць асаблівасці стылёвыя, якія зале-

⁹ Класічнае азначэнне сказа даў В. Вінаградаў: “Сказ – гэта своеасаблівае літаратурна-мастацкае арыентацыя на вусны маналог апавядальнага тыпу, гэта – мастацкая імітацыя маналагічнага маўлення, якая, увасабляючы ў сабе апавядальную фэбулу, нібыта будуюцца ў парадку яе непасрэднага гаварэння” [10, с. 49].

жаць ад абавязковых першых трох прыкмет. Такім чынам, сказ – аповед персаніфікаванага наратора (часам другога ці трэцяга ўзроўню), звычайнага чалавека з народа ці пэўнай сацыяльнай групы, якога абстрактны аўтар адлюстроўвае з іроніяй або гумарам¹⁰. Даследчыкі адзначаюць асаблівую папулярнасць сказаў у перыяд грамадскіх пераўтварэнняў [10, с. 53; 12, с. 97–98, 102]. Беларускія аўтары ў 20–30-я гг. XX ст. таксама далучаліся да гэтай тэндэнцыі, хоць, магчыма, і не далі такога багацця і аб'ёму сказаў і сказавых формаў, як у рускай літаратуры.

Андрэй Мрый у сваіх апавяданнях узвышэнскага перыяду творча выкарыстоўваў прыёмы сказа. Апавядальная гісторыя “Гармонія ў ружовым” (1927) уяўляе сабой складаную канструкцыю “сказ у сказе” з персаніфікаваным нараторам у кожнай, якая заснавана на «“паўкультурным” маўленні» [13, с. 240]¹¹. “Маўленне арыентавана на літаратурную мову толькі ў асобных яго элементах, якія найбольш рэзка кідаюцца ў вочы, – газетных штампам, канцылярызмах, і ў той жа час найбольш далёкіх ад першапачатковага моўнага вопыту і найбольш кантрасных у адносінах да яго” [13, с. 241]. Першасны апавядальнік расказвае пра “наш калектыў служачых канторы Драздоўскага трэсту”, пра

¹⁰ В. Вінаградаў вельмі экспрэсіўна ахарактарызаваў моўную плынь сказа: “Сказ можа грунтавацца на ўжыванні тых элементаў маўлення, якія прызнаюцца аномаліямі. <...> На фоне нармальнага маналагічнага маўлення пабудовы такога тыпу ствараюць уражанне моўнай паталогіі. Аднак, калі абстаноўка і псіхалагічны вобраз апавядальніка не знаходзіцца ў арэале трагічных эмоцый, то моўная паталогія канчаецца камічнай гульнёй слоўнымі пачварнасцямі” [10, с. 52].

¹¹ У сказавых аповедах назіраецца відавочнае разыходжанне грамадскіх і сацыяльных пазіцый канкрэтнага аўтара і створага ім апавядальніка. Менавіта праз абсурдызацыю тэксту наратора аўтар мог выказаць свае адносіны, практычна заўсёды негатыўныя, да адлюстраванай і сапраўднай рэчаіснасці.

іх частыя сустрэчы са спрэчкамі на “бягучыя тэмы дня” і пра “фізкультурнае вырашэнне пытанняў” – “вадзяную аперацыю”, пра лекцыю “Аб натуральным падборы ў шлюбе” [14, с. 264–265]. Сказ першаснага наратора абмалёўвае сітуацыю аповеду, у межах якой другасны наратар Марка Белабус расказвае пра свой хуткацечны шлюб. Апісанне знаёмства, заляцанняў, нарэшце, шлюбу, уяўляе сабой мешаніну з канцылярызмаў (будучая жонка – “эканамічная база”, расказ пра сябе – “запаўненне анкеты”), дыялектызмаў (“плюсь у губы”, “прытагосіў закусі”, “бурдулёк прыкінуўся”), устойлівых літаратурных клішэ (“торс Апалона”, “нястрымны імпэт”) [14, с. 267–269]. Перад дасведчаным чытачом – гумарыстычны твор пра савецкіх чыноўнікаў. Але тыя ж самыя стылявыя прыёмы могуць ствараць і адваротны – драматычны, нават трагічны – эфект (апавядальная гісторыя “Камандзір” (1927)). Яшчэ не паказана забойства генерала, гвалтаванне і жудасная смерць яго дачкі, гібель слуг, але несупадзенне разумовых і маральных якасцей “камандзіра” з якасцямі, якія неабходныя на гэтай пасадзе, ужо выклікае страх у рэцыпіента¹². Сказ выступае ў якасці аповеду другаснага наратора. У падобных выпадках абрамленне сітуацыі абмяжоўваецца толькі некалькімі нейтральнымі ў стылістычных адносінах словамі. Маналог наратора-персанажа ўвасабляецца ва ўжо знаёмым “паўкультурным” маўленні “самага ціхага чалавек ў вакрузе”, якога лёс зрабіў “камандзірам 3-й роты” [14, с. 270, 272]. Сацыяльныя ролі накладваюць адбітак і на адбор лексічных сродкаў. Хвёдар Віннік у сваёй гаворцы ўжывае пераважна

¹² Апавяданне “Камандзір” выразна паказвае, як гумарыстычная па сутнасці жанравая мадыфікацыя можа напаўняцца трагедыйным сэнсам, і “перасцерагае”, у які раз, ад небяспекі – пры аналізе мастацкага твора звяртаць увагу толькі на структура-стылёвую яго абалонку.

прастамоўныя і грубыя словы, дыялектызмы: “Пабачу, як крадуцца белыя, ды камандую па-свойму: “Ото-то! Ото-то! Вунь, вунь! Лупцуў яго! Клей яму ў... Вунь яшчэ паўзуць! Перанось туды агонь!” [14, с. 272]. Калі ж ён пераходзіць да галоўнай мэты свайго аповеду, эпизоду з забойствам генерала, пачынаюць з’яўляцца прыклады ўжывання нехарактэрных для маўлення Вінніка слоў, пераважна кніжнага стылю: “панская працадурка”, “галантарэйна кажу”, “Ямеля Заля” і інш. [14, с. 273–275]. У сказавым аповедзе маўленне персанажаў падпарадкавана маўленню наратора, які проста не можа правільна перадаць чужыя словы, тым больш словы прадстаўніка другой сацыяльнай групы; нават адукаваная паненка “загаварыла” ў рэчышчы “паўкультурнай” стыхіі: “Пытае мяне, дзе я жыву, у якім месцы і ці вялікае пратэжэ ад майго дому” [14, с. 275]. Сказ, як вядома, актыўна “арыентуецца” на аўдыторыю слухачоў. Паказальна, што ў фінале “Камандзіра” на пытанне Вінніка (“А вам здаецца, што я ціхі чалавек?” [14, с. 277]) ніхто не адказвае. Несупадзенне паміж камічнасцю выкладу і жудасным зместам (сам “камандзір” гэтага не разумее) выклікае ў слухачоў-начлежнікаў імкненне адмежавацца ад апавядальніка.

Сказ з’яўляецца прадуктыўнай формай апавядальнай гісторыі, бо спалучае формаўтваральныя асаблівасці апошняй з выразнымі стылеўтваральнымі: сказ ці не адзіны прадстаўнік “малой” прозы, дзе змешваюцца лексемны разнастайных дыялектаў, жаргоны, функцыянальныя стылі і дзе ўсё гэта лексічнае багацце не толькі не распадаецца, але яднаецца асобнасцю наратора, які па сутнасці стварае новы свет. Пра прадуктыўнасць сказа як тыпу аповеду гаворыць і яго эвалюцыя: “<...> у пачатку 20-х гадоў з’яўляюцца актыўнымі формы аповеду, што

адкалоліся ад сказа, але захавалі з ім вядомую блізкаць у адных рысах і страцілі яе ў другіх” [12, с. 102].

Яркім прыкладам выкарыстання элементаў сказавага тыпу аповеду з’яўляюцца апавядальныя гісторыі Лукаша Калюгі 1920-х гг.: “Лук’ян – капераціўскі сабака”, “Трахім з Пагулянкі”, “Трахім – штучны чалавек”, “Тахвілін швагер” і інш. Аўтар у межах названай жанравай мадыфікацыі выкарыстоўвае няўласна-аўтарскае маўленне, ствараючы формаўтваральнае перакрываўанне: апавядальная гісторыя / сказ. Такім чынам, узбагачаецца жанр і закладваюцца тэндэнцыі для стварэння сказавых традыцый у айчынным прыгожым пісьменстве¹³. “Мастацтва гісторыка літаратуры ў тым і заключаецца, каб не ігнараваць гэту мешаніну жанраў і прызнаваць толькі адны абстрактныя і ізаляваныя жанры, але каб канстатаваць наяўнасць розных жанраў у адным і тым жа творы і каб растлумачыць іх мастацкае і ідэалагічнае значэнне” [15, с. 248]. Думаецца, што гэтая выснова А.Ф. Лосева важная і ў адносінах да праблемы праяў розных жанравых мадыфікацый у выглядзе формаўтваральных перакрываўанняў у межах жанру апавядання.

У творах Лукаша Калюгі апавядальнік расказвае пра родныя Баркаўцы. Гэта апавядальныя гісторыі пра аднавяскоўцаў-дзівакоў: Лук’яна, Трахіма, Іллюка, Андрука, Юстапа Заблоцкага. Наратар расказвае і пра тое, што сам назіраў, і пра тое, што чуў іншых: “Як ён жыў, я не помню, а распытацца не было часу.

¹³ Сказавы аповед сустракаецца і ў сучаснай літаратуры, асабліва гэта тычыцца элементаў арнаментальнага сказа, які мае ўстаноўку не столькі на выразна аўтарскі аповед, колькі на свядомую змену наратарам масак з мэтай паэтызацыі, упрыгожвання тэкста, стылізацыі пад пэўныя ўзоры. Прыгадаем у гэтай сувязі гутаркі-стылізацыі Антона Косміча і Мар’яна Пташынскага з аповесці У. Караткевіча “Дзікае паляванне караля Стаха”.

Толькі чуў, казалі, – адступіўся ад яго перад смерцю і бог і людзі” [16, с. 380]. Самавыяўленню наратара спрыяе ўжыванне займеннікаў: я, мой, наш, нашы. “Я й сам люблю паслухаць гаваркіх людзей <...>, “Трахіму не тое, што нам”, “Над нашы Баркаўцы – няма лепшай вёскі” [16, с. 318, 366, 319]. Апавядальнік крытычна ставіцца да таго, што сам не назіраў: “Ілгуць старыя. Хто гэта скажа, што праўда іх? <...> Некалі і мы нешта скажам, як жылі, дзе былі, пусцім казкі ў свет. А чартоў нам не трэба будзе ў свае казкі ўстаўляць” [16, с. 398]. Сімптомы апавядальнага тэксту сведчаць пра тып апавядальніка, у мове якога нібы спалучаюцца дзве моўныя стыхіі: літаратурная¹⁴ і народная (часта аўтарскі аповед падрабляецца, свядома ці падсвядома, пад маўленне баркаўчаніна). У такім выпадку таксама можна гаварыць пра тэкставую інтэрферэнцыю: у апавядальны тэкст пранікаюць элементы тэксту персанажаў. Н.А. Кажэўнікава называе такі тып маўлення “<...> няўласна-аўтарскі аповед, які ўяўляе сабой нібыта ўсечаны сказ” [12, с. 103] і так характарызуе яго: “<...> у няўласна-аўтарскім аповедзе захоўваецца асноўны прынцып сказа – чужы пункт погляду, які перадаецца праз чужое маўленне <...>” [12, с. 111–112]. В. Шмід характарызуе падобны аповед наступным чынам: “Тут не выкладаецца актуальнае ўнутранае маўленне ці ўспамін героя, а гучыць голас наратара, які максімальна набліжаны да ацэнчнага і моўнага кругагляду героя, узнаўляючы асобныя стылістычныя рысы персанажа” [6, с. 233]. У Лукаша Калюгі чытаем: “Як ні мэндзіўся ён з хлебам, але такі, пакуль жонка ў хату, з’еў усю лусту. З’есці-то чыста з’еў, але крошак не ў

¹⁴ Варты ўвагі ўрывак з апавядання “Баркаўцы – добрая вёска, і баркаўчане – вясельныя людзі”, які наратар удала стылізуе пад гогалеўскае апісанне Сарочынскага кірмашу [16, с. 324–325].

галаве было пазбіраць, не здаўмеўся іх далоў з падушкі стрэсі” [16, с. 357]. Альбо: “Да Іллюка ж думкі прычапіліся. <...> Калі ўжо іншага ратунку няма, як шукаць сабе кавалка хлеба на старане, дык Іллюк і не прападзе. Ён мае талент у руках. Ён умее сталярку рабіць” [16, с. 364]. Функцыі такога тыпу маўлення не толькі ў стварэнні эфекту размоўнага стылю, што вельмі важна для апавядальнай гісторыі. Няўласна-аўтарскі аповед фармальна адносіцца да наратара, але па сутнасці сваёй ён двухгалосы. Абстрактны аўтар, выкарыстоўваючы такі тып аповеду (праўда, у спалучэнні з аб’ектыўным апісаннем, простаі і ўскаснай мовай герояў, адступленнямі наратара), дае магчымасць апавядальніку паглыбіцца ў псіхалогію і характар героя, а таксама апасродкавана выказаць свае меркаванні і ацэнкі. Такая сукупнасць двух галасоў (тэкставая інтэрферэнцыя), пазбяганне прамых ацэнак, у пэўных адносінах ускладняе рэцэпцыйны працэс твора, але тым больш спакуслівым робіцца тэкст для ідэальнага рэцыпіента¹⁵. Такім чынам, пісьменнік сваімі творами дае наватарскую форму адлюстравання рэчаіснасці, што пры належным, хоць і аддаленым ад часу напісання твора, рэцэпцыйным асэнсаванні можа даць штуршок для стварэння пісьменнікамі наступных перыядаў рэчаў падобнага жанрава-стылёвага кшталту.

Трэба адзначыць, што Лукаш Калюга і пазней звяртаўся да апавядальных гісторый, прыкладам чаго можа служыць апавядальная гісторыя аповесцевай будовы “Нядоля Заблоцкіх”¹⁶ (1931). Цікава, што гэтую жанравую мадыфікацыю пісьменнік выкарыстоўваў і раней, калі апісваў Баркаўцы і іх жыхароў. Магчыма, Ка-

люга хацеў напісаць міфалагічную гісторыю роднай вёскі Скварцы (пісьменнік працаваў над гэтай задумай і ў высылцы: урыўкі з другой часткі “Нядолі Заблоцкіх”, напісаныя там, па памяці пераказаў Антон Адамовіч), а апавядальная гісторыя для гэтага найбольш прыдатная форма.

Заклучэнне

На падставе прапанаванай вышэй характарыстыкі апавядальных гісторый можна вылучыць наступныя іх асаблівасці:

1. Формаўтваральныя – апавядальнік, працягваючы заставацца кампазіцыйным цэнтрам гісторыі, не персаніфікуецца; індэксамі яго прысутнасці ў тэксце можа быць або экспліцытны чытач, або выразная сітуацыя аповеду; пры нулявой ступені індывідуалізацыі апавядальніка ўзрастае роля ідэальнага рэцыпіента, які мае магчымасць не проста зразумець твор, але і асэнсаваць яго ідэальным чынам, улічыўшы як мага больш асаблівасцей тэксту.

2. Стылеўтваральныя – у творах назіраецца інтэрферэнцыя тэкстаў наратара і персанажа: ад прамой намінацыі да няўласна-аўтарскага аповеду, які з’яўляецца прыватным выпадкам сказавага аповеду; актыўнае выкарыстанне сказавага аповеду і яго формаў дае магчымасць у 20–30-я гг. XX ст. сфарміравацца гранічнай форме апавядальнай гісторыі – сказу.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Макарэвіч, А. М.** Праблема жанравых мадыфікацый у беларускай прозе XIX–XX ст. : манаграфія / А. М. Макарэвіч. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 1999. – 332 с.
2. **Гачев, Г. Д.** Содержательность художественных форм : эпос, лирика, театр / Г. Гачев. – Москва : Просвещение, 1968. – 301 с.
3. **Бахтин, М. М.** Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – Москва : Худож. лит., 1986. – 541 с.

¹⁵ В. Шмід адзначае шырокую папулярнасць тэкставай інтэрферэнцыі ў еўрапейскай і амерыканскай літаратуры XIX–XX стст. [6, с. 234].

¹⁶ Аналіз форма- і стылеўтваральных асаблівасцей твора гл. у крыніцы: [11].

4. Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США) : Концепции. Школы. Термины : энциклопедический справочник. – Москва : Интрада, 1999. – 318 с.
5. **Ткачук, О.** Наратологічний словник / О. Ткачук. – Тернопіль : Астон, 2002. – 173 с.
6. **Шмид, В.** Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
7. **Макаревич, А. Н.** В разных стилевых течениях : Проблема жанра и стиля в рассказах 20-х годов М. Горьцкого и Т. Гартного / А. Н. Макаревич. – Екатеринбург : Урал Плюс, 1995. – 177 с.
8. **Шарапова, А. В.** Ад наратыўнай мадэлі да мастацкага зместу: шлях пісьменніка і рэцыпіента / А. В. Шарапова // У ракурсе сучаснага асэнсавання : міжкаф. зб. навук. прац, прысвечаны 90-годдзю МДУ імя А. А. Куляшова / Магілёўскі дзярж. ун-т ; пад рэд. А. М. Макарэвіча [і інш.]. – Магілёў, 2003. – Вып. 1: Філалогія. – С. 43–52.
9. **Баранавых, С.** Новая дарога : апавяданні, аповесці, раманы, лісты / С. Баранавых. – Мінск : Маст. літ., 1989. – 605 с.
10. **Виноградов, В. В.** О языке художественной прозы. Избранные труды / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1980. – 360 с.
11. **Шарапова, А. В.** Аповесць Лукаша Калюгі “Нядоля Заблоцкіх”: спецыфіка асэнсавання рэчаіснасці / А. В. Шарапова // VI Міжнар. навук. чыт., прысвечаныя 120-годдзю з дня нараджэння акадэміка С. Некрашэвіча : зб. навук. арт., Гомель, 23 мая 2003 г. / Гомел. дзярж. ун-т ; рэдкал.: А. А. Станкевіч [і інш.]. – Гомель, 2003. – С. 337–340.
12. **Кожевникова, Н. А.** О типах повествования в советской прозе / Н. А. Кожевникова // Вопросы языка современной русской литературы. – Москва : Наука, 1971. – С. 97–163.
13. **Кожевникова, Н. А.** Отражение функциональных стилей в советской прозе / Н. А. Кожевникова // Вопросы языка современной русской литературы. – Москва : Наука, 1971. – С. 222–300.
14. **Мрый, А.** Творы : раманы, апавяданні, нататкі / А. Мрый. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 317 с.
15. **Лосев, А. Ф.** Проблема художественного стиля / А. Ф. Лосев. – Киев : Collegium: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. – 288 с.
16. **Калюга, Л.** Творы : раманы, апавесці, апавяданні / Л. Калюга. – Мінск : Маст. літ., 1992. – 607 с.

Паступіў у рэдакцыю 05.11.2018 г.
 Кантакты: elenasharapova@tut.by
 (Шарапова Алена Васільеўна)

Sharapova E. BELARUSIAN NARRATIVE IN THE 1920-1930s: CHARACTERISTICS OF FORM AND STYLE.

The article deals with the genre modification of narrative short stories of the 1920–1930s regarding the works by Symon Baranavych, Andrei Mryi, Lukash Kaliuha. The form and style features of this modification are identified; the tale form is described as one of the variants of the narrative short story.

Keywords: genre, short story, genre modification, narrative short story, tale, real and implied author, narrator and narratee, entrusted narration, text interference.

УДК 811.161.1'373 ; 811.581'373

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, СОДЕРЖАЩИХ ЭМОЦИОНАЛЬНО- ОЦЕНОЧНЫЕ КОННОТАЦИИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Сунь Юань

соискатель

Белорусский государственный
университет имени М. Танка

В статье анализируются лексико-семантические группы существительных в русском и китайском языках в аспекте презентации ими эмоционально-оценочных коннотаций. Рассматривается процентное содержание позитивных и негативных смыслов в наибольших в количественном отношении группах субстантивов.

Ключевые слова: китайский язык, лексико-семантическая группа, русский язык, субстантив, эмоционально-оценочная лексика.

Введение

Многие ученые обеспокоены влиянием процесса глобализации на жизнеспособность национальных культур. Существует мнение, что национальные различия нивелируются в современном мире. Однако лингвистические исследования, касающиеся, в частности, лексики разных языков, могут доказать либо опровергнуть это утверждение. Изучение эмотивных обертонов слов разных языков, сопоставление коннотаций в аспекте эквивалентности/ безэквивалентности демонстрируют сохранение культурных различий или сходство в оценке (положительной либо отрицательной), достигаемой посредством употребления соответствующих слов. Как справедливо отмечают исследователи, “будучи одним из признаков нации, ее “социального взаимодействия”, язык представляет собой глав-

ную форму выражения и существования национальной культуры” [1, с. 12], а культурные коннотации, заключенные в аффективной лексике, хранят национальные оценочные представления, возникающие на базе прямых значений определенных слов.

Как известно, эмоционально-оценочная лексика помогает выразить отношение к собеседнику, жизненным обстоятельствам, разнообразным ситуациям, предметам обихода и не только. “Эмоционально-оценочная лексика – это лексические единицы (слова, устойчивые словосочетания или отдельные значения многозначных слов), имеющие помимо предметно-логического значения эмоционально-оценочный компонент – дополнительную стилистическую окраску, сообщающую об отношении говорящего к предмету речи, а также об эмоциональном состоянии говорящего” [2, с. 101]. Особенный интерес вызывают лингвистические сопоставительные исследования разнообразных языковых аспектов, в частности эмотивной составляющей лексического значения слов языков тех народов, культура которых отличается разительно.

Основная часть

Предметом нашего исследования стали русские субстантивы, имеющие эмоционально-оценочные коннотации в переносном значении, полученные методом сплошной выборки из “Толкового словаря русского языка” под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [3], а также китайские существительные, включающие эмоционально-оценочные обертоны в прямом либо переносном значении слов, выбранных из китайского словаря [4]. При внимательном рассмотрении исследуемых нами русских и китайских субстантивов, включающих экспрессивные смыслы, удалось выделить следующие наиболее распространен-

ные лексико-семантические группы: названия птиц (“орнитонимы”), растений (“фитонимы”), животных (“зоонимы”), насекомых (“энтонимы”), рыб (“ихтионимы”), “частей человеческого тела”, “личных имен”, которые приобрели культурные оценочные коннотации, “названия предметов обихода” (например, *посуда*), “персонажей книг” или социальных явлений, отраженных в литературных произведениях и ставших нарицательными (например, *маниловщина*), “мифических существ”, а также оценочные субстантивы, образованные от глаголов (например, *гулена*), имен прилагательных (например, *ловкач*). Данные группы частотны для русских существительных. Китайские наименования с собственно эмоциональной составляющей образуются как путем сложения корней, один из которых уже содержит экспрессивные коннотации, так и включением в состав слова суффиксов, благодаря которым номинация приобретает отрицательные (子) либо положительные (儿) обертоны смысла. Здесь мы опираемся на классификацию В.И. Горелова, который также отмечает, что “основную массу слов с эмоционально-оценочным значением составляют слова, возникшие в результате сложения корней. Удельный вес лексических единиц, оформленных суффиксами, невелик” [5, с. 16]. Следует отметить, что в некоторых случаях слова, образованные путем сложения корней, могут выражать экспрессивные оценки благодаря добавлению соответствующих суффиксов в отличие от слов, состоящих из корневой морфемы и эмотивного суффикса.

Типы значений китайских субстантивов, состоящих из нескольких корней как в сочетании с оценочным суффиксом, так и без него, следующие: “мифические существа” (заклучены только в одном корне-именовании *черт*, образующем разнообразные сочетания), “животные”,

“растения”, “части человеческого тела” (наиболее частотные *сердце*, *рука*, *кровь*), “явления природы” (представлены корнем со значением *небо*). Китайские существительные, приобретающие аффективную семантику посредством суффикса, образуют следующие группы номинаций: “называние людей по родству, возрастной и профессиональной принадлежности”. В задачи нашего исследования не входит рассмотрение тех эмоционально-оценочных значений, которые формируются только в контексте.

Ряд лингвистических исследований на современном этапе развития языкознания посвящен следующим группам субстантивов: “наименованиям одежды и обуви” (“Русские фразеологизмы с названиями обуви” [6], “Фразеологизмы с названиями одежды в лингвокультурологическом аспекте” [7], “Названия одежды в русских фразеологизмах” [8], “Русские фразеологизмы с названиями головных уборов в преподавании русского языка китайским учащимся” [9], “Об одежде и украшениях по-русски и по-китайски” [10]); именам собственным (“Имена собственные в русской и китайской фразеологии” [11]); названиям животных (“Культурные коннотации зоонимов в русской и китайской фразеологии” [12], “Фразеологический потенциал зоонимической лексики в русском и китайском языках” [13], “Зооморфизмы китайского языка как средство аксиологической характеристики человека” [14], “Эмоционально-оценочная характеристика паремий с компонентом “животное” в китайском и русском языках” [15]); названиям растений (“Объем и структура лексико-семантической группы фитонимов в русском языке (на фоне китайского языка)” [16]). Несмотря на то что сферой изучения упомянутых нами работ является в первую очередь фразеология, актуальность на

сегодняшний день подобных исследований очевидна.

Перейдем к непосредственному рассмотрению конкретных групп номинативов. В русском языке “зоонимы” и “орнитонимы”, включающие эмоционально-оценочные коннотации, выражают в первую очередь отрицательное отношение к тому, кого характеризуют данные субстантивы в переносном значении. Однако необходимо обратить внимание на ряд интересных фактов. Во-первых, большая часть “зоонимов” в переносном значении относится к категории мужского рода – и это негативные характеристики (например: *баран, боров, козел*), только 5% субстантивов содержат положительную коннотацию (например, *зайчик, лев*), 18% составляют существительные общего рода, из которых к положительным коннотациям относятся 9% слов (например: *стрекоза* – о живом подвижном ребенке); к женскому роду можно отнести 23% зоонимов, из которых 14% выражают одобрительные коннотации (например: *пчела, тигрица*). Из китайских субстантивов-зоонимов только 6% представляют положительные коннотации. Образуются существительные данного типа за счет сложения корней, например: (старый + желтый + бык = трудолюбивый), однако в 20% из них эмоционально-оценочные коннотации появляются благодаря суффиксам, что демонстрируют следующие слова: 兔崽子 (*заяц* + сын = сосунок); 狗腿子 (*собака* + ноги = предатель). Наиболее частотными корневыми морфемами являются 虫 (*червяк*), 狗 (*собака*), 狸 (*лиса*).

Орнитонимы русского языка включают 50% субстантивов мужского рода, из которых 10% наделены положительными коннотациями; 25% субстантивов женского рода можно расценивать как одобрительные. Таким образом, китайскому языку свойственны “названия птиц”, кото-

рые в первую очередь выражают негативные смыслы, например: 旱鸭子 *сухой+утка* = не умеющий плавать человек.

Лексико-семантическая группа “части тела” с эмоционально-оценочными коннотациями в русском языке представлена следующим образом: положительная семантика заключена в 13% случаев. О словообразовательной структуре субстантивов можно сказать следующее: 17% образовано сложением корней, 17% – при помощи суффиксации; 4% – префиксацией. Китайские слова, относящиеся к данной группе, имеют наибольший процент положительных коннотаций – 13%, из которых 50% включают корень со значением 手 *рука* (от общего количества слова этой группы составляют 17%, например: 能手 *уметь + рука* = опытный умелец, виртуоз; 好手 *хороший + рука* = мастер, золотые руки; 高手 *высокий + рука* = высокое мастерство, большой мастер). В русском языке данная группа представлена субстантивами, образованными практически в половине случаев сложением корней, например: *двурушник, лоботряс, мордovorot, сердцеeд, сорвиголова, спиногрыз*, причем такие слова состоят из корней, обозначающих часть тела и образованных от глаголов (в 90% случаев это будет второй корень), но есть субстантивы, состоящие только из корня и окончания: *рожа, скелет*, а также слова с иным составом: *недоумок*. Как показало исследование, в первую очередь существительные данной группы в русском языке представляют негативные обертоны смыслов.

Лексико-семантическая группа существительных, характеризующих людей “по родству, возрасту и профессии”, в китайском языке состоит из субстантивов, содержащих эмотивные коннотации, заключенные в аффиксах, например: 老头子 *старикашка* (презрительное) и 老头儿 *старик* (ла-

сковое обращение); 戏子 актер (выражается ироническое отношение); 夫子 учитель (выражается ироническое отношение; сходно с русским языком в ситуации, когда человека, который считает себя очень умным, называют профессор). В русском языке субстантивы этой группы по структуре делятся на слова, состоящие из корня и окончания: *маэстро, профессор* и др., и образованные суффиксальным способом от глаголов или субстантивов (в первую очередь от названий родственников: *браток, братишка, папик*; а также от слов лексико-семантических групп: *девчурка, торгош* и др.). В русском языке данная группа существительных выражает как негативные, так и позитивные смыслы, причем слова, обладающие положительными коннотациями, составляют практически 50% субстантивов.

Необходимо отметить, что эмоциональность свойственна стилистически маркированным словам, поэтому интерес представляет определение конкретной стилистической принадлежности слов в сопоставительном и стилистическом аспекте. Это направление исследований является предметом наших дальнейших интересов.

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы: субстантивы с эмоционально-оценочными коннотациями выражают в первую очередь негативные смыслы как в русском, так и в китайском языке. Положительные коннотации в большей мере презентованы в русском языке лексико-семантическими группами “зоонимов” и “орнитонимов”, в китайском – группой “частей тела”.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Воробьев, В. В.** Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии : автореф. дисс. ... док. филол. наук : 10.02.01 / В. В. Воробьев ; РУДН. – М., 1996. – 41 с.
2. **Одинец, Л. К.** К вопросу изучения эмоционально-оценочной лексики дошкольников с общим недоразвитием речи с точки зрения разных научных парадигм / Л. К. Одинец // Научный форум, 2016 – Том 2. – № 3. – С. 101–103.
3. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. – М., 2006. – 1047 с.
4. 李行健, 《现代汉语规范词典》, 北京, 外语教学与研究出版社, 2010. – 1774 с.
5. **Горелов, В. И.** Стилистика современного китайского языка : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности “Иностр. яз.” / В. И. Горелов. – М. : Просвещение, 1979. – 192 с.
6. **Люй, Цзиньянь.** Русские фразеологизмы с названиями обуви / Люй Цзиньянь // Вестник ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. – 2008. – Вып. 1. – С. 149–151.
7. **Люй, Цзиньянь.** Фразеологизмы с названиями одежды в лингвокультурологическом аспекте / Люй Цзиньянь // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – Вып. 2. – С. 55–58.
8. **Правда, Ю. Т.** Названия одежды в русских фразеологизмах / Ю. Т. Правда, Люй Цзиньянь // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Воронеж, 2005 / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2005. – С. 101–106.
9. **Дементьева, О. Ю.** Об одежде и украшениях по-русски и по-китайски / О. Ю. Дементьева, Чжан Юэ // Stephanos. – 2014. – № 5. – С. 117–127.
10. **Люй, Цзиньянь.** Русские фразеологизмы с названиями головных уборов в преподавании русского языка китайским учащимся / Люй Цзиньянь // Русский язык в условиях интеграции культур : матер. Междунар. науч. конф., Воронеж, 2008. – Воронеж, 2008. – С. 94–101.

11. **Гу, Фэй.** Имена собственные в русской и китайской фразеологии : маг. дисс. / Фэй Гу. – Екатеринбург, 2015. – 76 с.
12. **Михайлова, Ю. Н.** Культурные коннотации зоонимов в русской и китайской фразеологии / Ю. Н. Михайлова, И. Чжао // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки, 2016. – Том 18. – № 4. – С. 168–181.
13. **Хао, Хуэйминь.** Фразеобразующий потенциал зоонимической лексики в русском и китайском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Хуэйминь Хао ; Башкирский гос. ун-т. – Уфа, 2009. – 372 с.
14. **Гаврилюк, М. А.** Зооморфизмы китайского языка как средство аксиологической характеристики человека / М. А. Гаврилюк // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2013. – № 10. – С. 136–140.
15. **Чуаньтин, Цзюй.** Эмоционально-оценочная характеристика паремий с компонентом “животное” в китайском и русском языках / Цзюй Чуаньтин // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2017. – № 4. – С. 177–180.
16. **Юецзяо, Ли.** Объем и структура лексико-семантической группы фитонимов в русском языке (на фоне китайского языка) / Ли Юецзяо // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 5. – С. 303–305.

Поступила в редакцию 11.12.2018 г.
 Контакты: sy-1130@hotmail.com
 (Юань Сунь)

Sun Yan. LEXICO-SEMANTIC GROUPS OF NOUNS CONTAINING EMOTIONAL AND EVALUATIVE CONNOTATIONS IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

The article analyzes lexico-semantic groups of nouns in the Russian and Chinese languages considering their presentation of emotional-evaluative connotations. The percentage of positive and negative senses in the largest groups of substantives is considered.

Keywords: Chinese, lexico-semantic group, Russian, substantive, emotional and evaluative lexicon.

УДК 811.161.1

ГЛАГОЛЫ-ОТАДЪЕКТИВЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'ПРИОБРЕТЕНИЕ ПОЛНОЙ МЕРЫ НОВОГО ПРИЗНАКА' В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М. А. Лавыш

аспирант

Гродненский государственный
университет имени Я. Купалы

В данной статье отмечены и кратко охарактеризованы имеющие место в современном языкознании различные точки зрения на специфику проекции средствами деривации семантики признака в глагол. Особое внимание уделено отношениям градуальности становления мотивирующего основой прилагательного признака, находящего отражение в семантике глаголов-отадъективов. Подробно проанализированы номинативные ряды данных глаголов, а также проведен сопоставительный анализ их функционирования в современном тексте.

Ключевые слова: словообразование глаголов, глаголы-отадъективы, категория градуальности, общее и частное словообразовательные значения, деривационные сочетания, инхоативные глаголы.

Введение

В деривационном плане всегда был интересен процесс трансформации одной части речи в иную: с помощью каких средств и в какой мере может быть представлено конкретное семантическое содержание мотивирующих лексем с учетом их многозначности и всех возможных <зафиксированных в словарях> лексических сочетаемостей. "Признание необходимости исследования денотативного пространства глагола связано <...> с признанием сигнификативно-денотативной природы признакового слова, в первую очередь глагольного. Сигнификативную часть семантики глагола составляет собственно признаковое,

процессуальное, реляционное значение; денотатом глагола является понятие, представление о ситуации, включающее участников ситуации и другие обстоятельства" [1, с. 225].

Мир вокруг нас, представляющий-ся совокупностью различных систем, отражен в лексике языка, которая, в свою очередь, является сложной, но все же определенным образом организованной системой. "Лексические единицы словарного состава языка оказываются тесно связанными не только на основании их ассоциативной связи по сходству или смежности как лексико-семантические варианты многозначного слова, смыслового содержания сродства как синонимы, взаимной "обратности" при обозначении одного и того же действия или отношения как конверсивы, родовидовых отношений как гипонимы, но и на основании их противоположности как антонимы" [2, с. 6]. Сюда же относятся лексико-семантические группы, гипо-гиперонимические ряды, лексико-семантическое поле и целый ряд других проявлений лексико-семантических отношений, в числе которых и отношения градации.

Логически категория признака изначально предполагает его количественную характеристику проявления, потому что любой признак не представляется как неизменный, однородный. А это означает, что он может градуироваться, проявляться с разной степенью интенсивности. "Данная особенность качественных прилагательных (обозначение признака, который в отношении интенсивности мыслится как переменный) может играть роль при установлении в языке разного рода лексических противопоставлений" [3, с. 104]. Ранее изучению таких отношений уделялось внимание в трудах отечественных и зарубежных лингвистов чаще всего в связи с синонимией или антонимией (Л.А. Новиков, М.Ю. Максимов,

Л. Гильбер, Дж. Лайонс и др.), тогда как в современных лингвистических исследованиях всё чаще обращаются к изучению и описанию категории градуальности (С.М. Колесникова, Б.Ю. Норман и др.).

Глаголы-отадъективы в русском языке представлены достаточно схожими компактными словообразовательными типами с несколькими общими словообразовательными значениями: 'приобретать признак, названный мотивирующим прилагательным', 'наделять признаком, названным мотивирующим прилагательным' и 'проявлять признак, названный мотивирующим прилагательным'.

Рассмотрим подробнее номинативные ряды глаголов-отадъективов с семантикой 'приобретение признака, названного производящей основой'. Это общее словообразовательное значение в большинстве случаев характерно для суффиксальных глаголов русского языка с формантами *-а-, -ну-, -е-*: *ветшать, дичать, дорожать, крепчать, легчать, мельчать, нищать, тончать; здохнуть, крепнуть, мокнуть, слепнуть, сохнуть; беднеть, белеть, богатеть, влажнеть, грустнеть, грязнеть, дешеветь, дурнеть, жирнеть, зеленеть, крупнеть, леденеть, молодеть, мутнеть, неметь, паршиветь, простеть, прочнеть, пьянеть, светлеть, сесть, слабеть, стареть, темнеть, тяжелеть, толстеть, хорошеть, худеть, червиветь, яснеть*. Такие глаголы чаще всего соотносятся с деривационными сочетаниями с компонентом *становиться*: *тончать – становится тонким, слепнуть – становится слепым, сохнуть – становится сухим, беднеть – становится бедным, лысеть – становится лысым, неметь – становится немым, прочнеть – становится прочным, светлеть – становится светлым, червиветь – становится червивым*.

Основная часть

Рассматривая семантику 'становление признака' глаголов-отадъективов на *-еть*, М.Н. Янценецкая формулирует интересное и емкое семантическое правило: "мотивировать инхоативное значение глагола могут только лексико-семантические варианты прилагательных с прямым значением признака, объективно присутствующего предмету и потенциально-способного изменяться в соответствии с естественным развитием предмета" [3, с. 106]. Однако стоит обратить внимание на то, что данное правило не предполагает учет аналитических средств, которые в ряде случаев оказываются способными преодолеть известные семантические ограничения и эксплицировать исходный признак в глагольную семантику. Немного ниже мы рассмотрим и такие примеры.

Обратим внимание на то, что становление признака может конкретизироваться в двух частных словообразовательных значениях, которые во многом зависят от лексического значения производящего прилагательного, а именно: семантика приобретения нового признака и семантика усиления уже имеющегося признака. Учитывая эвентуальность производного отадъектива эксплицировать эти частные словообразовательные значения, мы можем выделить три группы глаголов: 1) глаголы, реализующие значение 'приобретение полной меры нового признака'; 2) глаголы, реализующие значение 'относительное усиление уже имеющегося признака'; 3) глаголы, реализующие оба значения.

Первая группа глаголов в большинстве случаев мотивирована прилагательными с лексическим значением высокой (интенсивной) степени качества. Собственно, такие прилагательные семантически ограничены и в возможности образовывать формы степени сравнения. Деривационными эквивалентами глаголов-отадъекти-

вов являются сочетания типа “становиться / стать + прилагательное в исходной форме”. Ср: глухой ‘лишенный слуха’ – *глохнуть / оглохнуть – становиться / стать глухим*; косой ‘косоглазый’ – *косеть / окосеть – становиться / стать косоглазым* (‘ослепнуть на один глаз’ – С.И. Ожегов); кривой ‘ослепший на один глаз (разг.)’ – *криветь / окриветь – становиться / стать кривым*; мрачный ‘погруженный во мрак, окутанный мраком’ – *мрачнеть / омрачнеть – становиться / стать мрачным*; немой – *неметь / онеметь – становиться / стать немым*; пустой ‘ничем не заполненный’ – *пустеть / опустеть – становиться / стать пустым*; слепой – *слепнуть / ослепнуть – становиться / стать слепым*; тощий – *тощать / отощать – становиться / стать тощим*.

Неслучайно мы дополнили номинативные ряды данных глаголов префиксальными, которые легко составляют видовые пары, подчеркивая еще раз их семантику результативности. Обратим внимание на следующий пример: прилагательное *голый* в значении ‘не имеющий на себе одежды, покровов, нагой’, как и приведенные выше слова, выражает абсолютную степень признака. В составе словообразовательного гнезда А.Н. Тихонов [4] указывает мотивированный данным адъективом инхоативный глагол *оголеть*; в толковых словарях его значение интерпретируется как ‘лишиться покрова; оголиться’ (БАС, под ред. Т.Ф. Ефремовой и др., за исключением С.И. Ожегова). В словарях синонимов, форм слов, орфографических словарях современного русского языка данная дефиниция также рассматривается. Однако в подкорпусе НКРЯ [5] в составе текстов, созданных в период с 1990 по 2018 г. (объемом 46359 документов, 8796561 предложение, 103768626 слов), не нашлось ни одного случая употребления дан-

ного глагола. Однако в коммуникативной системе языка, как стилистически более нейтральные, могут получить большее распространение деривационные сочетания *стать / становиться голым*, которые способны аналитически эксплицировать семантику, соответствующую глаголам *оголеться / оголяться*: *Не разошлись, к примеру, швы на брюках от дряхлости ниток, не оголилась ли пятка в ботинке – носок был на нем с изъязцем* (Г. Щербакова. Подробности мелких чувств (2000)). *Подхватывается падающая шпилька, спадает японский рукав, оголяется рука...* (А. Битов. Заповедник (телемелодрама) (1991)). Опираясь на результаты поиска в указанном подкорпусе, можно отметить низкую частотность употребления как данных глаголов, так и соответствующих деривационных сочетаний (всего около 30). Чаще употребляются в рассматриваемом значении члены следующего номинативного ряда: *нагой – обнажиться* (181:232) / *обнажаться* (112:131) – *стать / становиться нагим* (1 устар. / 2). Подобный словообразовательный тип глаголов, производных от прилагательных (-и- + -ся в комбинации с различными префиксами или без них), представлен в рамках общего словообразовательного значения ‘приобретение признака, названного производящей основой’ лишь несколькими отадъективами, например: *расщедриться – внезапно стать щедрым, отважиться – стать отважным, проявить отвагу, смириться – стать смиренным, смиренным*. При сопоставлении данных лексем с их аналитическими дериватами становится очевидным тот факт, что здесь сочетание “становиться / стать + прилагательное в исходной форме” оказывается семантически недостаточным; поскольку в каждом из глаголов-отадъективов содержится некоторое семантическое “приращение”, что обусловлено известной

фразеологичностью семантики производного слова. Глагол-отадъектив *отважиться* совершенного вида, что подчеркивает высшую степень проявления признака, как мы уже отмечали ранее. Однако присутствует и другой семантический оттенок. Любопытны наблюдения И.Г. Милославского на этот счет, которые он представил в своей статье «Каким никогда нельзя стать по-русски?». Лингвист отмечает ряд таких характеристик лица, которые присущи ему от рождения и приобретены быть не могут, например: физические (*длиннорукий, кареглазый*), обращенные в невозвратное прошлое (*пришлый, родовитый*) и др. Однако лингвист обращает внимание и на тот факт, что «существует значительная группа именных предикатов, которые не могут сочетаться со «стать», хотя и обозначают такие интеллектуально-нравственные характеристики лица, которые могут быть не только врожденными, но и приобретаемыми» [6, с. 55]. К примеру, нельзя приобрести «положительное» отношение к миру, т. е. стать **доверчивым, *правдивым* или **щедрым*. «Эти качества, если и можно проявить (а следовательно, и обладать ими), то только в какой-то вполне ограниченный период времени». Ср.: *Впрочем, видимо, никто просто не отважился залезть в такую грязь по уши* (И. Вольский. Пропасть им. Пантюхина: будет ли новый мировой рекорд? (1994)). *От природы не мужественный, он стал отважным под давлением необходимости и страха*. Словообразовательное значение префикса *рас-* в дополнение к разговорной, ироничной стилистической окраске отадъектива затрудняет процедуру «взаимозамещения» в тексте номинативных коррелятов, формально относящихся к одному и тому же номинативному ряду. Ср.: *Под конец рассказа бабушка расщедрилась, мне помирать все равно, покопошилась у себя в комнате и*

принесла вдруг темную, но самую настоящую серебряную ложку (М. Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012). *Жевал бы одни и те же заповеди, которых никто не исполняет, увещевал нехороших людей: сребролюбивые, станьте щедрыми, распутные, встаньте на путь воздержания* (Л. Зорин. Юпитер (2001) // «Знамя», 2002). В указанной работе И.Г. Милославский подчеркивает: «Речь идет о попытке как-то упорядочить тот круг именных предикатов, который, с одной стороны, характеризуется указанным синтагматическим ограничением, а с другой стороны, не обладает такими семантическими признаками, которые бы это синтагматическое ограничение объясняли. В то же время, как кажется, за указанным синтагматическим ограничением стоит не просто языковой каприз, но именно языковая картина мира. Согласно этому фрагменту русской языковой картины мира некоторые постоянные свойства лица не могут возникать лишь в какой-то момент жизни человека, но являются врожденными, причем на одном из первых мест здесь стоит искреннее, не показное доброе отношение к миру и людям» [6, с. 57].

Любопытным, на наш взгляд, является тот факт, что в современном русском языке (на примере поискового запроса в системе Яндекс) все более востребованными оказываются деривационные сочетания типа *стать отважным, стать щедрым* и пр. Консультации психологов, всевозможные психологические тренинги обещают помочь в приобретении положительных качеств; все чаще мелькают заголовки статей в глянцевах журналах, например: *«Как научиться отдавать и стать щедрой?»*; *«Станьте щедрым человеком»*; *«Как сказал Сильвестр Сталлоне: «У каждого есть страхи и когда мы их преодолеваем, то становимся отважными»* и др.

Очевидным является тот факт, что далеко не все прилагательные русского языка с качественным значением стали производящими для глаголов с инхоативным значением. Ограничения в образовании таких отадективов могут быть связаны как со структурой (словосложение, осложнение морфемами и др.) производящего слова, так и с его семантикой (например, вторичная “качественность” признака). Система языка восполняет словообразовательную недостаточность именно с помощью деривационных сочетаний. Например: *Он встал из-за стола, дело и впрямь становилось склочным* (А. Хруцкий. *Окаянные дни Ивана Алексеевича // “Звезда”, 2001*); *В таких ситуациях он становился склочным, капризным* (Б. Грищенко. *Посторонний в Кремле (2004)*); *Пакостная жижа потемнела и загустела, стала бурой и сальной, как машинное масло* (А. Гаррос, А. Евдокимов. *[Голово]ломка (2001)*); *Фредерикса, затем гибель Лермонтова и эмиграция Столыпина вызвали отчаяние Гагарина: “Видя, что все желания юности самых благородных людей делаются тщетными, я стал отчаиваться”* (Е. Цимбаева. “Русский католицизм” как общественно-философское течение XIX века (1996)); *У Петровича я снимаю угол, в котором несколько углов: угол, где я, где краски, угол, где чайник, угол, где шкаф, а сейчас и Петрович со своим внутренним голосом, который легко становится внешним* (Ю. Коваль. *Чайник (1980–1993)*).

Интересной в плане проекции семантического содержания в глагол является адективная пара взаимоисключающих признаков (в их 1-м значении): *живой* ‘живущий, не умерший’ – *мертвый* ‘умерший, лишенный жизни’. В словообразовательном словаре А.Н. Тихонова в составе словообразовательных гнезд данных производящих отмечены

глаголы, реализующие другие значения рассматриваемых прилагательных: *жить* ‘оживлять, бодрить’; *мертветь* ‘утрачивать чувствительность’, ‘терять живость’; *мертвить* ‘лишать жизненности, бодрости, энергии’. Нетрудно заметить, что само толкование первого значения каждого из адективов подчеркивает их явную глагольную семантику. Номинация действия, связанного с этими признаками, может быть отражена с помощью многочисленных производных, мотивированных собственно глаголами *жить, умереть*. И все же частотными являются употребления в речи деривационных сочетаний *становиться / стать живым, становится / стать мертвым*, которые позволяют спроецировать данную семантику в глагол: *При определенных концентрациях загрязненных веществ жизнь в озере полностью прекращается и оно гибнет, становится мертвым* (В. Горбачев. *Концепции современного естествознания (2003)*); *“До моего слуха ничего не доходило. Наверное, я действительно становился мертвым!” Фриц называет это игрой в “умрунов”...* (О. Тюлькин. “Я для них ручной медвежонок или свинья” (2003) // “Петербургский Час пик”, 2003.09.03); *И даже самого дома Юрия Казакова в Абрамцево, того самого, что становится вдруг живым в последнем рассказе, – нет уже и его.* (А. Бобраков-Тимошкин. *Чудотворец // “Русская жизнь”, 2012*); *Баба Галя была из тех, кто нес с Лениным бревно на субботнике, переливал кровь внутриартериально при помощи такой-то матери – и полумертвые солдаты становились живыми.* (Т. Соломатина. *Акушер-ХА! Байки (2009)*); *Оживают фигурки и становятся живыми, страдающими людьми – коварными и любящими, изворотливыми и простыми, само-*

надеянными и растерянными перед непредсказуемым течением жизни (Глубина Юрия Соломина (2003) // "Театральная жизнь", 2003.04.28).

Говоря о семантических ограничениях в плане образования формы компаратива, необходимо отметить и прилагательные с семантикой цвета. "Почти (выделено нами. – М.Л.) не встречаются в употреблении формы сравнительной степени многих прилагательных со значением цвета: *бордовый, голубой, кофейный, кремовый, лиловый, палевый, фиолетовый, шоколадный, янтарный*. Сфера возможного образования форм сравнительной степени у таких слов – профессиональная речь художников и поэтическая речь" [7, с. 577]. Действительно, в реальной жизни сложно представить, чтобы, к примеру, лиловый цветок значительно отличался по цвету от своего "более лилового" собрата. Другими словами, семантика мотивирующих прилагательных ограничена семей окраски как признаком, присущим самому предмету и лишь зрительно воспринимаемым. В таких случаях подразумевается, скорее, степень насыщенности цвета, которая может выражаться в градуальном ряду следующим образом: *голубой 'светло-синий'* [8, т. 3, с. 240] – *синий – индиго 'тёмно-синий'* [8, т. 5, с. 338]. Однако следует заметить, что нередкими являются случаи употребления и таких глагольных деривационных сочетаний, как уже отмечалось, в художественной речи: *Все синее и театральнее становится вечернее небо, на котором расплываются громадные, как сквозь слезы, звезды* (Сергей Штерн. Ниже уровня моря // "Звезда", 2003); *Только день становился краснее: красные тени и красные цветы, малиновое платье, в роще сгущался воздух, кони поводили ноздрями и нервно трясли гривами, похожие на хозяев* (Ксения Букша. Эрнст и Анна (2002)).

Как известно, семантика цвета подразумевает его обретение, а значит, языковая система может предложить нам такую возможность и в плане выражения. Данная ниша в первой рассматриваемой нами группе, реализующей сему высокой степени интенсивности, легко заполняется аналитическими соответствиями с компонентом *становиться*: *Солнце становится бордовым, затем красным, мрачно-оранжевым и, наконец, обретает все великолепие своего ослепительного блеска* (В.А. Мезенцев. Чудеса: Популярная энциклопедия. Том 1 (1991)); *Снег становился лиловым, свет его меркнул, наступал ранний вечер* (Владимир Арро. Дом прибежища // "Звезда", 2002); *Софья Андреевна стояла неподвижно и смотрела, как бумага, перед тем как почернеть, становится шоколадной, как проступают на ней, будто пытаюсь выкрикнуть себя напоследок, исчезающие слова* (Ольга Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки (1995–1999)). Общеизвестны инхоативные глаголы-отадъективы на *-еть* со значением 'приобретение какого-л. цвета', например: *помидоры краснеют – помидоры становятся красными, приобретают красный цвет; руки от холода синеют – становятся синими, делаются синими; весной трава зеленеет – становится зеленой; осенью листва багровеет – окрашивается в багровый цвет* и др.

Заключение

Проекция классифицирующей семантики из одной части речи в другую – достаточно сложный процесс. Так, с одной стороны, есть лексическая семантика производящего имени прилагательного и гипотетическая возможность проекции всего этого содержания в глагол. С другой стороны, есть некоторое количество глагольных дериватов, которые выполни-

ли задачу по “продвижению” лексического содержания производящей единицы. Третья сторона касается особенностей манифестации глагола как части речи и как деривационного класса с присущим ему “набором” словообразовательных значений. “Становление, развертывание признака предполагает, что в исходном моменте он обладает потенциальными возможностями развития. Однако количественный показатель (подчеркнутая степень признака), становясь основным, а порой и единственным элементом в содержании прилагательного <...> сужает область возможного изменения интенсивности качества рамками высокой степени его проявления” [3, с. 105]. Семантика становления признака реализована во многих производных лексемах с помощью немногочисленных словообразовательных формантов, а также эксплицитных деривационных сочетаний. “Современные исследования, основанные на принципах функционализма, показывают, что деривация как процесс порождения родственных единиц зависит и от существующего в системе языка межуровневого взаимодействия. Взаимодействие словообразовательной и синтаксической подсистем языка обнаруживает себя в том, что словообразовательные значения могут быть представлены дискретно, различными словосочетаниями, которые способны выступить в деривационной функции и заменить при необходимости соответствующие производные единицы” [9, с. 44]. Мы проанализировали глаголы-отадъективы с частным словообразовательным значением ‘приобретение полной меры нового признака, названного производящей основой’ типа *ветхий* – *ветшать* – *становиться ветхим*; *глухой* – *глохнуть* – *становиться глухим*; *зеленый* – *зеленеть* – *становиться зеленым*. В ходе проведенного исследования отмечены факты

невозможности взаимозамещения в тексте составляющих номинативных рядов производных глаголов. Во многих случаях рассматриваемое частное словообразовательное значение оказалось успешно реализованным лишь посредством деривационного сочетания модели *становиться / стать* *каким: становиться пожилым, стал босым, станет холостым*. При этом в тексте оказывается эксплицированным не просто действие с семантикой становления (приобретения) признака, но очерчивается целая глагольно-адъективная ситуация.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Никитевич, А. В.** Русский глагол в составе номинативных рядов: монография / А. В. Никитевич. – Гродно : Гроднен. гос. ун-т, 2004. – 347 с.
2. **Новиков, Л. А.** Русская антонимия и ее лексикографическое описание // Львов, М. Р. Словарь антонимов русского языка : Более 2000 антонимичных пар / М. Р. Львов ; под ред. Л. А. Новикова – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1984. – С. 5–30.
3. **Янценецкая, М. Н.** Семантические вопросы теории словообразования / М. Н. Янценецкая. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1979. – 242 с.
4. **Тихонов, А. Н.** Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. : более 145000 слов / А. Н. Тихонов. – 3-е изд., исп. и доп. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – Т. 2.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html>. – Дата доступа: 26.07.2018.
6. **Милославский, И. Г.** Синонимические и квазисинонимические отношения между лексическими и словообразовательными средствами в активной грамматике русского языка. Каким можно, а каким нельзя стать по-русски // *Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji* : materiały z 4 konferencji Komisji Słowotwórstwa

przy Międzynarodowym Komitecie Slawistów. – Katowice : Wydawnictwo Gnome, 2000. – S. 53–58.

7. Грамматика современного русского литературного языка : в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980. – Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемистику. Словообразование. Морфология. – 787 с.
8. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В. И. Чернышева. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1948 – 1965. – 17 т.
9. **Никитевич, А. В.** Дери́вация и смысл : монография / А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2014. – 223 с.

Поступила в редакцию 25.06.2018 г.
lavyshmarina@yandex.by
(Лавыш Марина Андреевна)

Lavysh M. VERBS FORMED FROM ADJECTIVES WITH THE MEANING ‘FULL ACQUISITION OF A NEW PROPERTY’ IN RUSSIAN LANGUAGE.

In the article modern linguistic views on the projection of a property on a verb by means of derivation are marked and briefly characterized. Special attention is paid to the relations of gradualness of the motivational basis reflected in the semantics of verbs formed from adjectives. The nominative series of these verbs are analyzed in detail and a comparative analysis of their functioning in the modern text is carried out.

Keywords: verb derivation, verbs formed from adjectives, the category of gradualness, derivational meaning, derivational combinations, inchoative verb

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

ЮБИЛЕЙ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ВИШНЕВСКОГО

1 января 2019 г. исполнилось 70 лет доктору философских наук, профессору, заведующему кафедрой философии **Михаилу Ивановичу Вишневному**.

Михаил Иванович родился в 1949 г. в д. Семков Городок Минского района. В 1971 г. окончил Белорусский государственный университет. До июня 1979 г. он работал на кафедре философии естественных факультетов Белгосуниверситета. Но вот уже почти сорок лет связывают Михаила Ивановича Вишневного с МГУ имени А.А. Кулешова. В июле 1979 г. он был приглашен на должность доцента кафедры философии и политэкономии МГПИ имени А.А. Кулешова (с 1997 – МГУ имени А.А. Кулешова), в 1982 г. стал ее заведующим. Многие годы работы Михаила Ивановича в нашем вузе были связаны с высокими ответственными постами: с 1995 г. он – проректор по учебной работе, проректор по научной работе, с 2001 г. – первый проректор Могилевского университета имени А.А. Кулешова. После ухода из ректората Михаил Иванович вновь возглавил кафедру философии.

За свою многолетнюю деятельность Михаил Иванович был отмечен заслуженными наградами: нагрудным знаком “Отличник народного образования Республики Беларусь” (1993); ему присвоено почетное звание “Заслуженный работник образования Республики Беларусь” (2004). Награжден орденом Франциска Скорины (2014), Почетными грамотами Министерства образования Республики Беларусь.

Михаил Иванович Вишне夫斯基 – автор более 200 научных и научно-методических публикаций, в том числе трех монографий, ряда учебных пособий для студентов вузов, руководил подготовкой и является одним из авторов цикла школьных учебников по обществоведению.

Во многом благодаря усилиям Михаила Ивановича в нашем вузе был создан научный журнал “Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова”. Более 15 лет он являлся его главным редактором. Михаил Иванович был высокопрофессиональным, вдумчивым и строгим редактором, благодаря чему журнал получил признание среди научного сообщества нашей страны. Будучи главным редактором, Михаил Иванович с уважением относился к научному творчеству своих коллег, стимулировал их научные поиски.

Путь Михаила Ивановича Вишневного в философию отражает многогранность и глубину его личности, широту его мировоззренческого горизонта и нестандартность мышления. Он стал кандидатом философских наук, затем доктором философских наук, не окончив философского факультета. Михаил Иванович – выпускник физического факультета БГУ специальности “Физика”. Но превращение физика в философа – не случайная метаморфоза. Между философией и естествознанием существует тесная взаимосвязь, восходящая еще к древнегреческим “физикам”. А традиция становиться философом, имея естественнонаучное образование, укоренена в самой истории философии: от Иммануила Канта до Томаса Куна, Карла Поппера и других. В русской фило-

софии можно вспомнить выпускников физико-математического факультета Московского университета Павла Флоренского и Андрея Белого.

Михаила Ивановича Вишневого, как и многих мыслящих ученых, волновали философские аспекты науки. Этой проблеме была посвящена его кандидатская диссертация “Диалектика содержания и формы в развитии современного естественнонаучного знания (на материале физики микропроцессов)”. Однако на философских проблемах естествознания не замыкаются интересы Вишневого-философа. Многие годы своей научной деятельности он посвятил разработке проблем философии образования. Его концепция философского синтеза как мировоззренческой основы образования стала темой докторской диссертации и хорошо известна как в нашей стране, так и за рубежом.

Философский синтез рассматривается автором концепции как процесс построения теоретического мировоззрения, связывающий воедино все элементы мировоззрения и в результате придающий мировоззрению экзистенциальную и культурно-историческую определенность. М.И. Вишневский убежден, что философское мышление по своей сути диалогично, и диалогичность противопоставляется им проявлениям мировоззренческой агрессивности и нетерпимости. Особенно важную роль мировоззренческий синтез приобретает в современную эпоху, помогая уберечься от губительных конфликтов, вызванных в немалой степени мировоззренческими различиями.

М.И. Вишневский выступает против догматизации философского образования, против подхода к философии как некому обезличенному знанию и сведения ее к набору упрощенных схем. Он убежден, что философию можно постичь, лишь читая тексты, знакомясь с первоисточником, в котором запечатлена авторская мысль и авторский стиль. “Не существует никакой “общей философии”, – не раз заявлял Михаил Иванович и в своих многочисленных публикациях, и в беседах с коллегами. – Только обратившись к истории философии можно постичь реальный путь развития теоретического мировоззрения”.

Именно такой подход к философии М.И. Вишневский реализует в изданных им многочисленных пособиях для студентов, магистрантов и аспирантов, и в преподаваемом им курсе “Философия и методология науки”. Его лекции всегда содержательны, наполнены авторским видением раскрываемой темы. Начитанность и широкий кругозор лектора позволяют ему всегда быть интересным для слушателей. Примеры из литературных произведений, обращение к историческим фактам или вставленный в нужном месте жизненный анекдот не просто оживляют академическое занятие, но и помогают студентам проникнуть в суть излагаемой теории, настроиться в унисон мысли изучаемого автора.

Михаил Иванович Вишневский – один из разработчиков Концепции оптимизации содержания, структуры и объема социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования (2012 год). Понимая сложность и противоречивость стоявших перед авторами этой концепции проблем, Михаил Иванович не побоялся взять на себя ответственность по еЕ разработке, пытаясь найти оптимальный вариант решения этой трудноразрешимой задачи.

Михаил Иванович Вишневский является членом Президиума ВАК Республики Беларусь, его компетентное мнение важно при вынесении решения о присуждении ученой степени соискателю.

Михаил Иванович пользуется заслуженным уважением своих коллег и студентов. Он отличается трезвым аналитическим умом и своими неординарными суждениями по поводу окружающей реальности и процессов, происходящих в

ней. Он уважительно относится к чужому мнению, при этом всегда имеет мужество оставаться при своем. Михаил Иванович умеет ценить своих коллег, развивать их способности, как руководитель организовывать их работу, при этом мудро и деликатно указывая на недостатки. Эти качества помогли ему справляться с грузом ответственности и большими объемами задач в сложной многолетней работе на высоких постах в ректорате, они помогли ему создать одну из лучших кафедр нашего университета – кафедру философии и вот уже почти четверть века руководить ей.

Редакция журнала, коллеги и студенты поздравляют Михаила Ивановича с юбилеем, желают крепкого здоровья, долголетия и благополучия, научных достижений, философских раздумий, воплощенных в новых публикациях.

Ю.В. АЛЕНЬКОВА

кандидат культурологии, доцент
Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова